

ЧЕЛОВЕК
.....
СООБЩЕСТВО
.....
УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал

№ 3 · 2012

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный
журнал

3-2012

Издается с марта 1999 г. Периодичность — 4 номера в год. Свидетельство о регистрации №Р2829 от 16 марта 1999 г. выдано Северо-Кавказским региональным управлением регистрации и контроля за соблюдением законодательства о средствах массовой информации и печати Комитета Российской Федерации по печати. Журнал распространяется по подписке. Цена свободная. Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 46483.

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 19 февраля 2010 года №6/6 журнал «Человек. Сообщество. Управление», издающийся на факультете управления и психологии КубГУ, включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Учредитель:

Кубанский государственный университет

Адрес редакции:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, к. 404-н. Тел.: (861) 219-95-63

Адрес издателя:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149
Кубанский государственный университет
Статьи для публикации принимаются по эл. адресу: chsu1999@yandex.ru
Сайт журнала: <http://chsu.kubsu.ru>

Дизайн обложки: С.Г. Ажгихин, М.Н. Марченко. Оригинал-макет: Д.А. Хрипков. Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра КубГУ. Адрес: Краснодар, ул. Ставропольская, 149
Подписано в печать 29.09.2012
Уч.-изд. л. 10,67. Усл. печ. л. 10,92
Тираж 1000 экз. Заказ №

Главный редактор:

Е. В. Морозова, д-р филос. наук, профессор

Редакционный совет:

Алексеева Т.А., д-р филос. н., проф. (МГИМО (У); Арутюнян Л.А., д-р филос. н., проф. (Ереванский ГУ); Бабешко В.А., д-р физ.-мат.н., проф., академик РАН (Кубанский ГУ); Бедерханова В.П., д-р пед. н., проф. (Кубанский ГУ); Бодалев А.А., д-р психол. н., проф., академик РАО; Деллер С., PhD, проф. (университет Висконсин-Мэдисон, США); Жаде З.А., д-р полит.н., проф. (Адыгейский ГУ); Зинченко Ю.П., д-р психол. н., проф. (МГУ им. М.В. Ломоносова); Знаков В.В., д-р психол. н., проф. (Институт психологии РАН); Иванов А.Г., д-р ист.н., проф. (Кубанский ГУ); Кузьмина Н.В., д-р психол. н., проф. (РАО); Латфуллин Г.Р., д-р экон. н., проф. (Гос. ун-т управления); Марьин М.И., д-р психол. н., проф. (МВД РФ); Никовская Л.И., д-р социол. н., проф. (Институт социологии РАН); Романова А.П., д-р филос. н., проф. (Астраханский ГУ); Рябикина З.И., д-р психол.н., проф. (Кубанский ГУ); Сморгунев А.В., д-р филос.н., проф. (СПбГУ); Фадеева Л.А., д-р ист.н., проф. (Пермский ГУ); Шабров О.Ф., д-р полит.н., проф. (РАГС); Шпак В.Ю., д-р филос. н., проф. (Южный федеральный ун-т)

Редакционная коллегия:

Авдеева Т.Т., д-р эконом. н., проф. (зам. гл. редактора); Белоконов Т.М., канд. филол. наук, доц.; Дёмин А.Н., д-р психол. н., проф. (зам. гл. редактора); Ермоленко В.В., канд. тех.н., доц.; Ждановский А.М., канд. ист.н., проф.; Кимберг А.Н., канд. психол. н., доц.; Кольба А.И., канд. полит.н., доц. (зам. гл. редактора); Курбатова Г.С., отв. секретарь; Лаврова Т.Г., канд. эконом. н., доц.; Лузаков А.А., д-р психол. н., доц.; проф.; Мясникова Т.А., канд. эконом. н., доц.; Оберемко О.А., канд. социол. н., доц.; Ожигова Л.Н., д-р психол. н., проф.; Остапенко А.Н., д-р пед. н., проф.; Савва Е.В., канд. филос. н., доц.; Филиппов Ю.В., канд. эконом. н., проф.; Фоменко Г.Ю., д-р психол. н., проф.; Юрченко В.М., д-р филос. н., проф. (зам. гл. редактора)

3-2012

Содержание

ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА

- Мирошниченко И. В.* Публичная политика в современной России: состояние и тенденции развития 4
- Смертин Ю. Г.* Политика и визуальная пропаганда в Китайской Народной Республике 15

ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

- Меньшиков В. В.* Властные принципы, их роль и значение для конструирования властного взаимодействия 21
- Корниенко Т. А.* Модернизационные вызовы и трансформация политической культуры: к вопросу о социально-культурных факторах модернизации 31

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

- Рябухина Ю. Н.* Система факторов политического участия молодёжи. 42
- Ватутин А. Н.* Противоречивая природа понятий «конфликт» и «кризис»: теоретико-методологические основания исследования 49
- Халилов Т. А.* Потенциал политической институционализации бизнес-ассоциаций 55

ЮБИЛЕИ

- «Я и сейчас обожаю больше учиться, чем учить» (интервью с Верой Петровной Бедерхановой) 59

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛА

- Дикая Л. Г.* Личностный потенциал и эмоциональное выгорание педагога 75

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- Гайдар К. М.* Размышления о психологии коллектива и группового субъекта (перечитывая наследие А. С. Макаренко) 89

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- Дёмин А. Н.* Отношение к карьерной мобильности и стратегии социальной интеграции молодёжи 101

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- Мартинанова И. Ю., Минц С. С.* «Международность» в контексте жизненного мира дворянских детей России XVIII – начала XX вв. 114

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 130

ПОРЯДОК ПРИЁМА И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ 131

ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

.....

И. В. Мирошниченко¹

В статье рассматриваются динамика трансформации и состояние публичной политики современной России. Выделяя позитивные и негативные характеристики трансформации национальной модели публичной политики России на различных этапах, автор оценивает перспективы ее реконструкции и развития.

Ключевые слова: российская публичная политика, трансформация, институциональная реконструкция публичной политики.

This article examines the dynamics of transformation and the current state of public policy in modern Russia. Allocating positive and negative characteristics of transformation of national model of public policy of modern Russia at various stages, the author estimates prospects of its positive reconstruction and development.

Key words: Russian public policy, transformation, institutional reconstruction of public policy.

Теоретическое осмысление публичной политики как социального явления обуславливалось трансформацией публичной сферы современного российского общества и оценкой ее текущего состояния с позиции развитости тех или иных институтов публичной политики и публичных практик. Условно можно выделить три этапа развития публичной сферы и публичной политики в современной России, которые нашли свое отражение в научных дискуссиях и работах.

1 этап — этап демократизации публичной политики в РФ (1993-2000-х гг.) — связан с оформлением институционального дизайна демократического государства: становление рыночной экономики и гражданского общества, формирование института президентства, многопартийности, системы политического

¹ Мирошниченко Инна Валерьевна — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: mirinna78@mail.ru.

Работа выполнена в рамках проекта «Социальные сети как ресурс модернизации современного российского общества: концептуальные основы и методология межрегиональных сравнений» (МК-2122.2011.6) при финансовой поддержке гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук.

представительства [21; 25; 26] и парламентаризма, закрепление федеративных принципов политико-территориального устройства государства, развитие региональной политики и политики местных сообществ [16; 22]. Как отмечают исследователи, в начале 1990-х гг. происходит «тройной переход», который была вынуждена осуществить Россия: от централизованно-плановой экономики к рынку; от тоталитарного строя — к протодемократии, от многонационального государства, скрепленного идеологической скрепой, — к национальному государству [5, с. 11]. В этот период происходит создание институциональных и технологических основ гражданского участия и межсекторного взаимодействия в сфере социальной политики как центрального объекта публичной деятельности на федеральном и региональном уровнях [14; 19; 30; 40]. Данная проблематика актуализирована в политической практике в качестве предмета исследования российской публичной политики на протяжении всего периода трансформации публичной политики [9; 35; 36]. В данный период сформировалась, по определению А. Ю. Зудина [10, с. 24], полицентричная система публичной политики, которая обеспечивалась сочетанием двух факторов: повышенной конфликтности и агрессивного информационного освещения событий и явлений общественно-политической жизни со стороны ведущих СМИ.

II этап — институциональный кризис и субъективное институциональное строительство в российской публичной политике (2000-2007 гг.) — характеризуется смещением фокуса исследовательской оптики от процесса создания институциональных основ, обеспечивающих функционирование делиберативной демократии, к их функциональной эффективности [23; 24; 37] в результате посткоммунистических преобразований [4; 18]. Публичная политика рассматривается в контексте соотношения формальных и неформальных институтов, негативной конвергенции институтов демократии и доминирования «подрывных неформальных институтов» [2; 20; 27].

Политическая система начала 2000-х гг. характеризовалась усилением властной вертикали, равноудаленностью крупного бизнеса от власти, повышением роли государства в социально-экономической сфере, сменой приоритетов в региональной политике, попыткой создания действенной судебной системы, реформированием административно-государственного аппарата. Не отказываясь от либеральных преобразований в экономической сфере, государство стало проводить активную социальную политику путем перераспределения ресурсов в пользу социально депривированных слоев общества. Политические преобразования стали носить в значительной степени авторитарный характер, закрепляя формирующийся политический порядок.

Ю. А. Красин, выражая позицию политологического экспертного сообщества, говорит о формировании в данный период модели «управляемой демократии», которая характеризуется следующими дефектами в сфере публичной политики: принцип разделения властей подменен доминированием института

президентства, подчиняющего органы исполнительной власти; парламент лишен реальных рычагов власти и контрольных функций; политические партии не имеют ни глубоких корней в обществе, ни эффективных каналов влияния на публичную политику; средства массовой информации в большинстве своем находятся под колпаком олигархических групп и государственной бюрократии и используются как инструменты манипулирования общественным мнением; свободные выборы деформированы, права человека и гражданина нарушаются на каждом шагу, в том числе и самим государством. Ссылаясь на мнение шведского ученого А. Фогелклу, он отмечает, что «главные функции Конституции заключаются в том, чтобы легитимизировать и легализовать решения, почти не влияя при этом на результаты политического процесса» [12, с. 25].

Анализируя изменения в публичной политике, происходящие в России, А. А. Рябов приходит к выводу, что российская политическая система в своем институциональном аспекте противодействует укреплению публичности. «Вопреки конституционным институтам власти — парламенту, правительству, которые в разной степени должны быть «открытыми», решения принимаются в неформальных, непубличных, «тайных» центрах власти» [28, с. 89]. В данный период происходит консервация публичной политики, обусловленная доминированием ключевых акторов, использующих институты в своих целях. Г. В. Пушкарева говорит о «кризисном поле российской демократии», так как «институциональные структуры не обрели необходимой прочности и не способны в полной мере выполнять функцию нормативного ограничителя для политических акторов, обретших в конкурентной ситуации возможность мобилизовать новые ресурсы с целью усиления своих властных позиций или продавливания решений, отвечающих групповым интересам» [29, с. 53].

Отсутствие институциональных изменений означает, что никто из агентов не заинтересован в изменении существующих правил игры. С. В. Патрушев, исходя из концепции институциональной эволюции Д. Норта, отмечает, что «в сохранении неэффективных институтов может быть заинтересовано государство... такие институты могут поддерживаться могущественными группами со специальными интересами; а эволюция общества ... может попасть в зависимость от однажды избранной институциональной траектории» [11, с. 31].

По определению Н. Ю. Беляевой, происходит «субъективное институциональное строительство»: «для повышения эффективности своей деятельности и минимизации издержек при реализации собственных политических интересов активные субъекты публичной политики стремятся закрепить свои отношения с политическими партнерами посредством формальных соглашений, а при возможности — и специальных нормативных актов. Тем самым они, по сути, создают новые публичные институты, которые соответствуют их индивидуальным политическим интересам» [1, с. 29-30].

III этап — имитация публичности и формирование новых «точек роста» гражданской активности в условиях модернизации государства (2008 г. — по настоящее время). Данный этап характеризуется переплетением ряда тенденций, находящихся во внутреннем противоречии друг с другом.

Во-первых, происходит закрепление результатов субъективного институционального строительства путем медийных технологий. Как отмечает А.И. Соловьев, «...власть наряду с информационным прикрытием административного ресурса занимается целенаправленным конструированием массовых коммуникаций», где основными информационными стратегиями являются риторика политического руководства, обещающая гражданам скорые реформы и изменения; активное выдавливание оппозиции из информационного пространства, компрометация оппозиционных сил и любых форм протестных настроений и действий [33, с. 17]. По определению Л.И. Никовской, современный политический процесс в России «являет собой особую конфигурацию административно-централизованных методов управления полем политики и спорадической самоактивизации остаточных элементов публичного дискурса. Медиапозиционирование нейтральных или благожелательных правящему режиму «игроков» выдавливает гражданский сектор на периферию политической системы» [15, с. 168-169].

Во-вторых, в условиях экономического кризиса, обострившего внутренние проблемы, политическое руководство вынуждено предложить новую стратегию модернизации РФ, которая напрямую затрагивает сферу публичной политики. Модернизационные ориентиры в экономике направлены на создание материальных, интеллектуально-технологических, кадровых и социальных оснований для инноваций; в общественно-государственном секторе — становление государственных и общественных институтов, которые Д.А. Медведев определил формулой из четырех «И» (институты, инновации, инфраструктура, инвестиции) [17].

В то же время реализация стратегии модернизации «сверху» порождает усложнение и диверсификацию общественных отношений, выдвигая новые вызовы политической элите и гражданскому обществу. Как отмечает И.Е. Дискин, «серьезное противоречие кроется в трудном согласовании модернизационных ориентиров, с одной стороны, и демократических методов их реализации, с другой», что в свою очередь создает следующие опасности для современной России:

- при политической закрытости утрачиваются шансы на рациональный выбор целей модернизации: «рассчитывать на прозорливость авторитарного лидера — чрезмерный риск»;
- «авторитаризм неизбежно разрушает обратные связи в системах управления, искажает идущие снизу сигналы... расхождение между исходным замыс-

лом и практикой неизбежно», модернизация утрачивает способность адаптации институциональных механизмов;

– авторитаризм всегда стремится к контролю, ограничению общественной инициативы, что губительно в условиях, когда «мобилизация активности и самостоятельности социальных субъектов — жесткий императив» [6, с. 220-224].

В. Н. Якимец утверждает, что существующий в России «порядок ограниченного доступа», базирующийся на рентной монополии для элит посредством создания барьеров на вход и подавления конкуренции — как в экономике, так и в политике, препятствует долгосрочному экономическому росту и самоорганизации общества [38]. Модернизация российского общества возможна только при переходе к порядку открытого доступа, где существуют свобода организаций, низкие входные барьеры, справедливая конкуренция и деперсонализация социальных связей. При этих условиях формируется базис гражданского общества с многочисленными группами, способными на политическую активность в случае угрозы их интересам. Конкуренция свободно формирующихся организаций ведет к постоянному открытию новых источников рент (инновационному развитию), а не к закреплению старых за определенными группами интересов.

Существование таких противоречивых трендов публичной политики современной России, как имитационная публичность и курс государства на модернизацию, способствовало возникновению нового тренда в публичной политике — актуализации «подпольной публичности» в *online-пространстве* и формированию новых форм коллективного действия в *offline*. Открытое противостояние имитационной и подпольной публичности произошло в период избирательного цикла парламентских (осень 2011 г.) и президентских (весна 2012 г.) выборов. Несмотря на то что «центром противостояния была фигура избранного на новый срок президентом В. В. Путина, соответствующие противостояния включали в себя идеологемы «авторитаризм — демократия», «манипуляция — честность», «стабильность — развитие», «реставрация — революция», «закрытость — открытость» и т. д., тем не менее эти внешние и видимые очертания конфликтного противостояния скрывали за собой более глубокие процессы и разломы, которые сопровождают современное развитие России» [32, с. 34]. Новые практики коллективного действия и протестной активности граждан, формирующиеся в *online-пространстве* публичной политики, являются ответом на различные формы подавления со стороны государства, сочетающим в себе процесс единой согласованной сетевой деятельности и социальное творчество особых социальных субъектов (индивидов, сообществ), направленное на выстраивание каналов взаимодействия с органами власти.

Охарактеризованные тренды складывания публичной политики нашли свое отражение в ее современном состоянии, в котором сочетаются позитив-

ные и негативные аспекты развития. Среди них в качестве определяющих можно выделить следующие черты публичной политики:

Субъективное институциональное строительство в публичной политике способствует формированию полутеневых и теневых механизмов государственного регулирования при одновременном нивелировании роли традиционных структур гражданских интересов: электоральные механизмы перестали выступать механизмом выбора политических предпочтений населения; партийный рынок сузился до нескольких представленных в Думе партий власти (за исключением КПРФ), а его пространство стало жестко контролироваться в виде квазиполитической организации «Единая Россия» [34, с. 3-30]. При этом институциональный каркас системы публичной политики упрощался, но одновременно обрстал временными приспособлениями, изобретаемыми для решения каждой отдельной частной задачи, создавая видимость включения в разработку стратегических решений круга заинтересованных общественных акторов.

При идеальной модели публичной политики «черный ящик» (система государственной власти и управления), как отмечает Ю. А. Красин, должен быть «погружен в публичную сферу, охватывающую все многообразие частных интересов, впитывая в себя через «центрифугу» постоянной рефлексии тот самый публичный интерес, который вываривается в котле жизненных коммуникаций и в котором сублимировано богатство индивидуальных, групповых и корпоративных интересов... В трансформирующемся российском обществе...запросы, требования, предложения поступают здесь в «черный ящик» политики, в основном минуя публичную сферу. Поступают непосредственно от частных и корпоративных интересов: от бизнес-сообществ, от корпораций, от гражданских организаций, отнюдь не всегда представляющих главные сегменты гражданского общества, от различных кланов государственной бюрократии, нередко коррумпированных и полукриминальных, иногда даже от слегка припудренных групп организованной преступности» [13, с. 77].

Политико-административные преобразования существенно увеличили способности государства как института публичной политики. Политика модернизации, по мнению А. В. Сморгунова, сводилась к трем составляющим: 1) усиление политико-административной автономии государства, его независимость от частных социальных интересов, будь-то интересы корпораций, отдельных экономических групп или региональных политико-экономических кланов; автономия государства позволяла самостоятельно формулировать государственно-публичную политику; 2) повышение уровня политико-государственных способностей государства осуществлять цели государственной политики, выполнять свои регулирующие функции по отношению к национальной экономике и обществу; способности государства позволяли осуществлять цели более эффективно и качественно; 3) придание развитию экономики, об-

щественным процессам и жизнедеятельности самого государства большей социальной ориентации [31].

Продолжающийся экономический кризис продемонстрировал, что «управляемая демократия» исчерпала свои возможности по глубокой системной модернизации общества. Переход от экономического недовольства в политическую мобилизацию в Пикалёво, Забайкалье, другие моногорода, а также крупные города, включая Владивосток и Калининград, способствовал со стороны органов власти созданию условий и механизмов для реализации межсекторного социального партнерства на региональном и местном уровнях публичной политики. В целом, по мнению исследователя процессов межсекторного партнерства в России В. Н. Якимца, за последние годы можно уже насчитать более трех с половиной тысяч созданных представителями гражданской и деловой инициативы на региональном и местном уровнях механизмов межсекторного социального партнерства [39, с. 15].

4. В процессе усиления государственного контроля в режиме «ручного управления» институты гражданского общества стали испытывать обратные эффекты, способствующие сопротивлению и селекции НКО:

- коалиции НКО оказались эффективным информационным каналом для органов власти при условии дефицита информации об объективном положении дел в стране вследствие установления контроля над наиболее массовыми СМИ;

- НКО обладают исключительными компетенциями и современными методами работы с депривационными, социально незащищенными слоями населения (пожилыми людьми, бывшими заключенными и их семьями, наркоманами и т. д.);

- использование НКО властными элитами как инструмента и союзников для борьбы за власть в то же время позволило НКО решить ряд проблем граждан [8, с. 50].

Описанные обратные эффекты в итоге повлекли за собой уменьшение административного давления на весь некоммерческий сектор и селективную поддержку социально ориентированных некоммерческих организаций.

5. Феномен «индивидуальной модернизации» определяет характер гражданской активности и новых сетевых форм коллективного действия. Процесс глобализации (под которым подразумевается не столько торговая и экономическая взаимосвязь, сколько формирование глобальных коммуникаций и глобальной культуры) открывает возможности для формирования новых идентичностей, позволяющих преодолеть деинституционализацию и взаимное отчуждение государства и общества, социальное напряжение в общественном пространстве [3, с. 9-10]. Новые формы коллективного действия формируются в сетевом пространстве публичной политики в условиях кризиса идентично-

сти, «снятие» которого, по словам З.А. Жаде, осуществляется путем создания самоорганизаций и ассоциаций, строящихся на идентичности сопротивления [7, с. 197]. При этом сетевое пространство публичной политики определяется социальным капиталом общества и использованием таких online-технологий, как блоги и социальные сети.

6. Лиминальность публичной политики в России. Концепция лиминальности в интерпретации А.В. Сморгунова «описывает такое состояние системы, когда она меняет свои структурные, идентификационные и функциональные свойства на другие, но при этом переход не является завершенным. Система находится на пороге изменений, что порождает ряд неустойчивых и высоко конфликтных ситуаций» [32, с. 36]. Характерными чертами ламинальности, по его мнению, являются:

- институциональная матрица политического устройства, заложенная Конституцией 1993 г. и усиленная политикой «управляемой демократии»;
- новая институциональная матрица не имеет четких очертаний, так как кризис репрезентативной демократии влечет за собой новые сетевые центры политической власти, в которых государство будет сохранять доминирующие позиции, но только в качестве антимонополистического ресурса, координирующей власти и символа национальной идентификации;
- трансформация публичной сферы обусловлена все возрастающей ролью государства как поставщика публичных услуг, но не как монопольного центра выработки публичных ценностей; с одной стороны, будут возрастать требования и общественный контроль над качеством публичных услуг; с другой — усилится влияние сетевой демократии на формирование политических повесток и принятие политических решений;
- функция легитимного насилия будет актуализироваться такими факторами, как «угроза коллективной безопасности», техногенные катастрофы и т.д.;
- политической стратегией государства в борьбе за ресурсы конкурентоспособности станет открытость глобального сообщества к национальным ресурсам [32, с. 35-36].

Перспективы позитивной трансформации российской публичной политики связаны с двумя траекториями ее развития: институциональной реконструкцией публичной политики и развития потенциала взаимодействия государства и сетевых структур гражданского общества.

Институциональная реконструкция публичной политики должна быть направлена на развитие интеграционных институтов общественной системы. Формирование дееспособных институтов будет способствовать вовлечению в публичность граждан и повышению роли репрезентативности интересов в системе государственного управления. На современном этапе трансформации российской публичной политики либерализация общественной жизни

и укрепление институциональных основ гражданского участия становятся инструментальной задачей. Ее решение востребовано как «сверху» — характером поставленных властью задач постиндустриальной модернизации, так и снизу — социально активными и «поднимающимися» социальными общностями, без которых ни модернизация экономики, ни модернизация общественно-политической сферы общества невозможны. При этом политическое и гражданское участие должно развиваться не за счет намеренного ослабления действующих «властных игроков», а благодаря расширению возможностей для появления новых социально-политических акторов, организованных на солидарных горизонтальных связях и их сетевом сотрудничестве.

Библиографический список

1. *Беляева Н. Ю.* Публичная политика в России: сопротивление среды // *Полис*. 2001. № 1.
2. *Гельман В.* «Подрывные институты» и неформальное управление в современной России // *Пути модернизации: траектории, развилки, тупики: сб. науч. ст.* СПб: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2010.
3. *Грин С.* Природа неподвижности российского общества // *Pro et Contra*, январь-апрель 2011. № 1-2 (51).
4. *Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века.* М.: Европа, 2010.
5. *Демократия: развитие российской модели.* М.: ИНСОР, 2008.
6. *Дискин И. Е.* Прорыв: как нам модернизировать Россию. М.: РОССПЭН, 2008.
7. *Жаде З. А.* Потенциал идентичности в условиях роста протестных настроений в российском обществе // *Экстраординарность, случайность и протест в политике: тематическое и методологическое поле сравнительных исследований: сб. науч. ст.* Краснодар: КубГУ, 2011.
8. *Зигенрт Й.* Эволюция гражданской ответственности // *Pro et Contra*. Январь-апрель 2011. № 1-2 (51).
9. *Зудин А.* Взаимоотношения крупного бизнеса и власти при В. Путине и их влияние на ситуацию в российских регионах // *Региональная элита в современной России.* М.: Фонд «Либеральная миссия», 2005.
10. *Зудин А. Ю.* Публичная политика как инструмент российского выбора: материалы Третьего Всерос. конгресса политологов. М.: РАПН, 2003.
11. *Институциональная политология: современный институционализм и политическая трансформация России.* М.: ИСП РАН, 2006.
12. *Красин А. Ю.* Судьба демократии в России // *Демократия и федерализм в России.* М.: РАПН, РОССПЭН, 2007.
13. *Красин Ю. А.* «Центрифуга» публичной сферы: от конфликта интересов к формированию ресурса и энергетики политики модернизации // *Культура конфликта во взаимодействии власти и гражданского общества как фактор модернизации России: материалы Всерос. науч.-практ. симпозиума с междунар. участием.* М.: Фонд имени Ф. Эберта, 2011.

14. Кулаковский Р. Власть и бизнес: социальный диалог в региональном управлении // Проблемы теории и практики управления. 2004. № 6.
15. Курюкин А. Публичный интерес, публичная политика и системная модернизация общества: российские проблемы (материалы круглого стола) // Власть. 2011. № 2.
16. Машезерская Л. Я. Институт коллективного действия в индустриальном и постиндустриальном континууме // Институциональная политология: современный институционализм и политическая трансформация России. М.: ИСП РАН, 2006.
17. Медведев Д. Россия вперед! URL: <http://www.kremlin.ru/news/5413>.
18. Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях // Полис. 2000. № 1-2.
19. Олейник А. Рынок как механизм воспроизводства власти // Pro et Contra. 2008. № 2-3 (41).
20. Олейник А. Н. Эрозия демократии в России и на Западе в свете гипотезы негативной конвергенции // Полис. 2007. № 2.
21. Ольшанский Д. О. О группах влияния и некоторых «влияющих» в российской политике // Бизнес и политика. 1995. № 11.
22. Островский Д. И. Особенности формирования групповых интересов в современной России // Вестник МГУ. Сер. 12: Политические науки. 1998. № 1.
23. Панов П. В. Трансформация политических институтов в России: кросстемпоральный сравнительный анализ // Полис. 2002. № 6.
24. Патрушев С. В. Институционализм в политической науке: этапы, течения, идеи, проблемы // Политическая наука. 2001. № 2.
25. Перегудов С. П. Корпоративизм и неокорпоративизм // Бизнес и политика. 1995. № 10.
26. Перегудов С. П., Лапина Н. Ю., Семенов И. С. Группы интересов и российское государство. М.: РАН, Ин-т мировой экономики и международных отношений, 1999.
27. «Прозрачность власти: иллюзия или необходимость?» Материалы Интернет-версии конференции. URL: <http://www.niiss.ru/publications/seminar/tenev.htm>.
28. Публичная сфера и государственная публичная политика в современной России (круглый стол) // Полис. 2000. № 10.
29. Пушкарёва Г. В. Кризисное поле российской демократии // Демократия и федерализм в России. М.: РАПН, РОССПЭН, 2007.
30. Семенов И. С. Корпоративное гражданство: западные модели и перспективы для России // Полис. 2005. № 5.
31. Сморгун А. В. Политика модернизации и пока неосуществленный выбор: «управляемость» или репрезентация // Культура конфликта во взаимодействии власти и гражданского общества как фактор модернизации России: материалы Всерос. науч.-практ. симпозиума с междунар. участием. М.: Фонд имени Ф. Эберта, 2011.
32. Сморгун А. В. Сложные сети и демократический процесс в России: новые возможности и ограничения // Пути развития современной России: новые возможности и ограничения: сб. тезисов Всерос. науч.-практ. симпозиума с междунар. участием. М.: РАПН, Институт «Справедливый мир», 2012.
33. Соловьев А. И. Имитация публичности как инструмент консолидации авторитарной власти // Пути развития современной России: новые возможности и ограниче-

- ния: сб. тезисов Всерос. науч.-практ. симпозиума с междунар. участием. М: РАПН, Институт «Справедливый мир», 2012.
34. *Соловьев А. И.* Институты власти и управления в стратегии российской модернизации: проблемы и перспективы // Вестник МГУ. Сер. 21: Управление (государство и общество). 2010. № 3.
35. Социальная ответственность бизнеса и корпоративное гражданство // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 11.
36. Социальная политика бизнеса в российских регионах: сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН, 2005.
37. *Урбан М.* Социальные отношения и политические практики в посткоммунистической России // Полис. 2002. № 4.
38. *Якимец В. Н.* Использование потенциала гражданских и ресурсов межсекторного социального партнёрства при модернизации России // Пути развития современной России: новые возможности и ограничения: сб. тезисов Всерос. науч.-практ. симпозиум с междунар. участием. М.: РАПН, Институт «Справедливый мир», 2012.
39. *Якимец В. Н.* Проблемы оценки и мониторинга гражданского общества в регионах России // Оценка состояния и развития гражданского общества России: проблемы, инструменты и региональная специфика. М.: КРАСАНД, 2010 (Труды ИСА РАН. Т. 57).
40. *Якунин В. И.* Партнерство в механизме государственного управления // Социологические исследования. 2007. № 2.

ПОЛИТИКА И ВИЗУАЛЬНАЯ ПРОПАГАНДА В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

.....

Ю. Г. Смертин¹

В статье исследуются политика коммунистической власти Китая в области наглядной агитации и пропаганды и ее эволюция в связи со значимыми событиями и процессами в истории страны. Особое внимание уделяется визуальным образам и смыслам, насаждавшимся в массовом сознании в 1940-1970-е гг. Делается вывод, что в современном Китае политический режим использует новые формы продвижения своих идей, но в то же время для части населения старые плакаты остаются окном в утраченный мир.

Ключевые слова: плакат, политика, пропаганда, агитация, реализм, символизм, образ, изобразительное искусство.

The article is devoted to the politics of Chinese communist authority in the sphere of visual agitation and propaganda and its evolution in connection with significant events and historical processes. Special attention pays to visual images and meanings which implanted into mass-consciousness during the forties — seventies of the last century. The author comes to the deduction that the Chinese present-day regime exploits modern forms to advance its ideas but for some portion of inhabitants old posters serves as a window to the lost world.

Key words: poster, politics, propaganda, agitation, realism, symbolism, image, pictorial art.

Руководство КНР и компартия Китая уделяли огромное внимание пропагандистскому искусству, видя в нем важнейший канал для распространения политических установок и формирования правильных моделей поведения и мышления. Литература, живопись, театр, песенное творчество, кинематограф должны были не только (и не столько) развлекать, но и служить средствами образования и политического воспитания. Сразу после образования КНР, в 1940-1950-е гг., подавляющее большинство населения страны было неграмотным или малограмотным. Для многих радио и телевидение еще в 1960-е гг. не существовали, а в 1970-е оставались малодоступными. В этих условиях

¹ Смертин Юрий Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры зарубежного регионоведения и дипломатии Кубанского государственного университета. Эл. почта: usmer@hotmail.com

перевод абстрактных политических идей в конкретные и понятные художественные образы был особенно актуальным.

У такого подхода китайских коммунистов к искусству имелась своя история. Как известно, Коммунистическая партия Китая была создана в 1921 г. под влиянием Октябрьской революции в России по инициативе двух профессоров Пекинского университета — Чэнь Ду-сю и Ли Да-чжао. Мао Цзэ-дун, которому было тогда 28 лет, был горячим последователем Ли Да-чжао.

Уже в период временного союза Националистической партии (Гоминьдан) с коммунистами (1924-1927 гг.) в борьбе за свержение правительства милитаристов в Пекине и объединение страны, который был одобрен Советским Союзом, КПК выступала с идеей разрушения «старой культуры». Она пыталась влиять на общественное мнение через пропаганду и агитацию, используя при этом формы и приемы, разработанные в СССР.

В начале 1930-х гг. после разрыва с Гоминьданом, поражения на начальном этапе Гражданской войны и так называемого Великого похода в Северо-Западный Китай (1934-1935 гг.) коммунисты обосновались в г. Яньане. Здесь, в новом революционном центре, была организована Академия искусств, где учились без отрыва от боев и работы на полях молодые художники, поэты, писатели [5, с. 46-49]. Партийные идеологи совершенствовали теорию и практику использования искусства в целях воздействия на массовое сознание. Оно должно было противостоять гоминьдановской пропаганде, а также нейтрализовать пропаганду японцев, которые вторглись в Китай в 1937 г. и захватили ряд его территорий. Япония убеждала китайцев в необходимости своего военного присутствия и предостерегала против сотрудничества и с коммунистами, и с националистами.

Мао Цзэ-дун прямо заявлял, что искусство должно служить политике и отражать лозунги КПК [3, с. 89]. Поскольку в то время партия могла вести пропаганду в основном среди неграмотных крестьян в сельских районах, средством пропаганды были выбраны традиционные для Китая красочные, яркие лубочные картинки, тесно связанные с обычаями народа, его жизнью и бытом. Все лубки в Китае называются *няньхуа*, что значит «новогодняя картина», поскольку изначально эти благопожелательные эстампы «с их богатым миром сказочных, фантастических и реально-жизненных образов украшали праздник Нового года» [1, с. 5] и развешивались в жилищах.

Новые новогодние картинки стали называться *синьняньхуа*, т.е. «новые няньхуа». В них использовались декоративные формы и традиции народного лубка, которые наполнялись новыми смыслами и символами. Поначалу их печатали с деревянных досок, потом стали применять литографический способ и наравне с газетами распространяли по всем деревням освобожденных районов.

На лубках партийные художники изображали крестьян, солдат, женщин, детей, сопровождая образы простых людей актуальными партийными лозунгами типа «Отложил плуг, взял винтовку», «Невеста посылает жениха, а мать сына бить оккупантов» и т. п. Эти картины через местные партийные ячейки распространялись по деревням: ими награждали наиболее сознательных крестьян и солдат, а также продавали на рынках.

Ко времени победы над Гоминьданом руководство КПК решило расширить свою социальную базу за счет городского населения, которое было все еще потенциально враждебно коммунистической идеологии. Нужны были новые идеи и инструменты воздействия. И здесь партийные лидеры обратились к социалистическому реализму, который практиковался в Советском Союзе с 1930-х гг. Этот «творческий» метод уже показал свою эффективность в стране «победившего социализма». Мао мог в этом убедиться лично во время визита в Москву в декабре 1949 г. Яркие краски и излучающие оптимизм и счастье сюжеты советских пропагандистских картин воспринимались как продолжение основных черт новогодних лубков. В период с 1949 по 1957 г. многие китайские художники учились методу социалистического реализма в советских учебных заведениях, а преподаватели из СССР обучали молодых художников в китайских институтах. К созданию пропагандистских плакатов (*хуаньчуань хуа*) были привлечены лучшие типографии и граверные мастерские Шанхая и Пекина, которые были национализированы. Народное издательство Внутренней Монголии специализировалось на картинах, связанных с жизнью национальных меньшинств. Теперь основной темой становится социалистическое строительство и народное счастье как его результат. Названия лубков соответствующие: «Обучение ткачих», «Женская тракторная бригада», «Обучение трактористов советским специалистом», «Отличники труда на народном гулянье в парке Бэйхай», «Вырастим цыплят, продадим их и деньги внесем на постройку самолета» и т. п. Изображенные в духе гиперреализма рабочие, крестьяне, солдаты, молодежь в динамичных позах символизировали преданность делу коммунизма и верность председателю Мао. Эти артобъекты массово распространялись через сеть книжных магазинов «Синьхуа» («Новый Китай»), выполняя роль и праздничной декоративной картинки, и агитационного плаката; они использовались для украшения жилища, для подарка, воспроизводились в газетах и журналах, изображались на почтовых марках. Большие плакаты можно было видеть на улицах, вокзалах, предприятиях и в других публичных местах.

Популярность народных картин и их глубокая укорененность в китайской культуре привели к появлению иллюстраций к древним легендам, известным пьесам традиционного театра. Утонченные красавицы на фоне идеализированных пейзажей, божественные девы в небесах («Побег Чан Мэй на Луну», 1954 г.), исполненные тонкими и нежными красками, пользовались большим

спросом и резко контрастировали с плакатным стилем партийного пропагандистского искусства.

В период так называемого Большого скачка (*Да юэцзин*) (1958-1960 гг.) Мао Цзэ-дун разочаровался в советском опыте модернизации общества, а заодно и в советском соцреализме, посчитав последний недостаточным для того, чтобы отразить задуманный им уникальный социально-экономический эксперимент. Было решено за несколько лет превратить аграрную страну в современное коммунистическое общество через ускоренную индустриализацию экономики, массовую коллективизацию крестьянства и борьбу с «Четырьмя старыми» (старыми идеями, старой культурой, старыми обычаями, старыми привычками). В этот период плакаты призывали к полному самопожертвованию ради великой цели, изображали счастливую жизнь крестьян в коммунах, собиравших небывалые урожаи и т. п. Большой скачок, как известно, закончился экономической и социальной катастрофой, которая унесла жизни десятков миллионов жителей КНР. По некоторым данным потери от голода и репрессий составили от 43 до 46 млн чел. [2, с. 272].

Провал был настолько очевиден, что Мао Цзэ-дун подвергся критике на партийных конференциях 1960 и 1962 гг. и был практически отстранен от принятия стратегических решений. К власти пришли умеренные в лице Лю Шао-ци и Дэн Сяо-пина. Художественная политика Мао также была отклонена.

Был взят курс опоры на собственные силы, а во внешней политике Китай стал претендовать на роль лидера мирового революционного движения, главного борца против «американского империализма» и «советского ревизионизма». Героическое напряжение масс на пропагандистских плакатах сменилось романтическими изображениями счастливой жизни, которую вел китайский народ при «суверенном» социализме.

Но Мао не смирился с ролью партийного маргинала и решил вернуться в большую политику путем, необычным даже для много повидавшего за свою историю Срединного государства. В своей борьбе с оппонентами он сделал ставку на политически незрелую молодежь, которую легко было воодушевить лозунгами ниспровержения старого порядка и «реакционной идеологии». Возможно, в какой-то степени его вдохновили революционные выступления в тот период молодежи Запада, сотрясавшие устои, казалось бы, незыблемой буржуазной государственности.

Во времена «культурной революции» (1966-1976 гг.) политическая борьба вновь стала доминировать над жизнями китайцев. Каждый элемент плаката был наполнен политическим символизмом: это касалось и цветовой гаммы, и размещения персонажей в композиции. Многие профессиональные художники оказались не в почете, их подвергали критике и «перевоспитанию». Децентрализация производства плакатов привела к ликвидации фактической монополии пекинских и шанхайских издательств. Теперь художественную

продукцию, вдохновлявшую народ на борьбу и самопожертвование, создавали любители из рабочих и крестьян. Цветовая гамма была минимализирована и сведена в основном к трем цветам: черному, красному и белому [см.: 4].

Со смертью Мао в 1976 г. и приходом к власти умеренных во главе с Дэн Сяо-пином Китай вступил на путь модернизации и открытости. Хотя КПК продолжала навязывать обществу свое видение настоящего и будущего социалистического Китая, в искусстве и наглядной агитации произошла беспрецедентная либерализация. Монополия китайского социалистического реализма закончилась, в страну начали проникать западные визуальные элементы. Плакаты-постеры намекали на будущее, наполненное космическими кораблями, небоскребами, скоростными шоссе с многочисленными автомобилями [6, с. 27]. Вскоре эта фантастика стала реальностью. В 1990-е гг. Китай стал обществом массового потребления, внешние враги исчезли и призывы к классовой борьбе, самопожертвованию во имя светлого будущего утратили актуальность. На смену героическим плакатам пришла дизайнерская реклама супермаркетов и Макдоналдсов.

Партийно-государственная наглядная агитация не исчезла полностью, но приобрела принципиально другой характер. Ее используют в основном городские партийные комитеты и органы власти, призывая сохранять окружающую среду, культурно себя вести, бороться за привлекательный имидж города и т. п. Однако у части общества интерес к пропагандистским шедеврам эпохи Мао не исчез. В Шанхае существует частный Музей пропагандистского плакатного искусства. В антикварных магазинах и лавках коллекционеры могут купить сильно пожелтевшие лубочные картины революционной эпохи, хотя и широко распространены подделки. Некоторые китайцы (среднего и пожи-

лого возраста), не сумевшие вписаться в новую жизнь, ностальгируют по прошлому и видят в знакомых образах свою нелегкую, но понятную жизнь, когда их не разделяли на бедных и богатых, а цели были красивыми, пусть и утопичными.

Молодежь использует образы героического прошлого весьма своеобразно. У нее пользуются спросом большие круглые значки, на которых воспроизведены агитационные плакаты, но надписи к ним заменены на новые и шуточные. Например, на значке с изображением стоящих на страже границы военных и представителей вооруженного народа с героически-отрешенными лицами, надпись гласит: «Мы знаем, что мы смертники, но все равно поедем в автобусе!». Каждому, кто ездил в китайском автобусе в час пик, юмор будет понятен.

Итак, образы, которые определяли путь Китая в течение нескольких десятилетий, исчезли. Но они остаются частью политической и социальной истории китайского народа, важным источником для изучения переломных этапов развития государства. И даже их современная интерпретация о многом может поведать пытливому исследователю политических процессов в КНР.

Библиографический список

1. *Муриан И.* Китайский народный лубок. М.: Искусство, 1960.
2. *Becker J.* Hungry Ghosts. China's Secret Famine. New-York: The Free Press, 1996.
3. *Chang A.* Painting in the People's Republic Of China: The Politics of Style. Boulder: Westview Press, 1980.
4. *Cushing L., Tompkins A.* Chinese Posters: Art from Great Proletarian Cultural Revolution. San Francisco: Abrams, 2007.
5. *Holm D.* Art and Ideology in Revolutionary China. Oxford: Clarendon Press, 1991.
6. *Landsberger S.* 'Life as it ought to be': propaganda art of PRC // IAS Newsletter. 2008. № 48.

ВЛАСТНЫЕ ПРИНЦИПЫ, ИХ РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ КОНСТРУИРОВАНИЯ ВЛАСТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

.....

В. В. Меньшиков¹

Понимание властных принципов имеет не только теоретическое, но и практическое значение. На его основе осуществляется конструирование моделей властных отношений. В представленной статье рассмотрены некоторые подходы к пониманию понятий «принцип», «властный принцип», анализируются существующие классификации властных принципов. Основное внимание автор сосредоточил на исследовании централизма, его сочетании с демократизмом и самоуправлением, на механизмах реализации названных принципов.

Ключевые слова: властный принцип, централизм, демократизм, самоуправление.

Understanding the principles of power has not only theoretical, but practical. Based on this model is the construction of power relations. In this article we consider some approaches to understanding the concepts of «principle», «power principle», analyzes the existing classification of power principles. The main attention is focused on the study of centralism, combining it with democracy and self-governance, mechanisms for implementing these principles.

Key words: authoritative principle, centralism, democracy, self-government.

Вопрос о властных принципах носит дискуссионный характер. В зависимости от позиции субъекта, критериев, которыми руководствуется автор, понимание содержания властных принципов может быть различным. Определяющую роль в данном случае играет смысл, который вкладывает исследователь в понимание понятия «принцип». Так, в «Философской энциклопедии» по этому поводу говорится: «Принцип (от лат. *principium* — начало, основа) в философии то же, что *основание*, т.е. то, что лежит в основе некоторой совокупности фактов или знаний» [9, с. 365].

В «Советском энциклопедическом словаре» понятие «принцип» понимается как: 1) основное, исходное положение какой-либо теории, учения, науки,

¹ Меньшиков Валерий Владимирович – доктор политических наук, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: politics@kubsu.ru

мировоззрения, политической организации и т.д.; 2) внутреннее убеждение человека, определяющее его отношение к действительности; 3) основные особенности устройства какого-либо механизма, прибора [7, с. 1057]. Аналогичное определение принципа дается в «Современном словаре иностранных слов». «Философский словарь» трактует принцип как «первоначало, руководящую идею, основное правило поведения» [8, с. 382].

Данные определения свидетельствуют о разнообразии в подходах к пониманию содержания понятия «принцип», а следовательно, об имеющейся возможности различного его толкования в зависимости от цели и потребностей осуществляемого исследования. В одном случае принцип понимается как основание, в другом — как прием, способ, в третьем — как конструктивная (организационная) составляющая. Нечто подобное наблюдается и в случае классификации властных принципов. Так, например, В. В. Ильин выделяет следующие принципы власти: принцип сохранения, принцип действенности, принцип легитимности, принцип скрытности, принцип «антифортиссимо», принцип внутренней несвободы, принцип реальности, принцип предусмотрительности, принцип коллегиальности, принцип толерантности, принцип приставки «со», принцип конъюнктурности, принцип самокритичности, принцип принуждения, принцип культурности, принцип меры, принцип позитивности, принцип ответственности, принцип самоорганизации, принцип внутреннего величия, принцип подставки, принцип твердости, принцип локальности, принцип компетентности, принцип дифференциации, принцип интеграции, принцип терпимости, принцип условности, принцип аполитичности, принцип антиактивизма, принцип гуманизма [3, с. 27-28]. Как видим, автор довольно аморфно представляет содержание понятия «принцип», что во многом предопределяет расширительное понимание признаков, черт, имеющих то или иное отношение к пониманию властного взаимодействия.

Весьма интересны в научно-методологическом плане суждения В. Г. Ледяева о принципах как важнейшей составляющей концептуального анализа власти, представляющего собой логическую операцию, в процессе которой раскрывается содержание понятия. Анализируя имеющиеся по этому поводу подходы в зарубежной литературе, он выделяет ряд наиболее важных для понимания власти принципов. С точки зрения содержания понятия главным ученый считает принцип уникальности. Смысл этого принципа в том, что содержание понятия «власть» должно мыслиться определенно, понятийная структура не должна быть засорена синонимами. Необходимо четко разграничивать содержание близких по значению понятий. С этим тесно связан принцип концептуализации, согласно которому социальное понятие должно коррелировать с обыденным значением слова, представляющего данное понятие. «Анализ обыденных значений слова «власть» может и должен быть начальным этапом концептуализации власти, поскольку он позволяет определить, какие понятия

мы должны использовать, когда говорим о власти, и почему мы используем именно эти понятия» [4, с. 68].

Другим принципом определения понятий, согласно Ледаеву, выступает требование, согласно которому понятия должны конструироваться в рамках общей понятийной и теоретической системы в соответствии с другими социальными понятиями. Наличие такой системы взаимосвязанных понятий помогает уточнить их содержание, их общие черты и различия, способствует формированию структуры социальной теории.

Наряду с этим автор выделяет группу принципов определения понятия, структуры понятия и формы его экспликации. Структура понятия должна обеспечить четкое и ясное понимание власти. Содержание понятия может быть выражено с помощью различных средств и разными способами. Оно должно отвечать стандартным требованиям, таким как точность, последовательность, полезность. Необходимо, чтобы структура понятия позволяла сравнивать содержание понятия с другими социальными понятиями. «...Эмпирическая полезность власти обусловлена теми элементами ее структуры, которые могут быть эмпирически измерены, и их связями с другими элементами в содержании понятия» [4, с. 75]. Наконец, социальные понятия имеют большую практическую ценность, если они связаны с уже накопленным знанием и разработанными методами исследования. Подводя итог анализа сконструированной системы принципов, В.Г. Ледаев делает вывод, что понятие власти должно: а) иметь специфическое, только ему присущее содержание, б) относительно близкое к традиционному (обыденному) значению слова «власть», в) быть связано и соотносено с другими социальными понятиями, а также г) с теоретической системой в целом. Структура и значение понятия должны: д) воспроизводить главные проблемы власти, е) соответствовать логике ее исследования и ж) давать возможность использовать существующие модели объяснения социальной реальности и современные методы исследования [4, с. 78].

Достоинство представленной методологии исследования понятия «власть» заключается в том, что принципы выступают как требования, которыми следует руководствоваться при анализе содержания понятия. Используя их, исследователь может рассчитывать на относительно правильное в методологическом отношении решение проблемы, связанной с выяснением места и роли власти в системе данной научной теоретической концепции.

Своеобразным представляется понимание принципов Вадимом Радаевым, который под таковыми имеет в виду основные установки внутренней политики, «императивы к практическому действию» («принципы действия»), соответствующие понятию «*векторные стратегии*». Последние по ходу осуществления подвергаются постоянной корректировке [6, с. 7-8]. Применительно к сфере властных отношений данный подход следует признать в конструктив-

ном плане достаточно продуктивным как в теоретическом, так и в прикладном аспекте.

Как уже указывалось содержание понятия «принцип» толкуется неоднозначно, для чего имеются определенные основания. Несмотря на относительно широкий спектр значений данного понятия, оно в методологическом смысле обладает специфическим научным содержанием. Чаще всего отмечается, что принцип составляет основу явления или группы явлений, то, что лежит «в основе некоторой совокупности фактов или знаний». При таком понимании на первый план выдвигается сущностная составляющая данных явлений, фактов, обуславливающая их бытие или идентичность.

Можно говорить о принципах, обеспечивающих сосуществование явлений, их взаимодействие между собой. Когда речь идет о таком понимании, то имеется в виду нечто важное, главное, доминирующее, устойчивое, характерное для данного явления.

Наряду с этим понятие «принцип» употребляется в значении основополагающего требования, которым следует руководствоваться в своих действиях, поведении, процессе научных исследований.

Принцип также может пониматься в значении способа, обуславливающего особенности конструкции модели властных отношений, властного взаимодействия. Исходя из такого понимания, можно выделить три принципа властного (властно-управленческого) взаимодействия: централизм, сочетание демократизма с централизмом и самоуправление.

Централизм предусматривает осуществление односторонне направленного субординационно-организованного властного воздействия субъекта властных отношений на объект. Централизованное властное воздействие может носить ограниченный или неограниченный характер, например абсолютная монархия и парламентарная монархия. Наличие в обществе централизованного властного регулятивного воздействия следует рассматривать как одно из условий существования системной организации общества. Другое дело, в какой мере это воздействие со стороны власти ограничивается структурами, находящимися формально и неформально в подчинении, насколько действенна обратная связь (воздействие) со стороны объекта. Централизация власти иногда может быть наиболее действенным способом сплочения государства, нации. Преодоление феодальной раздробленности как в Европе, так и в России осуществлялось в значительной мере таким путем. Выход из кризисной ситуации иногда просто невозможен иным способом, если в обществе царят хаос, беспорядок, преступность, падает жизненный уровень народа и т.д. Иногда сосредоточение верховной власти позволяет быстро и эффективно устранить данные отрицательные явления и вывести страну из крайне сложного положения. Примером может служить авторитарный режим генерала де Голля во Франции.

Всякое властное регулирование в той или иной мере дозировано централизмом, имманентно содержит в себе импульс, способность оказывать централизованно-направленное воздействие. Без наличия данного качественного момента, способности оказывать регуляционное воздействие власть утрачивает способность осуществлять свои властные функции. В сфере социальных отношений централизм проявляется как доминирование властной воли субъекта, в сфере правовых отношений — как требование обязательного подчинения закону, который опосредует властную волю социальных структур (институтов), создающих данные законы. Доминирование воли властного субъекта может осуществляться различным образом, все зависит от того, чью волю и интересы представляет субъект. Поэтому в некоторых случаях жесткие централизованные решения и действия могут быть санкционированы народом и выступать как проявление демократической воли большинства. Чтобы это лучше понять, рассмотрим принцип сочетания демократизма с централизмом.

Принцип, базирующийся на сочетании демократизма с централизмом в организации властного взаимодействия, имеет свои аналоги еще в древности, когда, например, в афинской демократии принятое большинством решение считалось обязательным для всех. «Именно греки, и прежде всего афиняне, осуществили то, что я бы назвал первым демократическим преобразованием: переход от идеи и практики правления немногих к идее и практике правления множества», — писал Р. Даль [1, с. 7].

При данном принципе организации власти ведущим началом выступает демократизм, понимаемый как фактор, обуславливающий выражение и реализацию интересов большинства взрослого населения, тогда как централизм — суть властное регулирование, осуществляемое централизованным способом в интересах данного большинства. Таким образом, централизм в деспотическом, тираническом, самодержавном, монархическом абсолютистском, тоталитарном смысле — это одно явление, централизм в демократическом смысле — это по содержанию и назначению другое явление. В данном случае обращаем внимание на это главным образом потому, что иногда такое различие не проводится, результатом чего становится противопоставление централизма и демократизма как якобы несовместимых и взаимоисключающих способов властвования. Такое понимание иногда экстраполируется на отношения между гражданским обществом и государством.

При осуществлении властно-управленческого взаимодействия, осуществляемого по принципу сочетания демократизма с централизмом, обратная связь носит не только информационный, но и регуляционный характер, что в первую очередь обусловлено особенностями функционирования властной системы. При этом следует иметь в виду, что в отличие от централизма, где превалирующую роль играет доминирование властных распоряжений вышестоящих структур, процесс взаимодействия, основанный на данном принци-

пе, значительно более сложен и включает три относительно самостоятельных этапа (фазы).

Первый из них — совместная выработка решения. Этот этап позволяет использовать демократические формы участия для выработки совместного решения. В таких случаях эффективность взаимодействия власти и подвластных зависит от совершенства регулирующего данные отношения механизма, от того, насколько вышестоящие органы заинтересованы в участии масс или подчиненных, насколько такое участие компетентно и действенно.

Второй этап — это централизованно осуществляемое властное регулирование сверху, направленное на реализацию демократическим путем выработанного решения. Высшее звено, руководствуясь данным решением, осуществляет централизованное субординационное воздействие на низшие звенья с целью его выполнения. Данный этап включает двоякого рода функции: функцию централизованного воздействия со стороны субъекта и функцию, направленную на реализацию регуляционного воздействия объектом. При столь четко означенной субординационной направленности здесь представляется возможным говорить о наличии идентичности интересов, которая осуществляется опосредованно через выбранных или назначаемых представителей. Все зависит от того, насколько последовательно и целенаправленно в этом случае проводится в жизнь совместно выработанное решение, насколько совпадают интересы субъекта и объекта.

Содержание третьего этапа составляет фактор обратного *властного* влияния нижестоящих звеньев на вышестоящие. Нижестоящие звенья, выполняя те или иные централизованные распоряжения, должны обладать правом и возможностью давать отдельные рекомендации, советы, высказывать пожелания, мнения, с целью совершенствования деятельности централизованного регулятивного механизма, осуществлять контроль, т. е. участвовать во властно-управленческой деятельности. Это важная сторона властного взаимодействия, играющая решающую роль для придания централизму подлинно демократического содержания. На данном этапе происходит оценка деятельности субъекта, решается вопрос о дальнейшем пребывании его на выборной должности. Если объект не обладает властью, которая позволяла бы осуществлять подобный контроль, если отсутствует соответствующий механизм для этого, то централизм остается без демократического противовеса, перестает быть демократическим.

Результатом регуляционного процесса, осуществляемого по принципу сочетания демократизма с централизмом, является тот факт, что после каждого цикла, включающего все три этапа властного взаимодействия, субъект и объект выступают как бы в несколько обновленном виде. Данные изменения могут быть значительными или незначительными, заметными или малозаметными, суть дела не в этом, а в том, что их наличие свидетельствует о заложенной

в принципе тенденции к саморазвитию, самосовершенствованию регулятивной системы. Безусловно, при наличии определенного совершенства ее организации. Указанная закономерность наиболее полно проявляется тогда, когда имеется эффективный механизм демократического воздействия со стороны объекта на субъект, т.е. когда хорошо отработаны и действуют не только прямые, но и обратные связи.

Самоуправление как принцип властно-управленческого взаимодействия представляет разновидность саморегуляции. Говоря иначе, самоуправление — это саморегулирование общественным образованием своей деятельности, направленной на реализацию заранее поставленной цели, намеченного результата. Самоуправление как властно-управленческий принцип базируется на демократических формах взаимодействия, осуществляемого в социальной системе.

При самоуправлении происходит определенное в организационном плане совпадение субъекта и объекта регулятивных отношений, в качестве которых выступает сама самоуправляемая система. Дело в том, что при самоуправлении социальное образование выступает то как субъект, то как объект, т.е. функции являются переменными. Учитывая данное обстоятельство, правильной было бы говорить, что при самоуправлении существует диалектически взаимосвязанное единство субъектно-объектных властно-управленческих функций социального образования. Причем это единство следует понимать не как тождество, а как целостность, совмещающую в своей властно-управленческой деятельности двоякого рода функции: функцию регулирования, управления, властвования и функцию выполнения, подчинения управленческих и властных требований. Функции субъектного плана самоуправляемой системы выступают как регулятивные факторы воздействия, тогда как объектные — как определенного рода подчинение, выполнение, реализация субъектных функций. Таким образом, если при централизме субъект и объект регулятивных отношений различаются организационно и функционально, при сочетании демократизма с централизмом — организационно и переменнo функционально, то при самоуправлении различия между субъектом и объектом носят преимущественно функциональный характер. Наличие двух функций у одного и того же носителя влечет за собой организационное совмещение двух видов деятельности субъектного и объектного плана.

Для самоуправления как властно-управленческого принципа наряду с названными особенностями характерны четыре черты.

Во-первых, самоуправление в общественном образовании возможно тогда, когда у участников этого процесса имеется совпадение в понимании необходимости осуществления (реализации) заранее сформулированной (поставленной) основной цели, способствующей объединению интересов, сплочению усилий участвующих в этом процессе людей.

Во-вторых, самоуправление предполагает у общественного образования наличие относительной самостоятельности, предоставляющей возможность регулировать свою деятельность. Зависимость, лишаящая общественное образование самостоятельности, как правило, исключает возможность осуществления самоуправления.

В-третьих, самоуправление — это своеобразная форма самодеятельности участвующих в этом процессе людей. Данное положение следует понимать не как проявление спонтанных, неорганизованных действий, а как целенаправленно осуществляемый процесс, предполагающий компетентное участие людей в самоуправлении.

В-четвертых, самоуправление носит коллективный характер. Это не исключает наличия различных мнений, противоречий, конфликтных ситуаций в решении тех или иных частных проблем. Присутствие общей цели, смысла деятельности ориентирует поведение людей в соответствующем конструктивном направлении.

Чаще всего самоуправление носит относительно самостоятельный характер. В современном обществе самоуправляемыми являются отдельные общественные образования, элементы общественной структуры, которые действуют в рамках существующего государственного законодательства, в государственном властном поле. Независимы они постольку, поскольку им предоставлена возможность быть самостоятельными в решении соответствующего круга проблем, в выполнении определенных обязанностей. Государственно организованное общество при всей демократичности оказывает непосредственное или опосредованное влияние на самоуправление своим законодательством, налоговой политикой и т. д.

В разные исторические периоды существовали различные виды самоуправления: общинное самоуправление в первобытном обществе; афинская демократия в древнегреческом рабовладельческом обществе; городское, цеховое, общинное

(в сельском хозяйстве) самоуправление в эпоху феодализма; муниципальное самоуправление, а также самоуправление на уровне конкретных ассоциаций, организаций при капитализме.

Некоторые исследователи рассматривают самоуправление как обязательный компонент демократии. Имеются попытки толковать демократию как форму самоуправления народа. Правда, на этот счет нет единого мнения ввиду того, что понятие «народ» мыслится весьма неопределенно. И здесь, наверное, есть смысл подумать над тем, что сказал по этому поводу М. Дюверже: ««Правление народа посредством народа», «управление нацией через ее представителей», призванные убеждать энтузиазм и оттачивать ораторские спо-

собности. Громкие слова, которые ничего не значат. Никто никогда не видел народа, который сам собой управляет, и никогда не увидит» [2, с. 510].

От понятия «самоуправление» следует отличать понятие «самоуправляемость», проявление которой может носить фрагментарный или частичный характер. В каком-то смысле социальное образование может быть самоуправляемым, в каком-то отношении нет, какие-то его отдельные элементы структуры могут функционировать на основе самоуправления, какие-то регулироваться централизованным образом.

Властные принципы — централизм, сочетание демократизма с централизмом, самоуправление — налагают соответствующий отпечаток на характер властных отношений, организацию общественной жизни. Многое здесь зависит от специфики исторического этапа, формы правления, политического режима, государственного устройства и других факторов. Данные принципы не обязательно должны взаимоисключать друг друга. В обществе одновременно могут быть задействованы все три принципа организации властно-управленческого взаимодействия. Организовать согласованное, системно-целостное их взаимодействие в рамках конкретного общества — это довольно серьезная проблема. Многое здесь зависит от целенаправленного политического курса, предусматривающего правильное распределение на разных уровнях властных полномочий и функций. В условиях демократически развивающегося общества существенную роль играет сводимость основных интересов, которую следует понимать как деятельность, направленную на обеспечение условий для относительно стабильного взаимодействия различных социальных образований в обществе с целью согласования противоречивых интересов в рамках проводимой государством политики. Сводимость — это поиск путей, разработка и внедрение технологий, позволяющих государству ориентировать в нужном направлении интересы групп для решения в конечном счете стратегически значимых задач. Сознательное, целенаправленное конструирование властного взаимодействия на основе принципа органического сочетания демократизма с централизмом может во многом облегчить решение этой задачи, способствовать созданию условий для «сложносоставной идентичности» [5, с. 60].

Если государственная власть представляет интересы незначительной части населения, то она вольно или невольно для сохранения своих приоритетов вынуждена прибегать к методам нейтрализации недовольства большинства населения, к методам манипулирования сознанием масс, идеологическому пресингу.

Таким образом, учет механизма организационного и функционального осуществления властных принципов позволяет, по крайней мере, со знанием дела конструировать соответствующие модели организации властного взаимодействия, ориентирует на понимание роли и значения этих факторов для разработки соответствующих аспектов властного регулирования.

Библиографический список

1. *Даль Р.* Демократия и ее критики. М.: РОССПЭН, 2003.
2. *Дюверже М.* Политические партии. М.: Академический проект, 2002.
3. *Ильин В. В.* Философия власти. М.: МГУ, 1993.
4. *Ледяев В. Г.* Власть: концептуальный анализ. М.: РОССПЭН, 2001.
5. *Морозова Е. В.* Сложносоставная идентичность как объект политического анализа // Человек. Сообщество. Управление, 2012. № 1.
6. *Радаев В.* Пять принципов построения нового университета // ProetContra. Май-июнь 2010. № 3 (49).
7. Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1985.
8. Философский словарь. М.: Политиздат, 1986.
9. Философская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1967.

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ: К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРАХ МОДЕРНИЗАЦИИ

.....

Т. А. Корниенко¹

В данной статье на основе системного, системно-функционального подхода и методов междисциплинарного анализа с учетом теорий и стратегий модернизации рассматриваются взаимосвязь и взаимовлияние характера, темпов модернизации и элементов политической культуры (традиций, ценностей, норм и др.) Обращается внимание на характерные черты модернизационных процессов в России, на специфику модернизационных сценариев, обусловленных множеством факторов, одним из которых выступает политическая культура трансформирующегося общества.

Ключевые слова: модернизация, политическая культура, политические ценности, традиции, инновации.

In the article in interconnection and interinfluence of modernization and the political culture is considered on the base of systematic systematic-functional approach and methods of interdiscipline analyses with the consideration of theories and strategies of modernization. The author pays attention on the specific features of modernization scenarios dependant and a large number of factors one of which is a political culture of transforming society. The characteristic features of modernizational processes in Russia are performed.

Key words: modernization, political culture, state, political treasure, traditions, innovations, transformation.

Модернизация представляет собой совокупность фундаментальных процессов качественного преобразования социальной и политической системы, в результате которых эта система повышает свои адаптационные возможности и переходит на новый этап развития [1, с. 85]. По мнению П. Штомпки, понятие «модернизация» употребляется как поливариантная категория: «Во-первых... это синоним всех прогрессивных социальных изменений... Второй смысл, ко-

¹ Корниенко Татьяна Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора по научной работе филиала Кубанского государственного университета в г. Армавире. Эл. почта: kornienko-23@yandex.ru

торый вкладывается в данное понятие, тождественен «современности», т. е. означает комплекс политических, экономических, культурных и интеллектуальных трансформаций» [22, с. 170].

Модернизацию можно рассматривать как социетальный процесс качественных изменений, который подразумевает глубокие структурные перемены в экономике, в социальной, политической сферах, в духовной жизни. Однако способы, темпоральные характеристики и результаты модернизации отличаются качественным своеобразием, поскольку зависят от социокультурных традиций социума, самобытности его устоев и укладов.

Если влияние модернизации на экономическую сферу поддается количественному и качественному анализу, то намного сложнее ощутить перемены в социальной и политико-культурной сфере, но именно трансформация этих подсистем служит основой для дальнейших модернизационных циклов — будущих преобразований или мобилизационных «срывов». Говоря о развитии политической культуры, необходимо отметить, что речь идет не о качественном изменении: оно предполагает усложнение, расширение культурного контекста восприятия социально-политических процессов, а не разрыв с предшествующими традициями и политическим опытом.

Системный анализ позволяет рассматривать политическую культуру как двухуровневую систему, погруженную и взаимодействующую с внешней средой. На первом, глубинном, уровне (ядро политической культуры) преобладают политико-культурные элементы, обеспечивающие трансляцию и преемственность — политические традиции, политические мифы и т. д. Ядро содержит систему онтологических социальных представлений, которые вырабатываются и кристаллизуются на протяжении многих столетий, и именно эта информация создает контекст, в котором будут протекать социально-политические процессы. К структурам, в которых реализуется ядро политической культуры, относятся как языковые конструкции, так и политические мифы, предрассудки, традиции, национальные и социальные обычаи [17, с. 69].

На втором, внешнем, уровне политической культуры происходит взаимодействие с внешней средой через поступающие и исходящие коммуникативные импульсы — «сигналы входа» и «сигналы выхода». Если архетипный уровень политической культуры как мозаичный объект представлен наиболее статичными компонентами, то в ее оболочке происходит непрерывный процесс формирования новых политико-культурных элементов, поступающих из внешней среды, которые будут восприняты или отторгнуты системой. Ядро политической культуры также реагирует на инновации, поскольку обладает адаптационными механизмами, возможностью приспособления к меняющимся условиям политической реальности.

Политическая культура включает в себя сложные элементы, разновекторные направления и процессы, борьбу нового со старым, креативного и консер-

вативного, традиционного и инновационного, автохтонного и трансплантированного [7, с. 116], которые под влиянием модернизационных вызовов могут выступать как ускорителями преобразований, так и причинами «срывов».

Модернизация направлена на развитие политической культуры, обретение ею новых качеств посредством следующих механизмов:

- дифференциации основных духовно-интегрирующих систем — религии и политики, секуляризации политической культуры;
- возникновения в трансформирующейся системе новых элементов, таких как национальное государство, гражданское общество и др.;
- заимствования и включения в систему политической культуры новых компонентов из других культур [16, с. 56].

Определяя, какие элементы политической культуры обуславливают модернизационные изменения, исследователи, как правило, указывают нормы и ценности, приемлемые и разделяемые большинством членов социума, а также традиции и исторический опыт.

Ценности о мире политического как определенные представления, к которым можно отнести социально-политические идеалы (свободу, справедливость, равенство и др.), политические институты (государство), характеристики правовой культуры (этатизм), формы политической деятельности (революции, реформы) и т.д., всегда присутствуют в политической культуре определенного общества. Политические ценности — предельно абстрактные принципы (идеалы), являющиеся целями, ориентирами политической практики [21, с. 12]. В нормах эти ценности обращаются в желаемый или ожидаемый конкур поведения. Нормы можно рассматривать как кодифицированные ценности, поскольку ими пронизаны все сферы общественной жизни, все виды поведения, деятельности человека [19, с. 17]. Вместе с ценностями нормы обеспечивают символически-смысловую структурализацию мира политического.

Определенные политические ценности как элементы политической культуры выступают в роли трансляторов моделей, образцов политического поведения, тех компонентов политического сознания, которые адекватны политической деятельности, что помогает предотвратить противоречия и конфликты. Причем речь идет не о самих ценностях, а об их иерархии, которая и выступает в качестве наименее стабильного компонента политической культуры, поскольку внутренняя структура ценностей, социальные онтологические установки более консервативны. Таким образом, эволюционные изменения политической культуры заключаются в изменении значимости функций отдельных структурообразующих элементов [21, с. 89].

Ценностные аспекты политической культуры, способные адекватно реагировать на мобилизационные вызовы или, наоборот, препятствовать им, стали предметом анализа многих исследователей. Так, в работах А. Пая, Р. Уильямса

акцентировалось внимание на ценностях, способствующих модернизации в так называемых развивающихся обществах. Ими была выявлена следующая закономерность: чем больше степень распространения ценностей в определенном социуме, тем менее вероятны быстрые модернизационные изменения [27].

В свою очередь, Д. Каванах предпринял попытку рассматривать ценностные аспекты политической культуры западных обществ сквозь призму созданной им теории периодических эффектов, согласно которой определенные события оказывают первостепенное влияние на политические установки основной массы населения [25, 26 с. 19]. В качестве отличительной черты современных западноевропейских демократических обществ С. Хантингтон называет политическое участие: «Модернизация означает мобилизацию масс, массовая мобилизация означает увеличение политического участия, а увеличивающееся политическое участие является ключевым элементом политического развития. Участие отличает современную политику от традиционной политики» [24, с. 110].

Р. Ингларт в своих теоретических построениях (теория «бесшумной революции») обращает внимание на одну из главных тенденций развития политических культур современных обществ, обуславливающих их дальнейшую модернизацию, которая заключается в прерывании традиций и новых основаниях общества и политической культуры: «...становление передового индустриального общества ведет еще к одному совершенно особому сдвигу в базовых ценностях — когда уменьшается значение характерной для индустриального общества инструментальной рациональности. Преобладающими становятся ценности постмодерна, неся с собой ряд разнообразных социентальных перемен, от равноправия женщин до демократических политических институтов и упадка государственно-социалистических режимов» [9, с. 288]. Таким образом, важнейшими элементами политической культуры, которые отвечают за способность политической системы реагировать на модернизационные импульсы, выступают, по мнению исследователя, наиболее устойчивые ценностные ориентации и настроения массовых слоев общества.

В современных синтетических концепциях (например, «социокультурной самобытности», «модернизации в обход модернити» и др.) указывается, что успех модернизации возможен исключительно в условиях органичного сочетания современных рационально-технических ценностей и институтов с традиционными, самобытными основами незападных обществ, а учет социокультурной специфики служит важнейшей исходной посылкой современных трансформаций [8, с. 32]. Выдвигается идея о множественности моделей модернизации для стран с различным общественным укладом (Ш. Эйзентшадт, Дж. Джермани), поэтому бессмысленно выстраивать единую модель или сценарий мировой модернизации, но при этом можно проследить определенную

схожую динамику эволюций идеологий, поддерживающих и оправдывающих преобразования социальных институтов.

В частности, Э. Тирикян призывает отойти от навязанной западной модели модернизации и обращает внимание на множественность сценариев модернизации, приемлемых для развития различных по структуре и характеру политических и социальных институтов. Поэтому целью современной политической элиты выступает оптимальный поиск подобной модели, сочетающийся с национальными традициями и устремлениями, с достижением национальной стабильности на основе консенсуса между различными социальными, этническими, конфессиональными стратами общества.

В русле проектной стратегии целостного социального развития модернизация понимается как модернизационный ответ на вызовы локальной политической системы. Положительная реакция на преобразования исходит от социума в том случае, если политическая элита не видит возможности сохранить традиционный образ социально-политической системы [8, с. 46]. Традиции, определяющиеся господствующей в обществе религией или особенностями исторического развития, прямо или опосредованно оказывают влияние на характер и темпы модернизации, ускоряя или сдерживая их.

Таким образом, в современных теориях модернизации актуализируется потребность анализа ментальных факторов восприятия новшеств, подчеркивается длительность и противоречивость последствий модернизаций в различных социокультурных ареалах, а следовательно, акцентируется внимание на взаимовлиянии модернизации и политической культуры.

Политическая культура может подвергаться существенным изменениям под влиянием диаметрально противоположных процессов — модернизации и традиционализации. Сущность последнего, по мнению Н. И. Лапина, состоит в том, что он направлен на воспроизводство традиционных структур и ориентаций, на возникновение и институционализацию практик, которые обеспечивают приоритет предписанных норм и правил поведения политических субъектов по сравнению с возможностями инновационных действий [13, с. 17].

Как правило, традиционные элементы политической культуры оцениваются исследователями как фактор, препятствующий ритмам модернизации. Но согласно исследованиям М. Зингера, Ф. Риггса, К. Гирца, Ш. Эйзенштадта противоположность традиционализма и современности в процессе модернизации не настолько очевидна, как это может показаться, поскольку традиционные институты вполне могут адаптироваться к современности; предпосылки модерна зарождаются в традиционных контекстах. По мнению Э. Паина, процесс модернизации любого общества всегда выступает как компромисс взаимодействия традиционных элементов и ростков модернизационных структур. Успех или неуспех этих процессов зависит от того, удастся ли достигнуть

их некоторой органической целостности, системного качества, решить неизбежный конфликт ценностей [15, с. 55].

Политическая культура выступает в роли интегрирующего фактора принятия массовым сознанием модернизационных идей и концепций, опирающихся на традиционные ценности, которые развиваются на основе преемственности [3, с. 43]. Традиции и инновации образуют в политической культуре непрерывное единство, создающее культурный иммунитет в виде фундаментальных социально-политических констант безопасности и развития, позволяющих культуре безболезненно приспосабливать к себе новые компоненты, отвечающие национальным интересам [14, с. 17].

Процессы модернизации и трансформации политической культуры взаимосвязаны. Модернизация, обусловленная развитием политической культуры, оказывает на нее существенное воздействие, поскольку не только благоприятствует формированию и развитию рациональных (модернизационных) ее элементов, но и высвобождает из недр исторической памяти нерационалистические (традиционные, порой архаические) мировоззренческие и поведенческие практики. Если общество готово к переменам, они своевременны и отвечают имеющимся у общества ресурсам, то эти две противоположные тенденции уравнивают друг друга и можно наблюдать процесс установления их синтеза. Итогом иной модели модернизации выступает своеобразный мировоззренческий конфликт, когда население в поисках стабильности и устойчивости обращается к структурам своего исторического прошлого.

Темпы модернизации влияют на характер трансформации политической культуры. В тех обществах, где модернизация происходит стремительно или носит догоняющий характер, политическая культура испытывает на себе влияние норм и ценностей политической культуры того государства (региона, нескольких стран, откуда начались «модернизационные волны»), модель преобразований которого была принята за некий шаблон или образец. Однако следование чужим стандартам не означает получение подобного положительного результата в процессах модернизации, так как копирование чуждых определенной политической системе институтов и ценностей, отрицание собственных исторических традиций и опыта приводят к возникновению негативных последствий, поскольку данные образцы не воспринимаются субъектами политической культуры.

Для России своеобразным эталоном модернизации выступали европейские государства, по образу которых с XVIII в. проводились политические, социально-экономические и культурные преобразования. Однако модернизация всегда воспринималась как чуждое явление, навязанное сверху и извне, имевшее так называемый верхушечный характер. Результатом практически всех российских реформ выступал всплеск традиционализма, возрождение неотторгнутых политической культурой ценностей, ассоциировавшихся с архаиче-

ским, но стабильным, со статичным, но эффективным. При этом следование европейской модели модернизации, как правило, не приводило к изменению повседневной народной жизни, европеизации подверглись прежде всего элиты. Лишь в краткие периоды либеральных модернизаций реформаторы сознательно обращались не только к реформированию государственной, но и общественной жизни [6, с. 40].

Именно традиционализм общественной жизни и политических практик, по мнению большинства исследователей, наложил большой отпечаток на характер российской модернизации. А.С. Ахиезер, характеризуя воспроизводство традиционных программ, отмечает, что «высокая степень их неизменности гарантируется не только соответствующей культурной ориентацией на воспроизводство некоторого «абсолютного», «естественного», «неизменного» порядка, не только мощью исторической инерции, но и системой репрессий, возникающих вместе с культурой» [2, с. 29]. С.Н. Гавров полагает, что исторические катастрофы, в том числе революции, в течение последних столетий случались в России из-за слишком долгого и упорного стремления сохранить историческую, политическую, экономическую и культурную самобытность. Стремительность социокультурной динамики в рамках западной цивилизации требовала столь же стремительной реакции [4, с. 67], но если Европа шла путем буржуазных трансформаций, то Россия консервировала феодально-имперские основы политической системы.

Возможен и другой вариант: заимствованные образцы из других культур интегрируются в культурное пространство, наполняются новыми политическими смыслами, близкими по значению политической культуре реципиента. Конвертируемые ценности могут носить временный, вынужденный характер (до мобилизационного срыва) или стать постоянными с модифицированным содержанием для политической культуры общества, находящегося в процессе модернизации. По мнению Э. Баталова, политические структуры, «пересаженные» на данную почву или возникшие на ней в результате модернизации, получают свой действительный смысл при сопоставлении с тем или иным образцом. Под его воздействием они трансформируются, сохраняя нередко лишь внешний облик прежней институциональной формы. Однако только в таком виде общество и конкретная личность могут понять и принять их. Чтобы новая реальность получила «права гражданства» в наличной политической культуре, она или, точнее, ее «аналог» должен быть найден в прошлом [4, с. 83].

Современная российская политическая культура, как полагает Г.А. Кертман, оперируя собственным когнитивным и ценностным инструментарием, «одомашнивает» новые политические институты и практики, уподобляя их знакомым, вписывая «импортированные» институты в привычный ценностно-нормативный контекст и вырабатывает спектр мотиваций политического поведения, типичный для «среднего россиянина» [10, с. 153].

Специфика политической культуры во многом обуславливает наличие/отсутствие такой модернизационной стадии, как «мобилизационные срывы». Ш. Эйзенштадт в качестве основной проблемы модернизации и причины ее срыва указывал отсутствие нового синтеза на месте разрушающихся основ старого общества, а не отсутствие обновления самого по себе [23, с. 198]. Э. Паин периоды срыва модернизации считает следствием неразвитости общества-нации, они же с необычайной выразительностью обнаруживают отсутствие социальных корней у демократических институтов, не опирающихся на общество и его базовые ценности [15, с. 55]. К тому же, несмотря на всеохватывающий характер модернизации, ее результатом может быть частичное реформирование отдельных сфер общественной жизни, поскольку формирование новых институтов и современных принципов не обязательно приводит к целостному обновлению общества [8, с. 64], а может даже сопровождаться укреплением традиционных систем через влияние новых форм организации.

По нашему мнению, к числу факторов, способствующих мобилизационным срывам, следует отнести делегитимизацию властных структур (даже при высокой популярности и доверии населения к определенному политическому лидеру), недостаток социально-экономической базы для проведения преобразований, недостаточно выраженные цели модернизационных процессов для социума, выступающего их субъектом.

Модернизация может привести к возникновению феномена «гибридизации ценностей», происходящему в коммуникативно-информационном поле политической культуры, когда в современных обществах элитарное, традиционное и массовое составляют пересекающиеся между собой и взаимопроникающие элементы культуры и не могут существовать друг без друга. «Гибридизация ценностей» и сейчас выступает одной из характерных итогов российской модели модернизации. Она выражается в наложении друг на друга аксиологических пластов дореволюционной, советской и современной политической систем, причем «новые ценности не органично сочетаются с существующими чертами предшествующих цивилизаций в последующих и наблюдается деформация одними цивилизациями других» [18, с. 64].

Анализируя модернизационные процессы, следует помнить, что они представляют собой синтез поступательной и рецессивной динамики, прогресса и регресса, хотя при их рассмотрении в довольно длительном диахронном контексте преобладает поступательное начало. Процесс трансформации политической культуры носит эволюционный характер. Тем не менее скачкообразные трансформации приводят к возникновению новых и исчезновению старых компонентов, распаду старых систем, убеждений, идеалов, ценностей. Но даже при видимых изменениях компонентов политической культуры существует определенная динамика преемственности [1, с. 54].

Однако процесс модернизации политической культуры не всегда протекает гладко и бесконфликтно. Одни общественные слои могут быстро усваивать новые элементы политической культуры, другие — медленнее [16, с. 128]. В результате политическая культура приобретает размытый характер, ослабляются ее базовые основы, составляющие ее субкультуры начинают ориентироваться на противоположные ценности традиционализма и модернизма. Причина этого явления — разновекторность модернизационных устремлений государства и общества, сочетающая традиционные и современные политические практики, антагонизм между стремлением к прогрессу и традиционалистскими ценностями [20, с. 74], в итоге — социокультурный раскол общества и массовая маргинализация населения [5, с. 27].

С началом модернизации быстрая дифференциация общества влечет за собой утрату единства и кризис традиционных онтологических механизмов интеграции [17, с. 38]: рушатся консервативно-схоластические структуры общества, меняются внутриэтнические отношения и это приводит к социальной дезинтеграции. Промежуточное, маргинальное состояние российского общества и сейчас выражается в его расколотости, в том, что оно поляризовано, расслоено социально и территориально, что проявляется в различных системах ценностей: в центрах доминирует работа со знаками и символами (политика, масс-медиа), на периферии — с вещами (производство, натуральное хозяйство) [11, с. 118].

Во избежание подобных негативных последствий модернизации необходимо проведение таких преобразований, которые отвечали бы темпоральным, социокультурным, этническим, экономическим, историко-политическим и геополитическим особенностям социума.

Таким образом, современные теории модернизации рассматривают модернизацию любого общества как незавершенный процесс, характеризующийся усложнением структурно-функциональных связей и взаимосвязей между различными подсистемами общественной жизни. Большое внимание исследователи уделяют учету социокультурных факторов преобразований, отступая от «аккультурных» выводов о степени развитости модернизированных обществ.

Процессы модернизации и трансформации политической культуры взаимосвязаны. С одной стороны, политическая культура выступает в роли интегрирующего фактора традиций и инноваций, норм и ценностей как социально-культурных факторов, которые обуславливают процессы модернизационных преобразований. С другой стороны, темпы и ритмы модернизации влияют на характер трансформации политической культуры, усиливая в ней потребность в преобразованиях или архаизации ее структур. Учет сложных системно-функциональных процессов взаимовлияния и взаимосвязи между

политической культурой и модернизацией позволит избежать негативных последствий трансформаций социума, находящегося на пути преобразований.

Библиографический список

1. *Абрамова Н. А.* Политическая культура: традиции и современность: дис.... д-ра социол. наук. Улан-Удэ, 2002.
2. *Ахиезер А. С.* Как открыть «закрытое» общество. М.: Магистр, 1997.
3. *Баталов Э.* Политическая культура России сквозь призму civic culture // Pro et contra. 2002. Т. 7, № 3 (13).
4. *Бляхер Л.* «Презумпция виновности». Метаморфозы политических институтов в России // Pro et Contra. 2002. № 3.
5. *Вартумян А. А.* Современные теории модернизации: российские реалии и западные стандарты // Россия в процессе модернизации: социально-политические аспекты: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Армавир: РИЦ АГПА, 2010.
6. *Гавров С. Н.* Модернизация во имя империи: социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М.: УРСС, 2004.
7. *Галкин А. А.* Стабильность и изменения сквозь призму картины мира // Полис. 1998. № 5.
8. *Ермаханова С. А.* Феномен модернизации и его отражение в сознании субэлитарных групп: социокультурный аспект. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2010.
9. *Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Политология: хрестоматия/сост. М. А. Василик, М. С. Вершинин. М.: Гардарики, 2000.
10. *Кертман Г. А.* Статус политических партий в российской политической культуре // Политическая психология, культура и коммуникация. М.: РАПН; РОССПЭН, 2008.
11. *Корн М.* Миф в системе политической культуры: дис ... канд. филос. наук. М., 2008.
12. *Кржегов В.* Циклы российской модернизации // Российская модернизация: размышляя о самобытности: сб. ст. М.: Три квадрата, 2008.
13. *Лапин Н. И.* Проблема социокультурной трансформации // Вопросы философии. 2000. № 6.
14. *Мельченко А. С.* Политическая культура как фактор обеспечения национальных интересов в условиях глобализации: дис.... канд. полит. наук. Ставрополь, 2009.
15. *Паин Э.* Особенности российской модернизации // Российская модернизация: размышляя о самобытности: сб. ст. М.: Три квадрата, 2008.
16. *Перов В. Ф.* Политическая культура как фактор развития политического процесса в современной России: дис.... д-ра полит. наук. М., 2002.
17. *Притчина Е. В.* Политическая культура в циклах российской модернизации. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2005.
18. *Рябов В. В.* Гражданское общество и политическая культура современной России: политико-социологический анализ: дис.... д-ра социол. наук. СПб., 2005.
19. *Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы.* М.: РОССПЭН, 2009.

20. *Федорович А.В.* Политическая культура России (современное состояние и перспективы): дис.... канд. культурологических наук. М., 2005.
21. *Шилов В.Н.* Политическая аксиология. Белгород: Логия, 2005.
22. *Штомпка П.* Социология социальных изменений/пер. с англ. под ред. В. А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996.
23. *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс, 1999.
24. *Huntington S.* Political development and Political decay // *Politics in Advanced Nations: Modernization Development and Contemporary Change.* Prentice Hall, 1974.
25. *Kavanach D.* Political Science and Political Bihavioure. London: George Allen and Unwin, 1983.
26. *Pye L. W.* Introduction: Political Culture and Political Development // *Political Culture and Political Development*/ed. L. Pay, S. Verba Princeton: Princeton University Press., 1965.
27. *Williams R. M.* Change and Stability in Values and Value Systems // Barber B. and Inkeles A. (Eds.) *Stability and Social Change.* Boston: Little, Brown, 1966.

СИСТЕМА ФАКТОРОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ МОЛОДЕЖИ

.....

Ю. Н. Рябухина¹

В статье анализируются факторы, оказывающие влияние на уровень и виды политического участия молодых людей. Автор систематизирует факторы по следующим критериям: внутренние — внешние, фиксированные — ситуационные, дает описание каждого критерия, перечисляет факторы, входящие в данные категории, анализирует зависимость повышения уровня политической вовлеченности молодежи от тех или иных факторов.

Ключевые слова: молодежь, система факторов, политическое участие, политическая вовлеченность, политическая система, социализация.

In this article analyzes the factors that influence the level and types of political participation of young people. The author systematizes the factors on the following criteria: internal — external, fixed — situational; gives a description of each criterion and factors which it includes; analyzes the dependence of the increasing level of political involvement of young people on various factors.

Key words: youth, system of factors, political participation, political involvement, political system, socialization.

Изучая политическое участие граждан и молодежи, отечественные и зарубежные исследователи не только дали трактовку понятия, указали на многогранность его применения, но и осветили сущностные (идеологические и социальные аспекты, законность, эффективность) и формальные стороны явления (формы, факторы, уровни, методы, структуры, критерии, национальные различия).

В то же время при анализе факторов, определяющих политическое участие, множество теорий предполагает, что политическое участие граждан вызывает изменения переменных в социально-экономической и политической сферах и влияет на психологические особенности личности. Ряд уникальных исследований отечественных и зарубежных ученых (исследования Г. Алмонда и С. Вербы, Э. Кармайнса и Р. Хакфельда) [1; 2], использующих разнообразные

¹ Рябухина Юлия Николаевна — аспирант кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: jryabukhina@yandex.ru

Систематизация факторов, оказывающих влияние на политическое участие молодежи

Факторы	Фиксированные	Ситуационные
Внутренние	Социализация, мотивация, образование	Рациональный выбор, социальные инстинкты
Внешние	Политическая система, гражданское общество, социальный капитал, экономическое развитие	Рекрутинг, давление, политическая информация, мероприятия

статистические данные, доказывают правдивость данных предположений. Тем не менее существует достаточное количество факторов, требующих анализа и систематизации, которые в той или иной степени влияют на политическое участие молодежи (уровень образования, уровень жизни, уровень доверия к политическим институтам, формы и методы общения политических институтов с молодыми людьми и т. д.). Комплексный анализ теорий и практических исследований позволит сформировать полноценное, систематизированное представление о влиянии различных факторов на политическое участие молодежи. Проведенный анализ поможет общественным и политическим субъектам, заинтересованным в повышении участия молодежи в политической сфере, выявить и систематизировать технологии, позволяющие стимулировать и регулировать политическую вовлеченность молодежи.

На наш взгляд, логично выделить следующие критерии для систематизации факторов: первая пара критериев — внешняя среда (процессы, от изменения и развития которых зависит не только жизнедеятельность, но и социальная жизнь индивида) и внутренняя (процессы, формирующиеся на базе личностных характеристик индивида и его восприятии) по отношению к субъекту политического участия (молодому человеку); вторая пара — фиксированные (формируются на протяжении всей сознательной жизни человека, оказывают долговременное влияние как до, так и после политического участия) и ситуационные обстоятельства (формируются быстро, оказывают кратковременное влияние, как правило, направлены на конкретное политическое участие здесь и сейчас).

В итоге на пересечении критериев образуются 4 группы факторов (см. таблицу).

В группу внутренних фиксированных попадают факторы, которые влияют на политическое поведение молодого человека на постоянной основе, опираясь и формируя при этом его внутреннюю среду и личностные характеристики. Факторы, которые формируются на протяжении электорального возраста молодого человека, оказывают долговременное влияние как до, так и после политического участия. Основными в данной группе являются социализация, мотивация, образовательный уровень.

Практически все исследователи признают, что ключевые факторы, влияющие на политическое участие, начинают вступать в силу еще в детстве. В частности, первые этапы социализации формируют базовые характеристики, такие как социально-экономический статус родителей, пол, приобретенный опыт (общественная активность в школе). Говоря о внутренних фиксированных факторах, влияющих на политическое участие, прежде всего следует выделить социализацию, включающую в себя не только осознанные, контролируемые, целенаправленные воздействия, но и стихийные, спонтанные процессы, так или иначе участвующие в формировании личности. Однако воздействия эти формируют именно внутреннее отношение молодого человека, в том числе и к политике. Исследователи выделяют две фазы социализации: социальную адаптацию (приспособление индивида к социально-экономическим условиям, ролевым функциям, социальным нормам, среде его жизнедеятельности) и интериоризацию (процесс включения социальных норм и ценностей во внутренний мир человека) [3, с. 141]. Именно интериоризация играет важную роль в становлении интереса и знания молодого человека о политике, позволяет через общественно-политические каналы сформировать условия для политического участия (неучастия).

Рассмотрим такой фактор, как мотивация, через призму классической теории потребности А. Маслоу. Если переложить основные потребности в политическую сферу, то можно предположить, что именно последовательное удовлетворение тех или потребностей будет мотивировать людей к политическому участию, например: уровень жизни (физиологические потребности), социальная стабильность (потребность в безопасности), членство в политических организациях (социальные потребности), статус и престиж (самоутверждение), выражение и реализация политических интересов и убеждений (самоактуализация). Кроме того, исследования Д. Маклелланда и Дж. Аткинса [5] показали, что к основным мотивам, определяющим политическое участие, относятся мотив обладания властью (мотив контроля); мотив достижения (целей, успеха); мотив избежания негативного развития событий; мотив аффилиации (налаживание теплых, дружественных отношений с другими).

Важную роль в данной группе играет политическое образование. Образование дает гражданам навыки и ресурсы, необходимые для участия в политической жизни. Например, С. Верба утверждает, что образование не только непосредственно повышает уровень политического участия, но и позволяет гражданам приобретать гражданские навыки, необходимые для эффективного взаимодействия с политиками [9]. По мнению С. Розенстоуна и Д. Ханзена, образование «передает знания и навыки, наиболее существенные для задач гражданина... хорошо образованный человек обладает навыками, которые необходимы людям для понимания субъекта политики, участия в политической кампании, а также изучении и оценке проблем и кандидатов»

[7, с. 136]. С их точки зрения, процесс формального образования приводит к увеличению политического участия. Тем не менее существует еще множество механизмов, которые следует учитывать. Термин «образовательные» мы используем для обозначения тех факторов, которые занимают много времени для формирования, но, как ожидается, дольше оказывают влияние. Это общественно-политические навыки, опыт, доверие, социальный капитал и гражданская позиция.

В группу внешних фиксированных попадают факторы, формирующие постоянную среду, в которой существует и развивается молодой человек. Факторы эти формируются вне зависимости от конкретного человека и оказывают долгосрочное влияние. Основными в данной группе являются: политическая система, социально-экономические показатели, гражданское общество, социальный капитал.

Главным фактором в данной группе мы считаем политическую систему, включающую в себя институциональный (режим, форма правления и форма территориального устройства; наличие в стране выборных институтов власти; наличие политических партий и особенности партийного ландшафта; тип избирательной системы и т.д.), коммуникативный (отношения и связи между субъектами и объектами политической системы), нормативный (существование политических и правовых норм, регулирующих процесс осуществления политической власти) и идеологический компоненты (прежде всего политическая культура).

Факторы экономической и социально-демографической сферы оказывают влияние на степень и формы политической активности. С. Верба и Н. Най в качестве базовых факторов политического участия и активности рассматривали социально-демографические характеристики населения [8, с. 46]. Граждане с более высоким уровнем доходов, более четко осознают влияние политики на их жизнь и имеют необходимые ресурсы (время, знания), чтобы повлиять на правительственные решения посредством голосования и других форм конвенционального участия. С. Липсет и Д. Лернер, доказывая взаимозависимость социально-экономического развития и форм участия, пришли к выводу о существовании двух моделей взаимосвязи — либеральной (экономическая стабильность сокращает социальное неравенство, приводит к конвенциональным формам участия и политической стабильности) и популистской (неинституционализированное участие, направленное на перераспределение благ, влечет за собой дестабилизацию политической системы) [4, с. 16].

В этой же группе стоит отметить уровень развития гражданского общества: наличие возможности участвовать в союзах, религиозных группах, социально ориентированных группах (добровольческих и правозащитных) и наличие институциональных форм общественного взаимодействия позволяют непосредственно, легально осуществлять общественно-политическое участие.

Социальный капитал, будучи групповым ресурсом, создается свободным и рациональным индивидом для достижения собственных выгод. Другими словами, общество, обладающее значительным социальным капиталом, способно предоставить гражданам возможность для достижения политических целей, доступ к информации, социальную поддержку. Вопрос только в отношении индивида, желании его воспользоваться предлагаемыми ресурсами. Р.Д. Патнэм, например, утверждал, что социальный капитал оказывает влияние на уровень участия в различных типах общественно-политических организаций и объединений [6]. Поэтому естественно, что люди со значительным финансовым или человеческим капиталом, вероятнее, будут участвовать; люди, которые являются членами социальных сетей, которые содержат других участников, вероятнее, будут участвовать, потому что их попросят принять участие.

В группу внутренних ситуационных попадают факторы, которые оказывают кратковременное и, как правило, единоразовое влияние на политическое участие, опираясь на зависящее от ситуации своекорыстие и собственные интересы молодого человека. Они формируются незапланированно, быстро и так же быстро исчезают. Основным фактором в данной группе выступает рациональный выбор.

Молодой человек, имеющий определенный фиксированный набор знаний и умений, при принятии решений, в том числе и политического характера, руководствуется внутренними умозаключениями. Теория рационального выбора, пришедшая из экономической теории, служит одной из основ для формирования фактора, определяющего политическое участие. Она базируется на идее, что любая социально-политическая активность осуществляется рационально, и прежде чем что-то сделать, личность вычисляет вероятные затраты и льготы любого действия. Поэтому можно предположить, что для понимания форм политического участия достаточно лишь знать интересы акторов и предположить, что они будут рационально их реализовывать.

К данной группе также относятся различные психологические составляющие политического участия, такие как инстинкты, которые формируются в самом начале жизни человека.

В группу внешних ситуационных попадают факторы, которые создаются субъектами, заинтересованными в мотивации (демотивации) молодых людей к политическому участию. Они формируются в сжатые сроки, запланированно, оказывают кратковременное влияние на принятие решения об участии в политическом процессе. Основными в данной группе выступают сети мобилизации и вербовки (рекрутинга), давление окружающих, потоки политической информации, административный ресурс, общественно-политические мероприятия.

Факторы, попавшие в данную группу, могут оказывать непосредственное воздействие на политическое участие (например, молодых людей настоятельно

попросили (убедили) проголосовать за конкретного кандидата) или работать через увеличение политического интереса (например, потоки политической информации делают некоторых людей более заинтересованными в политике и, следовательно, более склонными к голосованию). Здесь также следует отметить проведение в день голосования лотерейных розыгрышей для молодых избирателей, использование административного ресурса для повышения явки сотрудников государственных учреждений, различные тематические конкурсы для детей.

В дополнение отметим, что ситуационные факторы, в частности изменение в потоках политической информации, могут изменить политические интересы личности, отношение или взгляды способами, которые потенциально влияют на политическое участие.

Следует учитывать, что разделение на фиксированные, ситуационные, образовательные и личностные факторы довольно условно. Они не только взаимосвязаны, но и взаимозависимы. Факторы, относящиеся к внешним, влияют на формирование внутренних (в стабильном, экономически развитом обществе, в котором удовлетворены основные материальные потребности людей, на первое место выходит удовлетворение социальных и престижных потребностей, и прежде всего в политическом участии); при определенном наборе внутренних факторов формируются ситуативные (при отсутствии политического интереса у молодого человека даже самые профессионально подготовленные агитационные и мотивационные технологии не дадут должного эффекта) и т.д.

В совокупности факторы, систематизированные по предложенным критериям, детерминируют формирование мотивации (интереса) к участию в политическом процессе, знания о его особенностях и эффективности работы его субъектов, а следовательно, повышают политическую вовлеченность молодых граждан в политический процесс.

Библиографический список

1. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. 1992. № 4.
2. Кармайнс Э.Г., Хакфельд Р. Политическое поведение: общие проблемы // Политическая наука. Новые направления. М.: б.и., 2002.
3. Ковалева А.И. Социализация // Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1.
4. Линсет С.М., Сен К.-Р., Торрес А. Ч. Сравнительный анализ социальных условий, необходимых для становления демократии // Международный журнал социальных наук. 1993. № 3.
5. McClelland D., Atkinson J., Clark B., Lowell E. The achievement motive. New York: Appleton-Century-Crofts, 1953.
6. Putnam R. D. Bowling Alone. New York: Simon & Schuster, 2000.

7. *Rosenstone S.J., Hansen J.M.* Mobilization, participation, and democracy in America. New York: Macmillan Publishing Company, 1993.
8. *Verba S., Nie N., Kim J.* Participation and Political Equality: A Seven-Nation Comparison. New York: Cambridge University Press, 1978.
9. *Verba S., Schlozman K.L., Brady H.* Voice and equality: Civic voluntarism in American politics. Cambridge: Harvard University Press, 1995.

ПРОТИВОРЕЧИВАЯ ПРИРОДА ПОНЯТИЙ «КОНФЛИКТ» И «КРИЗИС»: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

.....

А. Н. Ватутин¹

В статье представлен теоретико-методологический анализ понятий «конфликт» и «кризис». Отражена специфика данных терминов в контексте различных научных дисциплин, сделаны выводы о природе и междисциплинарном характере данных понятий. С точки зрения автора, кризис рассматривается как один из этапов развития конфликта.

Ключевые слова: конфликт, кризис, конфликтные отношения, циклические теории кризиса.

The article presents theoretical and methodological analysis of the notions «conflict» and «crisis». The specific character of the given terms in the context of different scientific disciplines has been considered; the conclusions concerning the nature and interdisciplinary character of the notions have been presented. From the author's point of view crisis is analysed as one of the stages of conflict development.

Key words: conflict, crisis, conflict relations, theories of cyclical crisis.

Межгосударственные отношения на протяжении всей истории человечества симбиотично связаны с конфликтностью интересов, которая выражается в межгосударственной напряженности. В разные исторические периоды причины возникновения межгосударственной напряженности имели свою специфику. Так, в Средние века доминировал религиозный фактор, XVII-XVIII в. были эпохой борьбы за династическую власть, в XIX в. доминантой стали интересы национальных государств, а после Октябрьской революции в России — идеологическая борьба двух империй [7, с. 86].

Однако представленные мотивы — это всего лишь производные величины. Например, З. Бжезинский истинной причиной конфликтности государств считает геополитическое соперничество: «Для большей части истории между-

¹ Ватутин Алексей Николаевич — аспирант кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: bestichek@rambler.ru

народных отношений фокусом политических конфликтов являлся территориальный контроль... либо чувство национальной утраты в связи с потерей «священной» земли» [3, с. 23]. Возникновение спорной ситуации ведет к развитию конфликта или кризиса. Наша исследовательская задача состоит в определении специфики понятий «кризис» и «конфликт», а также в исследовании их природы.

Наиболее общую и популярную социологическую трактовку конфликта предложил Л. Козер: конфликт — это такое поведение, которое влечет за собой борьбу между противными сторонами из-за дефицитных ресурсов и включает в себя попытку нейтрализовать противника, причинить ему вред или устранить его [8, с. 54].

В рамках психологических определений конфликта внимание исследователей направлено на природу зарождения конфликтов с точки зрения систем ценностей и мировоззренческих разногласий. «В конфликте всегда есть осознание противника, четко определена ситуация, в которой противник оценивается через противоречие, существующее между стремлениями и целями той и другой сторон. Конфликты рождаются на основе антагонизма, из противоположного определения систем ценностей друг друга плюс негативного предубеждения, возникающего из чувства опасности», — пишет польский исследователь Я. Щепаньский [14, с. 163].

Структуралистская трактовка конфликта связана с именем Р. Дарендорфа. Он определяет конфликт как «любое отношение между элементами, которое можно охарактеризовать через объективные («латентные») или субъективные («явные») противоположности» [6, с. 105].

Определяя конфликт через социальное взаимодействие, можно увидеть, что конфликтность имеет свойство накапливаться. Причем аккумуляция противоречий может происходить в различных сферах общественной жизни (в экономике, политике, культуре). В зависимости от степени аккумуляции противоречий на межгосударственном уровне исследователи (Г. Херман, М. М. Лебедева) выделяют несколько последовательных стадий развития конфликта: конфликтные отношения, конфликтные действия без применения оружия, кризис, вооруженный конфликт [10, с. 22].

Конфликтные отношения могут складываться по различным поводам, быть довольно длительными во временном плане. Степень враждебности сторон, находящихся в конфликтных отношениях, может быть различной. При низкой степени враждебности, или когда конфликт затрагивает лишь одну из сторон межгосударственных отношений, не исключены контакты между конфликтующими сторонами по различным поводам (например, торговый или культурный обмен). Примером такого рода явления могут служить отношения России и Японии по поводу территориального статуса Курильских островов. Довольно высокий уровень враждебности и продолжительный характер конфликтных

отношений определяется как напряженность в отношениях, способная повлечь за собой усиление конфронтации и даже полный разрыв дипломатических связей.

Обострение конфликтных отношений выливается в прямое противостояние, сопровождаемое действием. Период конфликтных действий предполагает наличие дипломатических нот, ультиматумов, эвакуацию граждан своего государства с территории оппонентов и пр. То есть действий, не связанных с применением оружия.

Резкое, внезапное ухудшение отношений, их непредсказуемость и потеря управляемости свидетельствуют о переходе к кризисной стадии в развитии международного конфликта. Кризис означает не просто ухудшение отношений, но и их переход в качественно новое состояние. Если кризис не удастся урегулировать средствами кризисной дипломатии (термин предложен австрийским ученым Дж. Ричардсоном), а стороны все сильнее начинают проявлять враждебный характер по отношению друг к другу, тогда за кризисом следуют вооруженные действия и далее развивается вооруженный конфликт.

М.М. Лебедева выделяет два сценария развития дальнейшего хода событий. Первый — относительно быстрая победа одного из участников и поражение другого. Именно на такой сценарий рассчитывает та или иная сторона, вступая в вооруженную борьбу. Данными соображениями, например, руководствовались при вводе советских войск в Афганистан в 1979 г. Второй сценарий реализуется тогда, когда силы сторон приблизительно равны или не удастся добиться быстрой победы. При этом конфликт приобретает характер длительного вооруженного противостояния. Он может то затихать, то разгораться вновь с переменным преимуществом для каждого из участников [9, с. 38].

Кризис — переломный момент в развитии отношений, а конфликт — это сам процесс взаимодействия, развития отношений. Согласно структуралистской концепции Р. Дарендорфа, конфликт есть там, где есть противоречия, как осознанные, так и неосознанные. Если они не разрешаются, а, напротив, аккумулируются, то накопленная энтропия рано или поздно посредством кризиса выльется в вооруженное противостояние либо урегулируется кризисной дипломатией.

М.М. Лебедева, делая обзор иностранных источников, посвященных вопросу стадий конфликтов, отмечает, что многие западные конфликтологи вообще отрицают наличие кризиса как этапа в развитии конфликта. Например, американский ученый К. Райт выделяет четыре стадии развития конфликта: осознание различий в целях, возрастание напряженности, оказание давления без применения силы для разрешения конфликта, вооруженное решение конфликта. Д. Прюитт и Дж. Рубин сравнивают жизненный цикл конфликта с развитием сюжета в пьесе, состоящей из трех действий: первое — определение сути конфликта, второе — достижение своего максимума, а затем и патового

положения, третье — спад конфликтных отношений [12, с. 6]. Однако, даже не выделяя кризис как этап в развитии конфликта, исследователи признают наличие некоторого переломного момента в конфликте.

Еще одна точка зрения строится на том, что кризис предшествует конфликту как таковому. В.А. Барсамов, например, рассматривая соотношение понятий «политический кризис» и «политический конфликт», отмечает следующие моменты:

- кризис понимается как негативная проблемная ситуация в обществе или политической системе;
- кризис рассматривается как предконфликтная стадия, после которой конфликты приобретают свою высшую, как правило, насильственную форму [1, с. 168].

Схожей точки зрения придерживается и другой российский исследователь — О.А. Рыжов. Будучи сторонником жесткого разделения понятий политического кризиса и политического конфликта, он считает, что политический кризис предшествует политическому конфликту или по времени идет параллельно с периодом создания конфликта и рассматривается как определенный предел в функционировании политической системы [11, с. 115].

Попробуем разрешить данное методологическое противоречие: кризис как предвестник конфликта или кризис как стадия развития конфликта. Для этого обратимся к исследованиям кризисов в гуманитарных областях знания, что позволит нам выявить предпосылки возникновения кризисов и специфику их развития.

Можно выделить два принципиально различных подхода к осмыслению развития общества в целом и процессов, в нем происходящих: линейный и циклический. Первый подход предполагает последовательное эволюционирование общества, причем направленность эволюции может быть как прогрессивной, так и регрессивной. Второй подход ориентирован на то, что общественное развитие идет циклическим путем, проходит определенные схематические стадии зарождения, роста, расцвета и упадка.

В теоретическом и прикладном плане наиболее продуктивны исследования кризисов в рамках циклического подхода для анализа развития сложно-составных (не только политических) систем. Однако и в теориях линейного развития общественных систем кризисы имеют место. Так, в наиболее популярной линейной формационной теории развития общества К. Маркса кризисы связаны с устареванием орудий производства, что выливается в экономический кризис и приводит к классовым противоречиям. То есть кризис — это не только неизбежная, но и необходимая стадия перехода одной общественной формации в другую. Модернизационные теории развития политических систем, появившиеся в XX в. (С. Хантингтон [13, с. 39], З. Бауман [2]), также

рассматривают кризисы как необходимое условие общественных трансформаций. Государства, становясь субъектами процесса перехода от одной формы общества к другой, испытывают кризис модернизации. Одни из них проходят этот период быстро и безболезненно, другим нужно гораздо больше времени и ресурсов, чем западным странам.

Российский ученый Ю. В. Яковец, типологизируя циклические теории, выделяет следующие циклы: природные и экологические, демографические, технологические, экономические, политические, духовные, исторические [15, с. 202]. При всем содержательном и лонгитюдном разнообразии данных теорий общим для них является представление о том, в человеческом обществе и в природе явления периодически повторяются. И хотя первоначально цикл ассоциировался с кругом, с повторением одних и тех же фаз движения, по мере развития теории циклов развитие все более отождествлялось со спиралью, с волнообразными колебаниями, чередованием подъемов и кризисов (при переходе к новому качественному состоянию системы).

Как видно из изложенного, кризисы — неперенный элемент циклической динамики, одна из ее фаз. Поэтому вполне естественно, что проблемы кризисов всегда находились в центре внимания обществоведов. В настоящее время наиболее проработаны вопросы экономических кризисов. Но имеют место и плодотворные исследования по социальным, технологическим, экологическим кризисам. В последнее десятилетие в отечественной науке активно развивается направление исследований, применяющее математическую теорию катастроф к анализу динамики общества.

К числу видных российских авторов, разработавших теорию кризисов, относится А. А. Богданов-Малиновский. В своей работе «Тектология. Всеобщая организационная наука», раскрывая понятие кризиса, он существенно уточнил характеристики кризисных явлений. Обычно под кризисом подразумевается завершение или перелом в ходе некоего процесса, имеющего характер борьбы. Борьба идет и до кризиса, но положение остается неопределенным и колеблющимся. Момент кризиса, по мнению ученого, есть конец неопределенности и колебания — победа одной стороны или примирение обоих, т. е. в любом случае начинается нечто новое, организационно иное, чем прежде [5, с. 93]. В более широком плане А. А. Богданов-Малиновский трактует кризис как резкое нарушение непрерывности, ведущее к смене организационных форм системы, переходу ее в новое состояние или уходу со сцены. Исследователь выделяет два типа кризисов: «кризисы «С» — конъюгационные, соединительные — образование новых связей; кризисы «Д» — разделительные — разрыв связей, создание новых границ там, где их раньше не было» [4, с. 300]. Однако границы между ними условны: «каждый кризис представляет цепь элементарных кризисов того или иного типа... Исходный пункт всегда «С», конечная фаза всегда

«Д», подразумеваемая, конечно, под каждым из двух знаков не единичный кризис, а целые переплетающиеся их ряды» [4, с. 300].

Следует отметить, что при анализе функций кризиса в протекании конфликта роль кризисных явлений стоит оценивать позитивно. Именно кризис свидетельствует о том, что назрела необходимость в срочном разрешении противоречий конфликтующих сторон, и он же дает возможность данные противоречия разрешить.

Таким образом, существует несколько точек зрения на соотношение понятий «кризис» и «конфликт». По мнению одних ученых, кризис — явление более широкое, нежели конфликт. Другие исследователи считают, что кризис предшествует конфликту. Некоторые употребляют данные понятия в качестве синонимов. Однако наиболее обоснованными представляются идеи конфликтологов о кризисе как этапе развития конфликта.

Библиографический список

1. Барсамов В.А. Структура общественно-политического кризиса (теоретический и прикладной анализ). М.: МИИТ, 2002.
2. Бауман З. Текущая модерность: взгляд из 2011 года. URL: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/>
3. Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). М.: Международные отношения, 1998.
4. Богданов А.А. Всеобщая организационная наука. 3-е изд. М.; Л.: Книга, 1999. Ч. 1.
5. Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. М.: Экономика, 1989. Кн. 1-2.
6. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социс, 1994, № 5.
7. Доронина Н.И. Международный конфликт. М.: Международные отношения, 1991.
8. Козер Л. Функции социального конфликта. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 2000.
9. Лебедева М.М. Мировая политика. М.: Аспект Пресс, 2006. 2-е изд., испр. и доп.
10. Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов. М.: Аспект Пресс, 1999.
11. Рыжов О.А. Политические конфликты современности: дис.... д-ра филос. наук. М., 2000.
12. Современные глобальные проблемы мировой политики направления/под ред. М.М. Лебедевой. М.: АспектПресс, 2009.
13. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004.
14. Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М.: Прогресс, 1969.
15. Яковец Ю.В. Циклы. Кризисы. Прогнозы. М.: Наука, 1999.

ПОТЕНЦИАЛ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ БИЗНЕС-АССОЦИАЦИЙ

.....

Т. А. Халилов¹

В статье рассматривается потенциал политической институционализации бизнес-ассоциаций, которые выступают институтами — посредниками между секторами человеческой деятельности.

Ключевые слова: бизнес-ассоциация, институт, сектор, принятие политических решений.

The paper examines the potential of political institutionalization of business associations which are institutions-mediator between the sectors of human activity.

Key words: business association, institution, sector, policy-making.

В современном усложняющемся мире очевидной становится тенденция развития институционального ландшафта на самых различных уровнях политического пространства. Парадигма неoinституционализма для анализа публичной политики в современных политологических исследованиях представлена трудами Д. Норта, Дж. Марча и Й. Олсена, М. Олсона и др. [3; 7; 4]. Исходя из данного теоретико-методологического посыла, рассмотрим проблематику бизнес-ассоциаций как сложносоставных институтов.

«Политический институт вырастает как форма выражения социального интереса реально действующих политических и экономических субъектов — групп, слоев, отдельных граждан, заинтересованных в реализации осознанного собственного интереса и интересов, которым могут противостоять и противоположные интересы иных акторов» [1, с. 11-12]. Поэтому особо важной проблематикой является «фиксация правил игры» в пространстве межсекторного взаимодействия. Понимая, что «сектор представляет собой совокупность проблем, связанных институционально с определенными группами населения» [2, с. 374], именно с позиций межсекторности можно выявить истинный потенциал политической институционализации различных объединений (рис. 1).

¹ Халилов Тимур Александрович — аспирант кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: tamerlantim@rambler.ru

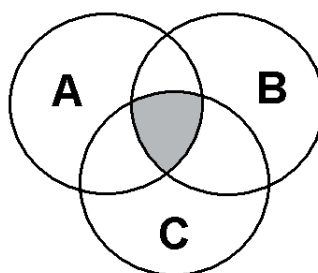

Рис. 1. Модель межсекторного взаимодействия

На рис. 1 в качестве условных обозначений приняты: А — публично-властный сектор; В — бизнес-сектор; С — гражданский сектор. На пересечении окружностей появляются пространства бинарного взаимодействия: {АВ} — государственно-частное взаимодействие; {ВС} — общественно-частное взаимодействие; {АС} — общественно-государственное взаимодействие. Пространство взаимного пересечения всех трех секторов можно обозначить как {АВС} — межсекторное взаимодействие.

«В качестве организаций, соотносящих интересы предпринимательства и процесс принятия политических решений, выступают торговые и предпринимательские ассоциации, или бизнес-ассоциации» [5, с. 29]. Но бизнес-ассоциации нельзя назвать исключительно институтом гражданского общества, так как это некоммерческое объединение коммерческих игроков, которое имеет (или может иметь) интересы участия в процессе принятия политико-управленческих решений.

У. Уилтс и К. Киткат также считают, что «с развитием новых экономических и политических связей возникают новые условия для использования корпоративных интересов в процессе принятия политических решений на государственном и надгосударственном уровнях» [5, с. 29].

Соответственно бизнес-ассоциации трактуются как одна из институциональных форм объединения для достижения совместной цели на основе компромисса интересов в пространстве политического взаимодействия и согласования позиций. Бизнес-ассоциации проявляются в виде торговых палат, торгово-промышленных групп, профессиональных объединений, федераций производителей, ассоциаций представителей малого и среднего бизнеса. Их появление говорит о зрелости той или иной сферы бизнеса. Это означает, что ее представители воспринимают друг друга не только как конкурентов, но и как коллег и осознают наличие совместных целей и интересов, защищать которые перед лицом государства и общества проще совместно.

Современный российский корпоративизм наиболее близок к азиатскому типу государственного корпоративизма. Он характеризуется доминирующим положением государства по отношению к бизнес-субъектам и формулой «со-

вместное с государством управление промышленностью». Специфика корпоративизма, формирующегося в современной России, проявляется в повсеместном распространении патрон-клиентарных отношений, налагающих отпечаток на российскую модель взаимодействия по оси «власть — бизнес». Это смещает баланс формализованных и неформализованных способов влияния на процесс принятия решений в пользу неформальных. Политическая линия федеральных органов власти на рост налоговых издержек работодателей негативно скажется на функционировании социального партнерства, и в первую очередь ухудшение ситуации ощутят в регионах. Такого рода решения принимаются без участия гражданского общества, что не может быть эффективным как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе.

К сожалению, российские промышленные и предпринимательские объединения еще мало влияют на политику государства. Среди причин такого положения низкое развитие гражданского общества и лакуны в нормативно-правовом пространстве. В законах «О некоммерческих организациях», «Об общественных объединениях», Гражданском кодексе РФ не упоминаются предпринимательские объединения.

Мешают развитию и недостаток финансовых ресурсов, и тесная связь многих предпринимательских объединений с политическими структурами, что лишает их самостоятельности. А. А. Яковлев, А. Ю. Зудин, В. В. Голикова считают, что «на фоне недостаточной институциональной встроенности ассоциаций в систему принятия решений, затрагивающих интересы бизнеса и государства, существенным фактором успеха для конкретной ассоциации остается личность ее руководителя, использующего свой авторитет и связи в интересах ассоциации. Такая «персоналистская» модель, обеспечивая условия для развития ассоциаций, одновременно несет в себе серьезные факторы риска, так как со сменой руководителя может радикально измениться круг контактов, доступных для ассоциации, снизиться экспертный потенциал и общее качество деятельности ассоциации» [6, с. 31].

В современной России бизнес-ассоциации пока не могут реализовать свой институциональный потенциал в силу базовых характеристик политического режима, поскольку «при наличии определенной общей политики конкретные действия государства в секторе бизнес-ассоциаций скорее определяются личными мотивами тех или иных представителей государства» [6, с. 29].

Институциональный формат, понимаемый как воплощение политического порядка в обществе либо его сегменте, регулируется в политической системе России не столько законодательством, сколько конвенциями субъектов политических взаимоотношений. Они поддерживаются и воспроизводятся через политико-культурные регуляторы: ценности, ориентации, установки деятельности. Утверждать о наличии данных форматов можно благодаря типичности, интересубъектности, прогнозируемости стратегий и тактик политического

взаимодействия власти, бизнеса и общества. Институциональные форматы политического взаимодействия конструируют основные способы существования акторов политики, обеспечивают согласование интересов в конкуренции за власть и влияние. Поэтому неэффективность и непубличность институционального формата взаимодействия «власть — бизнес — общество» есть производная системного кризиса российской политики.

Библиографический список

1. *Коверзнева С. А.* Публичная политика и способности гражданского общества и государства // Демократия и управление: Информационный бюллетень исследовательского комитета РАПН по сравнительной политологии. 2010. № 1 (9).
2. Новый общественно-политический словарь. М.: Московская школа политических исследований, 2008.
3. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
4. *Олсон М.* Логика коллективных действий: Общественные блага и теория групп. М.: Фонд экономической инициативы, 1996.
5. *Уилтс А., Киткат К.* Корпоративные интересы и общественная деятельность: организованные взаимосвязи между бизнесом и государством в странах — членах ЕС: реферат // Демократия и управление: Информационный бюллетень исследовательского комитета РАПН по сравнительной политологии. 2009. № 1 (7).
6. *Яковлев А. А., Зудин А. Ю., Голикова В. В.* Бизнес-ассоциации и их роль в процессах модернизации в России // Общественные науки и современность. 2011. № 3.
7. *March J. G., Olsen J. P.* The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life // American Political Science Review: Washington, 1984. Vol. 78, № 3.

ЮБИЛЕЙ В. П. БЕДЕРХАНОВОЙ¹

Вера Петровна Бедерханова родилась 27 мая 1942 года в Иваново. Мама — Лидия Евгеньевна, отец — Петр Исаакович Финкельштейн, музыкант, ушёл на фронт сапёром, погиб, когда дочери исполнился месяц. В 1947 году Вера вместе с мамой, бабушкой Ольгой Павловной Кавериной и дедушкой Евгением Иосифовичем Хвесюк переехала в Краснодар (в его окрестностях погиб её родной дядя Игорь Евгеньевич Хвесюк). В 1949 году пошла в первый класс школы №21, затем с третьего до восьмого класса училась в средней школе №48. 9-й и 10-й

классы закончила на Сахалине в городе Горнозаводске, в котором работала её мама. После окончания школы по направлению поступала в Ленинградский педагогический институт им. А.И. Герцена, но по настоянию мамы осталась учиться в Южно-Сахалинске на историко-филологическом факультете Южно-Сахалинского государственного пединститута. После первого курса вслед за мамой вернулась в Краснодар, где в 1964 году с отличием окончила историко-филологический факультет Краснодарского государственного педагогического института им. 15-летия ВЛКСМ по специальности «учитель русского языка, литературы и истории» и по распределению уехала в Чечено-Ингушскую АССР. В 1965-1967 гг. работала во Всесоюзном пионерском лагере ЦК ВЛКСМ «Орленок». В родной педагогический институт вер-

¹ Публикуется в соответствии с аудиозаписью интервью.

нулась в 1967 году, являлась разработчиком, организатором лагерных сборов для студентов всех факультетов вуза, в основе которых лежала авторская комплексная обучающая игра «Летний лагерь».

В 1973 году поступила в аспирантуру Ленинградского государственного университета на психологический факультет. Под руководством Н. В. Кузьминой в 1977 г. защитила кандидатскую диссертацию «Обучающие игры как средство подготовки студентов университета к воспитательной работе». После возвращения в Краснодар из аспирантуры работала на кафедре педагогики и в течение длительного времени была заместителем декана по воспитательной работе на факультете романо-германской филологии КубГУ. Много лет возглавляла художественный совет университета, привлекала к проведению воспитательной работы профессиональных актеров и режиссеров городских театров.

В. П. Бедерханова — представитель инновационной педагогики на Кубани, разработчик и руководитель серии проектов школ и лагерей, в частности, на рубеже 1980-х — 1990-х гг. ею реализован проект «Свободный ребёнок и педагог в их взаимодействии» («Летний дом»). В 2002 г. в Кубанском государственном университете защитила докторскую диссертацию «Становление личностно ориентированной позиции педагога» по двум специальностям — общая педагогика, история педагогики и образования и педагогическая психология. В том же году возглавила впервые созданную кафедру социальной работы, психологии и педагогики высшего образования. Автор более 100 книг и статей по общей и профессиональной педагогике и педагогической психологии, многолетний научный консультант Всероссийского детского центра «Орленок». Являлась членом совета по воспитанию Министерства образования РФ, эксперт по федеральным экспериментальным площадкам Министерства образования и науки РФ, член УМО по психолого-педагогическому образованию. В. П. Бедерханова успешно руководит аспирантами и докторантами, под её руководством защищено 29 диссертаций. Награждена высшей наградой Министерства образования и науки РФ — медалью К. Д. Ушинского, медалями «Ветеран труда» и «Радетель города Краснодара».

Редакция журнала, коллеги и ученики Веры Петровны сердечно поздравляют её с юбилеем, желают здоровья и дальнейших творческих успехов!

Предлагаем интервью с юбиляром, взятое А. Н. Дёминым.

«Я и сейчас обожаю больше учиться, чем учить»

Вера Петровна, мы отметили Ваш чудесный юбилей. У Вас богатая жизнь, в том числе и профессиональная. Я, честно говоря, затрудняюсь задать первый вопрос, поэтому предлагаю Вам вспомнить, с чего начиналась Ваша профессиональная жизнь?

Самое интересное заключается в том, что я как педагог не определялась в своей жизни. И вообще, в силу того, что мне многое легко давалось, меня в плане профессионального самоопределения мотало туда-сюда и показатель этого — Дворец пионеров. Когда меня туда привели, все кружки были заняты кроме кружка юннатов, и я пошла в кружок юннатов — вот такой парадокс — и много лет занималась в нём. И когда сейчас я стала дачницей, то многие удивляются, почему я какие-то вещи достаточно хорошо знаю. Если помнишь, на юбилее дружно смеялись по поводу драцены. Драцена, семейство лилейных, — это первый цветок, который я вырастила во Дворце пионеров. И то, что это семейство лилейных, помню до сих пор. Я всегда студентам привожу этот пример, что нет лишнего знания — оказывается: всё потом пригодится. Помню, я выращивала рис «белый скомс», а моя подружка — «золотые всходы», который были отмечены на ВДНХ. Казалось бы, юннаты — это путь в биологию. Но кроме кружка юннатов я прошла почти через многие другие кружки, включая детскую киностудию, где руководителем был Дмитрий Петрович Колотий, который потом на Центральном телевидении работал. Я снималась в фильмах и у меня были контакты и с фотографами, и с операторами — такой невероятный мир. И я хорошо знаю Ларису Сидорову с 7 лет, жену Валерия Григорьевича Сидорова.

Жена Валерия Григорьевича, заведующего кафедрой философии?

Да. Замечательного филолога. Она занималась балетом, помню, была замечательной Снегурочкой. Представляешь, какие контакты. Дворец пионеров был удивительным местом. И одна из первых дикторов нашего телевидения Стелла Крестьянинова тоже через Дворец пионеров прошла. И писатель Владимир Петрович Васильев. Даже со знаменитым директором московской школы, теперь уже покойным Александром Наумовичем Тубельским, я была знакома через Краснодарский дворец пионеров, потому что он был в театральном кружке. В подростковом возрасте он учился в нашей знаменитой 12-ой школе Фёдора Фёдоровича Брюховецкого. Моё время определялось тем, что Дворец пионеров давал контакты с ребятами разных школ, вплоть до того, что и любовь первая у меня была с мальчиком из 2-й школы Игорем Корецким. Да, я и шахматами серьёзно занималась у Александра Матвеевича во Дворце пионеров, в 4-м классе получила второй взрослый разряд, позже играла в сборной нашего института по шахматам. И потом я поняла, что весь этот круг я прошла для того, чтобы стать педагогом. Почему? Потому что, когда я стала работать с детьми, то мне всё пригодилось, давало возможность работать в сфере их разных интересов. Они в шахматы — и я в шахматы, их интересуют растения, — пожалуйста, я знаю многие названия и могу о них кое-что рассказать интересное; художественное чтение — пожалуйста, я очень долгое время занималась художественным чтением, фильмы — я способна обсудить и содержание, и технологию их создания. То есть, эта разноплановость, на мой

взгляд, нужна педагогу для того, чтобы он в состоянии был общаться с ребятами в самых разных видах деятельности. То, что казалось непонятным, потом вдруг стало иметь свой смысл. А если говорить о том, чего я хотела, то я, конечно, очень хотела быть журналистом. Я прочитала книжку Василия Кубанёва «Идут в наступление строки», такая была книга о журналистах. Меня это всё завело, и я собиралась в журналистику, хотя перед этим я хотела быть геологом. К камням у меня до сих пор страсть, у меня хорошая коллекция камней, но потом дед меня убедил, что это тяжёло физически, тяжёлые нагрузки, всё-таки меня уберегли от этого дела. Вот такие явные профессии, о которых я думала в школьные годы — геолог и журналист. И когда я поступала на филологический факультет, я в голове держала журналистику. Но парадоксально то, что все педагоги с детских лет отмечали у меня педагогические способности, и в рекомендации — я ведь получила рекомендацию от школы в Ленинградский государственный педагогический институт им. Герцена от Сахалинской области — говорилось, что я имею педагогические способности. Думаю, они полагали так в силу того, что я могла увести куда угодно всех, если мне это в голову взбрело. Думаю, у меня был организаторский потенциал, так как я легко и с интересом организовывала всякие школьные дела, которые мне нравились. И, потом, когда учителя любили спрашивать, кто будет вести урок, я предлагала свои услуги и делала это хорошо. Видимо, организаторские способности просматривались, но ориентации на педагогическую деятельность у меня никогда не было. И я думаю, что это хорошо. Знаешь, почему? Когда я начала уже работать с педагогической позицией и, в частности, гуманистической позицией, когда реализовывала проект «Летний дом» на основе свободной педагогики, я поняла, что был прав Антон Семёнович Макаренко, когда, придя в колонию, он уволил всех педагогов. Он же всех педагогов выставил и оставил тех, кто что-то умел практически делать с ребятами, по-моему, только один педагог остался. Я не найду, где, но я читала, что Фрейд говорил: в педагогике, так же, как и в хирургии неосознанно идут люди, у которых есть потребность властвовать, вплоть до садизма.

Бедные педагоги ...

Чем старше мастер-педагог, тем труднее его ориентировать на программы со свободным ребёнком. Он не меняет, как правило, авторитарную позицию, и даже новые технологии не меняют ситуацию. У него присутствует потребность властвовать над другими, чего у меня никогда не было. Организаторский потенциал, да, был. Когда меня хотели куда-то выдвигать, я отказывалась, я слишком свободу любила, меня официальные должности обременяли. Посмотри, я же заведующей кафедрой стала только 9 лет назад в 61 год. Я ничем никогда не заведовала. Даже в лагере не была начальником, а взяла себе функцию руководителя экспериментальной площадки.

Вера Петровна, а как складывалось начало педагогической деятельности?

Очень просто. Я закончила историко-филологический факультет и меня послали работать педагогом в Чечено-Ингушетию в село Гехи, но педагогом я почувствовала себя раньше — на педагогической практике. Первая практика на 4 курсе у меня была неудачная, я получила «четыре» за практику, так как вторглась во все конфликты, какие только могут быть. Меня в чём только не обвинили. Второй раз на практику мой любимый учитель Израиль Львович Духин — я же занималась зарубежной литературой в институте — определил меня к знаменитому Семёну Соломоновичу Шишману, который был учителем словесности во 2-й школе. Умница, он когда-то в вузе работал. Практика у нас была полгода, стажёрская. Я давала уроки в его 10 классе, в котором тогда училась наша Любовь Фёдоровна Колесникова (сейчас руководитель отдела интеллектуальной собственности в нашем университете), жена Владимира Игнатьевича Васильевского, Леночка Фёдорова, Порханов Володя (теперь он известный хирург, главный врач краевой клинической больницы). В этом удивительном классе я на роках литературы с упоением рассказывала о Шекспире и Гёте, подружилась с этим классом. Я пришла туда, ненавидя педагогику, педагогическую деятельность, потому что конфликт был на 4 курсе. Но Семён Соломонович Шишман, 2-я школа, сложившиеся отношения вдруг заставили иначе увидеть всё. Я собиралась после института заниматься зарубежной литературой, а меня отправили в Чечено-Ингушетию, в село Гехи, и там официально началась моя педагогическая деятельность. При этом, я заочно училась в аспирантуре по зарубежной литературе в Москве. Этот год жизни меня многому научил, но главную роль в моей направленности на педагогическую профессию, безусловно, сыграл «Орлёнок», Всероссийский лагерь ЦК ВЛКСМ, куда я попала в середине шестидесятых. Удивительный педагогический феномен, подаривший стране не только детей с активной жизненной позицией, но и плеяду психологов и педагогов.

Это после Чечни?

Да. «Орлёнок» заставил меня бросить зарубежную литературу, аспирантуру бросила, а у меня была почти готовая работа — я занималась ирландцами, Шоном О'Кейси.

Когда Вы в аспирантуру поступили?

После института. Я поступила в заочную аспирантуру МГПИ им. В. И. Ленина.

То есть по филологии.

По филологии. Я в четырёх аспирантурах отучилась. Причём везде всё сама бросала. «Орлёнок» меня круто развернул в педагогику. В «Орлёнке» я со Львом Ильичём Уманским познакомилась, он туда приезжал, с Эдуардом Георгиевичем Костяшкиным, там меня очаровал Сталь Анатольевич Шмаков, «король игры». Они говорили мне: у тебя хорошие мозги, педагогическое мыш-

ление развито — тебе же надо заниматься наукой. А я не знала элементарных вещей, например, что такое коллектив. Помню, Виктор Абрамович Малов, который был затем художественным руководителем Краснодарской филармонии, он из Фрунзенской коммуны, и Анатолий Мудрик, и Виктор Слободчиков — они жутко хохотали, что я ничего не знаю о коллективе. Но я весело работала с детьми, опираясь на свои знания, и могла детей увлечь всем тем, что сама умела, и прежде всего, литературой и историей. Я могла рассказывать часами романы, придумывать игры, например, провела смену сказок, — я по складу «игровой человек». У меня был напарник Володя Черновол, биолог от природы и по профессии, и что мы делали. Там, в лесу, были растения эфирномасличные, мы легенду какую-нибудь расскажем, спичечкой чиркнем — огонь по траве гуляет, красиво. Но «Орлёнок» заставил меня включиться в новую методику коллективного творческого воспитания и освоить её, хотя поначалу всё это я со смехом воспринимала. Я веселилась от всех хождений строем, салютов. Я была богемная девочка, совсем не педагогическая, и на науку, на филологию ориентированная.

Потом у меня пошли трагедии. В «Орлёнке» мой первый ребёнок умер, начались проблемы со здоровьем у моего мужа Мехти Бедерханова, он талантливый был человек, художник, при этом блестящий педагог. Мы попали под разгон всего нашего сообщества, оттепель-то кончалась, и меня Алексей Сергеевич Малков, проректор на науке, чтобы спасти, пригласил в университет работать секретарём комсомольской организации (между прочим, все студенческие годы я была председателем СНО института). Я приехала, а место занято. Я сорвалась отовсюду, что делать? Сидим, гадаем в кабинете ректора. Заходит Александр Васильевич Бажин, заведующий кафедрой педагогики (это было первое сентября 1967 года), и говорит: набрали курс узбеков и надо читать теорию пионерского движения, историю пионерского движения, историю детских зарубежных организаций, а некому. Константин Александрович Новиков (ректор) обращается ко мне: «Вы из «Орлёнка»?» — «Из Орлёнка». — «Ну, вот и будете читать». — «Я ничего не знаю». — «Ну, ничего, научитесь, давайте оформляйте её по приказу». Так я попала на кафедру педагогики. И с этого началась моя жизнь в качестве вузовского преподавателя.

В первый год у меня было полное ощущение ужаса — это же после «Орлёнка» с его романтикой и демократизмом. Я на каком-то заседании просто рыдала и сказал всем: «Я вас ненавижу». А тут, раз, и приезжает Василий Иванович Журавлёв. Вот что такое личность! И Журавлёв показывает другую педагогику, и у меня появляется интерес. Журавлёв предлагает мне поступить к нему в аспирантуру по педагогике, я поступаю. Но из этого альянса ничего не получилось. Он жёсткий, свободы не давал, ситуация предписаний: сделать это, сделать то, никакая моя рефлексия не нужна, а я в сомнениях — всё кончалось слезами. И чем бы всё это дело завершилось, непонятно. В связи с реор-

ганизацией пединститута в университет, аспирантуру закрыли. Я отчислилась из аспирантуры. Тем более, что в 1969 году у меня родилась Ладуша. А позже Василий Иванович Журавлёв уезжает в Воронеж, а затем в Москву. На повышении квалификации в Москве встречаюсь со знакомым уже мне Костяшкиным Эдуардом Георгиевичем. Это величина, он придумал школу продлённого дня — продлюга, как он говорил. Он тогда был ректором Института повышения квалификации, юрист по первому образованию, здоровый мужик, дружен, очень дружен был с моим мужем Бедерхановым. Я почти сделала работу под его руководством, называлась она «Организаторские умения учителя и пути формирования их у студентов». Но я развожусь с Бедерхановым, и Костяшкин пытается меня «построить» по поводу Бедерханова. Я посылаю подальше и Костяшкина, и Бедерханова, и аспирантуру, и ухожу. На руках у меня ребёнок маленький — Ладуше уже 3 года, от алиментов я отказалась, жилья нет, в общежитии на Тельмана жила в малюханькой комнате. Но тут случается интересная вещь. Василий Иванович Журавлёв, с которым мы сохранили добрые отношения, защищает свою докторскую, а у него консультантом была Нина Васильевна Кузьмина. Перед защитой он привёз Нину Васильевну в Краснодар, тут я с ней познакомилась и мне поручили отвезти её в «Орлёнок». Дали машину, и мы с ней по дороге разговаривали и, видимо, я ей понравилась, кроме этого, она человек сочувствующий, и, похоже, меня пожалела. А главное, ей понравилось то, что я делала тогда — мы проводили сборы как игры и проч. Мы с ней прекрасно провели сутки в «Орлёнке», как-то сошлись с ней.

Видишь, как получается. Она приглашает меня в аспирантуру, но перед этим посылает трёх человек со своей кафедры, одна из них была Зимичева Светлана Александровна, ко мне на лагерный сбор. Народ приехал, увидел наш сбор и был очарован и сбором, и нашими людьми, а главное — творческой атмосферой. Ну и они, конечно, приехали, и говорят: о, эту надо брать, вы себе не представляете! Я приезжаю в аспирантуру, а нас поступает 22 человека на 2 места. Я понимаю, что крепко погорячилась, сорвавшись с места. Самое потрясающее, что берут двух человек: меня и Наташу Бачманову, выпускницу психологического факультета. Позже поступили и другие, в том числе, и Галина Николаевна Князева, были даны от министерства целевые места для разных вузов. Нас набирается очень интересная группа 10 человек, знаменитый аспирантский поток. Как раз Анатолий Деркач только что закончил аспирантуру, любимец Нины Васильевны. Я попадаю в аспирантуру, а мне некуда ребёнка девать, Ладе 4 года. Я с ней живу в трёхместке в общежитии на Васильевском острове, устраиваю её в детский сад-интернат.

Да, в аспирантуру я поступила через год после смерти Бориса Герасимовича Ананьева, деканом стал Алексей Александрович Бодалёв, защитивший докторскую по социальной перцепции. Я хорошо запомнила очень интересную вещь. Мы утверждали темы диссертаций на Совете психологического факуль-

тета. Если говорить о Совете, то если взять все эти корочки учебников, стоящих на полке, то все они там были — и Евгений Сергеевич Кузьмин, и профессор Пуни, и профессор Рыбалко, и Лев Веккер. Мы-то, дураки, тогда не шибко это понимали. Кого-то из нас вызвали, аспирантка взяла заготовленные бумажки и стала по бумажкам читать. Алексей Александрович прервал и сказал: «Коллега, извините, пожалуйста, покойный Борис Герасимович Ананьев учил нас бумажками не пользоваться, а докладывать без них». Меня это научило: в научной школе что-то принято и что-то не принято. Вот там не было принято читать по бумажкам и нам, молодым дурачкам, сразу, изначально об этом было сказано. Ну и памятно мне, что я приехала в тот день, когда диссертацию по истории психологии защищал Валерий Александрович Якунин. Он был одним из последних аспирантов Б.Г. Ананьева и защищался уже после его смерти. Защиту я запомнила на всю оставшуюся жизнь. Защищался с отрицательным официальным отзывом, который дал какой-то вуз из Прибалтики. Совет вопреки этому отрицательному отзыву проголосовал «за», потому что перевернул мнение совета Евгений Сергеевич Кузьмин. Он встал и сказал: «Вы кого слушаете? Они же антисоветчики!». И совет проголосовал за диссертацию Якунина.

В моём опыте это сыграло колоссальную роль, потому что, когда мне Ростов-на-Дону отказался давать отзыв на мою кандидатскую диссертацию, заявив, что игры не могут быть предметом исследования, я уже знала подобную ситуацию и понимала, что такое возможно. Чужой опыт формирует твой собственный — это великое дело. Якунин начинал преподавателем на той кафедре, куда мы пришли аспирантами. Так как он был молод, он дружил с нами, и я очень многое узнала от него. Якунин был первый, кто мне объяснил разницу между психоанализом и гуманистической психологией. Понимаешь, говорит, Фрейд он всё писал на больных людях, а гуманистическая психология почти вся построена на успешных. Тогда же на кафедре был умница Владислав Ильич Гинецинский. Каждое утро я отводила ребёнка в детский сад, а детский сад был на углу Садовой и Невского проспекта, а напротив — публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Я заходила в библиотеку и видела, что за столом уже сидел Гинецинский. Он работал каждый день. Работал недолго, часа два, потом шёл на занятия. Но он работал. Это я для чего говорю? У меня такое ощущение, что какие-то образцы поведения влияют сильнее, чем то, что нам рассказывают. Когда я ему сказала: а как же, Владислав Ильич, вы каждый день работаете? — Он отвечает: а как вы, Вера, полагаете наукой заниматься? Иногда? Так ничего быть не может. И он сказал ещё одну интересную вещь: вы выпадете из контекста исследования.

Хорошо сказал.

Да, хорошо. Я понимаю, что если я не занимаюсь, потом сажусь, то мне нужно всё заново просмотреть, чтобы погрузиться. А если ты каждый день

хоть часочек работаешь, тогда ничего. И у меня задача: как не выпасть из контекста хотя бы собственного исследования? Потом я увидела, что не только Гинецинский так работает. Я увидела, что также, как я, аспирантка, трудится профессура, сидит в библиотеке и работает. И на перерывах, смотрю, не болтаются, а идут новые книги смотреть.

Сначала Нина Васильевна Кузьмина меня раздражала. Она вела себя так, будто ей до меня нет дела. Потом я поняла, что она очень хорошо почувствовала мою натуру, потому что я с Журавлёвым не сработалась только потому, что ему без конца было до меня дело. Она, видимо, очень точно и хорошо поняла, что меня не надо трогать, что я каким-то образом пытаюсь сама сориентироваться и выжидала, когда я «созрею». Но меня поражало, что она ни о чём не спрашивает. Я так понимала, что я возьму диссертацию, которую я написала — я же приехала с написанной работой про организаторские умения. Тогда только что защитил докторскую Лев Ильич Уманский, и мы с ним очень хорошо общались. Я сделала структуру работы, у меня была начитанная литература, публикации по этой проблеме. Я полагала, что моё положение лучше, чем у других, сейчас доведу до ума и всё. А Нина Васильевна меня никак не трогает. То она мне одно поручение даёт, то другое, тут Анатолий Деркач приехал, она включила меня в его деятельность. А потом случается следующее, это, кстати, интересно в том плане, как темы появляются. Присылают нам на рецензию, как сейчас помню, диссертацию Агаповой из Москвы по микро-моделированию. Совершенно непонятно, что это за вещь, вся работа сделана на зарубежной литературе. Нина Васильевна почитала её, она очень хорошо чувствовала новое, меня заставила прочитать. Я её прочитала с интересом, она у меня есть вся в конспектах. У меня есть своя система конспектирования.

Расскажите?

Расскажу. Я любой текст раскладываю на составные. У меня есть большие поля, где пишу собственные ассоциации, но это все делают. На текст я делаю маленькую карточку — аннотацию, а потом делаю развёрнутую простынку. Первое, что я выделяю, основные понятия. Затем я выделяю в том, что читаю, проблематику и эту проблематику в соответствующей колонке фиксирую. Следующее — я беру содержание, вот, скажем, содержание игр и в колонку пишу только то, что касается содержания. А следующая колонка — технологии применения, трудности, которые возникают. Вопросы в колонках мне подсказывает сам текст, например, позиция педагога — что это такое? И таким образом я классифицирую материал сразу, уже в процессе первого чтения. Когда я читаю следующую работу, то фактически начинаю её укладывать в такую же структуру или ввожу новые элементы. Если же каких-то элементов нет, то соответствующие колонки остаются пустыми. Потом очень легко работать. Допустим, ты делаешь параграф по содержанию игр и берёшь всё, что ты читал в разных источниках, что у тебя в данной колонке уже есть. Даже если я текст

мне не подходит, я не ленюсь и всё равно делаю на него достаточно подробную аннотацию, чтобы потом не возвращаться. Разумеется, при цитировании я обязательно указываю на полях страницы. Всю эту технологию я показываю своим аспирантам. Ребята, говорю, вы, конечно, можете брать из интернета, но это не переработанный материал, непонятно, что с ним делать, вы только его складываете, вы не свёртываете информацию, поэтому у вас развивается «клиповое» мышление. А я получаю удовольствие от этой работы. Меня так научил работать Израиль Львович Духин, когда я занималась зарубежной литературой. Это к тому, что неважно, какой наукой ты занимался, если у тебя был грамотный руководитель, он научил тебя работать с материалом. Также Израиль Львович научил меня работать с библиографией и с текстом, очень жёсткий был в отношении стиля, показывал, как найти синонимический ряд.

Вера Петровна, давайте к Агаповой вернёмся.

Так вот микромоделирование. Ты пойми, тогда у нас ещё никто особо не играл и тренингами не занимался. Только всё начиналось – Лариса Петровская, Жора Ковалёв. 1973 год, какие игры!? Играли экономисты, Иван Михайлович Сыроежин проводил всесоюзные игры. Мне очень понравилась работа, я говорю: Нина Васильевна, я не знала, что это микромоделирование, но я эти вещи делала со студентами, я моделировала ситуации, причём Журавлёв хотел, чтобы я сделала такой сборник задач. Н. В. Кузьмина говорит, что, в принципе, микромоделирование — это игра, игра это; давай-ка мы напишем диссертацию про игры в профессиональной подготовке педагога. Я говорю: а то, что я уже написала? — Ну, написала и написала. Ты что, у тебя такая возможность три года прожить в Ленинграде. Всё, записывай, про игры будешь писать. И я начала заниматься играми. Как сунулась в эти игры, у меня волосы зашевелились, потому что не понятно, что игра, а что не игра. И я допустила серьёзную методологическую ошибку: я бултыхалась с этими играми, не понимая, что если брать педагогическую систему, то игра есть технология, а технология всегда производна. Я же пыталась от неё строить всё остальное. И нужно было написать всё не то для того, чтобы понять, что я сделала. Вот тогда я поняла, что такое система. Если рассматривать игру в педагогической системе, то меняются цели, содержание, позиционные роли, т. е. для того, чтобы рассматривать какую-то технологию, нужно рассматривать всю систему, все её компоненты. К этому выводу я пришла через свои труды. И другой момент, о котором я всегда рассказываю своим аспирантам, связан с тем, что у нас методология и теория сама по себе, а работа сама по себе. Об это я тоже споткнулась. Докладывала на аспирантском семинаре все свои великие замыслы и открытия и, естественно, у нас была одна-единственная методология — марксизм-ленинизм. То есть я вроде как спокойно вписывалась в эту методологию. Сидим мы на семинаре с Наташей Бачмановой, дочерью известного философа Бачманова. Она была самая грамотная, самая умная и начитанная из нас, а диссертационную работу

не сделала. Все гениальные — они так и не делают работы, в этом я убедилась. Она меня послушала, а когда вышли, говорит: Верка, а ты знаешь, что ты всё объяснила с позиций бихевиоризма? А хочешь, я тебе принесу на английском, там почти один в один всё, как ты объясняешь. Я была поражена. Я пыталась объяснить с точки зрения рефлексии своего опыта. В этом опыте был и Жора Ковалёв, который приезжал к нам на сборы и на их базе первые тренинги проводил с нашими студентами. Что я понимала? Для того, чтобы студенты освоили те роли, которые они будут играть в профессиональной деятельности, мы, организаторы, создавали такие модели своей деятельности, чтобы они могли играть свои роли. Чистой воды бихевиоризм, всё это на западе уже было прописано. Т.е. я поняла, что мне не хватает психологии и философии, и я полезла в литературу. Это всё мой несчастный первый курс. Так что же я делаю? Я совершаю подвиг: я прошу разрешения у всех преподавателей посещать их занятия. За полтора года я прослушала все курсы, которые слушали студенты психологического факультета. Я прослушала полный курс у Владимира Ядова, у Игоря Семеновича Кона, у Веккера, у Евгения Сергеевича Кузьмина всю историю психологии, социальную психологию. Мы, кстати, с ним потом встречались, когда он жил в Америке и приезжал в Россию. Он был дружен с Ниной Васильевной Кузьминой, и мне посчастливилось у неё обедать, когда он был у неё в гостях.

Было очень сложно всё уложить в целостную систему и образовать себя хоть как-то психологически. Ведь базовое образование у меня было филология и история. Эту работу я проделала, поэтому сейчас, когда ко мне приходят аспиранты, я говорю: а давай ты некоторые курсы послушаешь, ко мне походишь. Я ходила на все лекции Нины Васильевны, её курс прослушала раз десять. И каждый раз я в нём открывала для себя что-то новое. Потом я взяла и написала «Система Нины Васильевны Кузьминой» и свернула все основные посылки, которые у неё вынула. Все аспиранты лет десять этими шпаргалками пользовались, распечатали и пользовались.

Такой самиздат был.

Ну да. Точно также пользовались для кандидатского экзамена шпаргалками, которые я сделала и по психологии, и по педагогике. Там указывались авторы, основные проблемные вопросы, по которым делались открытия, которые совпадали или не совпадали. Потом я увидела в книге «Теории личности» Холла и Линдсея нечто похожее. Вот я эту штуку придумала как шпаргалку. И с магистрами я сейчас так работаю: нельзя, говорю понять теорию, не соотнося её с другими теориями. Тут, конечно, всё глубже: и дедушка, и другие не к профессии меня готовили, они развивали у меня любознательность и потребность и способность учиться. Я и сейчас обожаю больше учиться, чем учить.

Как называлась диссертация, которая в итоге была защищена?

«Обучающие игры как средство подготовки студентов университета к воспитательной работе» — я её сформулировала сама. Что я сделала в работе? Разработала структуру организаторских умений и сделала часть игр, направленных на их формирование. Весь имевшийся у меня материал лёг, я его пристроила, но его было недостаточно, и я долго не могла понять некоторых сущностных вещей, чтобы построить диссертацию. Для меня спасением была книга Лингарта, в которой он разводит игру и учение. Игра — это деятельность, в которой человек получает удовольствие от процесса, как я всегда говорю, бескорыстный вид деятельности. А учебная деятельность характеризуется тем, что в ней нужно точно формулировать результат, формулировать учебную задачу. И чем точнее её формулировать, тем она лучше. Меня осенила одна простая штука: то, что все называют игрой, в том числе деловые игры и прочее, это не просто игровая деятельность, это синтетический вид деятельности, в котором есть игра, но потом из игры мы выходим в рефлексия, т. е. мы выходим в деятельность познавательную. Это стало в работе одной из посылок. Таким образом, я ввела понятие «обучающие игры», под которыми понимался синтетический вид деятельности, включающий и учение и игру, осмыслила их природу. А второй момент — просто гениальный. Читала Емельянова, он тогда написал докторскую про руководителя и коллектив. Что делает Емельянов как психолог? Он показал, что экономисты и управленцы работают с моделями самой деятельности, а он работает с межличностным аспектом, с ролями и взаимодействием и субъектами этого взаимодействия. И я поняла, что в играх есть два пласта: с одной стороны, там есть модели деятельности, поскольку нужно знать, во что играть, но там есть и межличностный аспект — он психологический. И тогда игры можно делить на педагогические, экономические, медицинские и т. д., они все отличаются по содержанию, а психологический аспект у них очень похож, хотя есть какие-то особенности. Мне нравилось, как я пошагово с этими вещами разбиралась. Я прочитала на болгарском Георгия Лозанова, хорошо, что я учила старославянский, его «Суггестология» не была переведена и пришлось читать на болгарском, и стало понятно, почему в игре не устают, почему в погружении можно работать. Потому что там процесс, от которого получают удовольствие, там второй план есть. Я много вещей не написала, но я сделала теорию игровой деятельности, как я теперь вижу, исходя из посылки Бориса Герасимовича Ананьева. Он писал, что человек — это субъект труда, общения и познания. Если игра есть модель, то, следовательно, будут и модели разных видов труда, общения и познания. Тогда и нужно работать с этими моделями. Тогда я понимаю, почему К. Маркс говорил, что игра — восьмое чудо света.

Вера Петровна, как складывалась Ваша профессиональная жизнь после аспирантуры?

Не всегда гладко. Я разослала автореферет, а советы взяли и закрыли. И я защищалась год спустя, с ребёнком, который в школу пошёл, с инфарктом, который меня тогда грохнул. И я вернулась сюда работать, меня взял к себе Аркадий Соломонович Рохлин, декан факультета романно-германской филологии. Это было счастье. Меня спрашивали: он тебе платит? — Нет, это ему надо было платить за ту школу, которую я получила, находясь рядом с ним, мудрым Человеком и удивительным управленцем. Я бесплатно отработала 8 лет замдекана по воспитательной работе. И мне удалось с помощью коллег практически запустить мощный социальный эксперимент по созданию творческой образовательной среды средствами коллективной организаторской деятельности студентов с обязательной рефлексией и прочими штуками. Мне нужны были группы, которые не надо было делить, а там были группы по 12 человек. Я поняла, что студенчество — социально опасная категория, потому что когда я запустила их активность и созданы условия для реализации их субъектности, они в те времена начали перестройку комсомола. Партия в лице её руководителей стала обвинять меня во всех смертных грехах. А когда студенты просто угробили комсомольское собрание, все поняли, что со мной надо что-то делать. Перед этим Рохлин ушёл на пенсию, прикрыть меня было некому, коллектив разделился, и я поняла, что провоцирую большой конфликт. И я ушла сама. Ушла. Я очень уважаю себя за то, что не дала втянуть себя в эту бодягу. Я просчитала, что не выиграть, но ничего нельзя было сделать со студентами, пока не ушёл последний курс. Вот я увидела, как страшно может быть с нашими социальными экспериментами.

Меня позвали на исторический факультет, и я начала работать с историками. Первое, что я сделала, попробовала работать в погружении по 3-4 пары. Я их включила в настоящий процесс проектирования, и мы сделали с ними проект «Свободный ребёнок и педагог во взаимодействии». Это уже было в перестройку. Я нашла в Кренице лагерь, нашла своего парня, которого поставила туда начальником, позвала друзей-приятелей, приехал Сергей Черкасов — декан факультета психоанализа в Восточно-Европейском институте психоанализа. Кстати, первые психоаналитики, выпускники этого института родились в нашем «Летнем доме» (Им по ночам Черкасов читал лекции по психоанализу, а потом они уже учились в институте) Среди них был и Сергей Бакалдин, и Паша Бойко, и моя Лада, и ещё уйма народа. К нам приезжал и Серёжа Курганов (школа диалога культур Библера), приезжал руководитель «Эврики» Александр Адамский, и даже своего сына отдал в нашу детскую летнюю деревню. Это было тяжёлое время, тебе передать не могу, но это было такое счастливое время! Когда есть дело, когда есть поиск, когда мы ничего не знаем, что может быть, и рушилась наука, которую мы знали. Возрастная психология у меня там просто рассыпалась. Все эти правила, что дети делятся по интересам — миф. Ни по каким интересам они не делятся. Они делятся сразу по уровню культуры, потому что люмпен сразу объединяется и идёт бить,

как в жизни, того, кто в шляпе. Причём бить начинают на третьи сутки. Потом все наши культурные девочки и мальчики понимают, что не выжить и начинают плачиваться. Мы предсказали в своём эксперименте то, что стало через десять лет. Невероятно интересный был эксперимент. Параллельно я работала в группе Олега Семёновича Газмана, мы катались по всей стране, проводили сборы международный фестиваль инновационных школ. Это была очень сильная группа развития для всех нас, в ней был Миша Гусаковский, нынешний директор института инноваций Белорусского университета в Минске, Серёжа Поляков, профессор Ульяновского государственного педагогического университета, сам Олег Семёнович Газман, который не нуждается в представлениях, Нина Михайлова и Семён Юсфин, Лёня и Валя Хороши из Петрозаводска. Нас было немного, но костяк был очень сильный. Газман заключал какие-то договоры, мы работали в Нягани, Сургуте, каком-то посёлке Таллинском. Т.е. это были какие-то отдалённые точки. И конечно, то, что мы делали как команда, это была настоящая инновационная педагогика, которая развивает, я тебе передать не могу, как. Опять же ты получаешь удовольствие от работы в команде. Но, работая в команде, теряешь авторство. Это плохо. Дальше, когда стала работать с той или иной командой, я старалась, чтобы вклад людей каким-то образом определялся. Я же была в этом плане безоглядна. Мне всегда нравился процесс.

Но здесь по-другому сложно.

Сложно. При своей активности я себя раздарила. А уж сколько текстов я написала неизвестно кому! Но это было лучшее время по моему состоянию, потому что потом после смерти Феликса, моего мужа, был второй инфаркт, который я практически перенесла на ногах.

Как родилась докторская диссертация?

По необходимости. Дело в том, что я была единственным человеком в совете по воспитанию при Министерстве по образованию, который не был доктором наук. Они все любили пошутить на эту тему надо мной. Говорили: давай, пиши. — Что вы, ребята! — отвечала я. У меня столько сил забрала кандидатская, столько нервов, не хочу. А дальше случилась интересная вещь. Проректором на науке у нас в университете в начале 2000 — х был Темирдашев. Он меня пригласил и сказал: если вы не защитите докторскую, мы вас лишим должности профессора, сроку вам — год. Я решила, что он шутит, но смотрю, освободили одного, освободили другого, и поняла, что это серьёзно. Он вызвал второй раз, а ведь когда-то был моим студентом, я один год когда-то учила педагогике и химиков. Говорит: Вера Петровна, вы поймите, это никуда не годится, вам все министерства приветы шлют, но мы не можем вас держать, у вас переизбрание. Помимо этого, я как сейчас помню, едим мы в электричке — Анатолий Мудрик, Сергей Поляков и Владимир Лизинский, и они мне говорят: и что ты докторскую не защитишь? — Тоже, событие ваша доктор-

ская! Сяду и напишу, я вообще могу за год её написать. Так, Мудрик говорит, Поляков, пиши бумагу «Я, Бедерханова Вера Петровна, обязуюсь положить кирпич докторской через год. При этом присутствовали ...». Вот такую афёрную пишут расписку. Я, как дура последняя, её подписываю. Приезжаю домой, загрустила. Я долго думала, про что писать. И тут я поняла, что ничего нового я не соображу. Всё, что нужно — это осмыслить свою профессиональную жизнь, и я села читать собственные дневники, я всю жизнь писала дневники. Сталкиваюсь с первой же своей записью в «Орлёнке», когда я была на сборе и встретила с правилом «Взрослый — пятый», т.е. когда идёт совместное обсуждение взрослых и детей, то в «Орлёнке» было правило: взрослый не может выступать раньше, чем пятый по счёту, иначе он детей задавит своим мнением. Я думаю: это же определённая позиция; чем интересен «Орлёнок» — определённой позицией взрослого. Начинаю анализировать и понимаю: чем бы я не занималась, у меня везде внимание на том, как меняется позиция взрослого и ребёнка во всех этих системах. И тогда я думаю, что буду писать про позицию. Пытаюсь понять, что это такое, тогда даже в словарях об этом не было. Я мучила, по-моему, всех, в том числе и тебя мучила, я спросила всю тусовку, с которой была знакома. Я пыталась понять, что такое позиция. Ничего не могла сообразить. А тут с полки падает «Социальная психология» Евгения Сергеевича Кузьмина. Падает и раскрывается, и я читаю у Кузьмина: позиция — это концентр, ось, на которую нанизано то-то, то-то. Звоню Нине Васильевне: а Кузьмин что-нибудь про позицию говорил? — Не помню. — Нина Васильевна, а как вы относитесь к позиции? — Никак, я не понимаю, что это такое, но Кузнечик знал, что писал. Я ещё раз начинаю соображать. Опять Борис Герасимович Ананьев — статус, позиция, а ведь я двадцать раз читала до этого и не замечала. Я выписала всё, где есть выходы на позицию: и Л. Божович, и методологов, и других. Но всё было мне непонятно до тех пор, пока я не нашла очень интересное положение у Бахтина, на котором всё потом и построила, что жизнь человека разворачивается в двух пространствах: пространстве места и времени и пространстве смыслов. Тогда я понимаю, что есть смыслы и, конечно, человек самоопределяется в смыслах, в ценностях, также человек определяется в реальном пространстве. Начинаю читать методологов, которые определяют позицию как реализованное самосознание. А я-то в гуманистической традиции работаю, значит, главное — самореализация. В позиции это самореализация ценностей и смыслов, и я, таким образом, выхожу в собственное определение, что позиция есть не что иное, как самореализация ценностей и смыслов человека. Всё просто, как я раньше этого не понимала! Ну а дальше на этот шампур нужно было насадить всю свою профессиональную жизнь. У меня всегда было всего много намерено, вся квартира захламлена, я никогда ничего не выбрасываю и меня это спасло. Я почти всё вытащила, пересчитала под понятные задачи. Конечно, невозможно весь материал представить целостно, я придумывала разные ходы — от микроэкспериментов до про-

ектирования, меня за это пощипали. Но я защищала свою профессиональную жизнь. Диссертацию я сделала за семь месяцев, набрав одним пальцем, а также монографию, выпустив аспиранта, а за месяц до этого выпустив на защиту дочь и при этом за семь месяцев заработав на обе защиты.

Молодец, Вера Петровна. У меня вопрос: как Вы оцениваете нынешнюю ситуацию в общем образовании, в профессиональном образовании?

Она неоднозначная. Я всегда говорю, чтобы дать грамотную аналитическую оценку, нужно владеть информацией. Я написала Сергею Полякову, старому товарищу по группе Олега Газмана: давай сделаем аналитику за последние двадцать лет в образовании. Когда-то Олег Семёнович Газман написал о потерях и обретениях за пять лет перестройки и вышел на теорию педагогической поддержки в 1995 году. Вот я полагаю, что сейчас самое время сделать что-то подобное: потери и обретения. Я полагаю, что много обретений, но много и потерь. Меня тревожит, что учителя теряют мотивацию — и в школе, и в вузе. Почему? Потому что нас много раз закручивали на активную жизнь, а потом или гробили её, или не давали её реализовать, поэтому уже не хочется.

Вы сталкивались в течение жизни с разными подходами, разными идеями. С вашей точки зрения, какие из них сейчас могли бы быть актуальными, востребованными?

К нам сейчас стали приходить интересные студенты. А знаешь, почему?

Почему?

Я высчитала, это пришли те ребята, которые учились на волне инновационной школы, настоящей инновационной школы, когда школе дали возможность пойти разными путями и когда, действительно, были самые разные подходы, я это хорошо знаю, потому что я тогда была экспертом федеральных площадок. Был наработан потрясающий опыт, сейчас его опять причесали. Содержательно было очень много наработано, но, опять-таки, в аналитику не переведено. Я полагаю, что вуз может быть тем отсроченным результатом, который показывает, что тогда происходило и происходит сейчас. Нынешние студенты мне очень нравятся, их подготовленность, их ценности. Сначала я думала, что это случайность, а потом смотрю — у всех. А перед этим были студенты совсем другие, которые были продуктом своего времени. Вот такие дела. Но будем надеяться. И трудиться. Молодёжь не может ждать, когда мы разберёмся со своими теориями, они взрослеют и начинают понимать, что образование — это самый лучший капитал.

Вера Петровна, мне кажется, мы завершили интервью.

Думаю, да.

Спасибо.

ЛИЧНОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ ПЕДАГОГА

.....

Л. Г. Дикая¹

В работе обосновывается подход к исследованию выгорания с позиции личностного потенциала человека, как базовой индивидуальной характеристики, как стержня личности, по определению Д. А. Леонтьева. Обосновано, что выбор характеристик, образующих личностный потенциал, зависит от цели исследования и принятой исследователем теоретической концепции выгорания. Показано, что интеграция одних характеристик способствует, а других — препятствует развитию выгорания. Описаны составляющие эмоционального, духовно-нравственного и самоактуализационного личностных потенциалов, в разной степени регулирующих выгорание педагогов.

Ключевые слова: личность, субъект, выгорание, ресурсный подход, саморегуляция, самодетерминация, духовно-нравственный потенциал, самоактуализационный потенциал, развитие, адаптация.

The article explains the approach to the study of burnout from a position of personal human capacity, as the basic individual characteristic, as the core personality, by definition D. A. Leontiev. Justified the choice of characteristics that make up the personal capacity depends on the purpose of the study and a researcher of some theoretical concept of burnout. It is shown that the integration of some characteristics contribute, and others, hinder the development of burnout. Describes the components of emotional, spiritual, moral and self-actualization personal capacities, to varying degrees on burnout of teachers.

Key words: identity, subject, burnout, the resource-based approach, self-regulation, self-determination, spiritually-moral potential, self-actualization capacity, development, adaptation.

В настоящее время в центре внимания исследователей оказываются не только жизненные трудности, стрессы, кризисы и конфликты, но и психологические резервы и ресурсы личности, которые помогают человеку их успешно преодолевать.

¹ Дикая Лариса Григорьевна — доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией психологии труда Института психологии Российской академии наук. Эл. почта: dikaya@psychol.ras.ru

В наибольшей степени это относится к деятельности педагогов как наиболее ярких представителей социально ориентированных профессий, у которых число профессиональных и жизненных трудностей постоянно возрастает. Педагогическая деятельность всегда отличалась высокими требованиями к личности педагога в связи с эмоциональной, когнитивной и коммуникативной нагруженностью, ответственностью за результаты деятельности учащихся, что способствует развитию у педагогов негативных психических состояний, которые в совокупности могут привести к профессиональной деформации. Эти состояния отрицательно влияют на личность самого педагога, на его учеников и на организацию в целом [35]. А в результате высокой напряженности в социальном окружении, изменения ценностей, норм, стереотипов, свойственных современному обществу, весьма актуальными становятся вопросы, связанные с предотвращением развития у педагогов неблагоприятных психических состояний, отрицательных акцентуаций личности, снижающих эффективность их деятельности, успешность самореализации.

В последнее десятилетие «эмоциональное выгорание» в зарубежной, а затем и отечественной психологической литературе заняло ведущее место в исследованиях неблагоприятных психических функциональных состояний субъекта педагогической деятельности, которое наряду со стрессом, эмоциональной напряженностью, утомлением, монотонией отражает отрицательное влияние условий и содержания профессиональной деятельности на психическое и физическое состояние и здоровье педагога.

До сих пор в ряде исследований значимую роль в развитии профессионального выгорания отводят внешним факторам социальной и педагогической среды, включая организационные, престиж профессии, отношение со стороны учеников, семьи, государства, которые в настоящее время для многих педагогов являются дезадаптационными. Однако, несмотря на это, не все педагоги подвержены воздействию неблагоприятных факторов среды, что предполагает значимый вклад в развитие выгорания субъектной активности и личностных качеств педагога, которые могут усиливать негативное воздействие внешних условий в развитие выгорания или, наоборот, снижать стрессогенность профессиональных и социально-психологических факторов и повышать резистентность к возникновению профессионального выгорания. В большинстве исследований психических состояний педагога показано, что состояние выгорания по сравнению с другими состояниями оказывает, с одной стороны, наибольшее отрицательное влияние на деятельность и личность педагога, а с другой — зависит от его личностных и субъектных качеств [6; 7; 20; 19; 33]. Выявлено, что характеристики ценностно-смысловой, эмоционально-мотивационной и нравственно-духовной сфер личности могут детерминировать как резистентность педагогов к выгоранию, так и развитие выгорания (О.И. Бабич, М.В. Борисова, Л.Г. Дикая, И.А. Курапова, А.А. Обознова, О.Н. Доценко, К.А. Купер, В.Е. Орел, Е.С. Старченкова, Х. Фрейденберг).

Из этих данных можно сделать вывод, что сочетание психологические особенности и качества личности, способствующие или препятствующие выгоранию, могут составить интегральную характеристику личности, или личностный потенциал как ресурс или детерминанту выгорания. Такой личностный потенциал интегрирует те личностные свойства, которые позволяют педагогу преодолевать заданные обстоятельства, т.е. выступать автономным саморегулируемым субъектом активности, сочетающим устойчивость к воздействию внешних обстоятельств и гибкое реагирование на изменения внешней и внутренней среды. По определению Д. А. Леонтьева [22-25], именно личностный потенциал отражает меру преодоления личностью заданных обстоятельств, в конечном счете преодоление личностью самой себя, а также меру прилагаемых ею усилий по работе над собой и над обстоятельствами своей жизни.

В большинстве работ описывается вклад в развитие выгорания отдельных ценностей личности, показателей самоактуализации, характеристик мотивационной и эмоциональной сфер личности профессионала, в частности педагога. Поэтому, рассматривая тему «Личность и психическое состояние выгорания», мы предполагали исследовать потенциальные возможности личности профессионала по саморегуляции профессионального выгорания.

В предыдущих статьях нами была обоснована необходимость исследования профессионального выгорания одновременно как социального, профессионального и личностного феномена, отражающего субъектную и личностную активность профессионала, в процессе которого взаимодействие личностных и субъектных, природных и социальных качеств человека образуют метасистему детерминации эмоционального выгорания профессионала [11-13].

Следует подчеркнуть, что мы рассматриваем выгорание не только как состояние личности, но и как вид психического состояния человека, более других состояний испытывающего влияние и одновременно отрицательно воздействующего на свойства и качества личности человека, включая высшие потребности, высшие ценности, экзистенциальную и духовную сферы личности.

Требуется уточнения и первая часть темы — «личность». Конечно, в любом исследовании нельзя диагностировать личность в целом. Однако интеграция тех или иных характеристик личности профессионала может с той или иной мерой эффективности опосредованно через оптимизацию отношения к деятельности, повышение субъектной активности профессионала, изменение целей и мотивов, изменение профессиональной и внепрофессиональной среды влиять на возникновение выгорания или препятствовать этому процессу. Интеграция подобных характеристик определена Д. А. Леонтьевым как *личностный потенциал человека, как базовая индивидуальная характеристика, как стержень личности* [22; 24].

Многообразие дефиниций личностного потенциала (ЛП), представленных в психологической литературе, объясняется разнообразием парадигмальной при-

верженности авторов различным научным традициям. В зарубежной психологии понятие «потенциал» активно используется при изучении мотивации личности, в частности динамических характеристик мотива, тесно связанных с энергетикой его воздействия. Так, известны «поведенческий потенциал» (теория социального научения Дж. Роттера); «потенциал активации» (или «потенциал побуждения») Д.Е. Берлайна; «потенциал реакции» К.Л. Халла. В социальной теории поля К. Левина с помощью понятия «потенция» описывается психологическая сила, действующая на субъекта по направлению к целевой области. В широком круге научных работ термин «потенциал» чаще всего используется не как специфическое научное понятие, а как синоним термина «ресурсы» или «возможности» (например, «эстетический потенциал», «экономический и производственный потенциал», «потенциал науки», «потенциал развития» и т.д.). Феноменологию ЛП, отражающую его положительные эффекты или недостаточность, в разных подходах в психологии обозначают такими понятиями, как «воля», «сила Эго», «внутренняя опора», «локус контроля», «ориентация на действие» и др.

Одна из специфических форм проявления ЛП — это преодоление личностью неблагоприятных условий ее развития. Существуют заведомо неблагоприятные условия для формирования личности, влияние которых может быть преодолено за счет самодетерминации, самовоздействия, саморегуляции и самоактуализации личностного потенциала. Личностный потенциал определяет возможности человека по преодолению трудностей, те возможности, ресурсы, которые человек может или не может актуализировать. Включение феномена личностного потенциала в область интересов психологии регуляции и саморегуляции деятельности и психического расширяет границы традиционного предмета изучения саморегуляции, которой всегда соответствовали определенные личностные диспозиции. Несомненно, важно оценивать, что человек испытывает при выгорании, но не менее важно и то, какими сочетаниями личностных индивидуальных качеств он должен обладать, чтобы быть способным преодолевать действие неблагоприятных факторов [9]. Общество нуждается в том, чтобы психология личности занималась не только оценкой определенных личностных качеств, но и развитием индивидуального потенциала.

Кроме того, введение понятия «личностный потенциал» заставляет обратить внимание на тот факт, что личностные качества развиваются и проявляются в динамическом взаимодействии человека и его социокультурного окружения. С одной стороны, человек должен обладать потенциалом, включающим социально-психологические качества, способствующие его самореализации в изменяющихся профессиональных условиях, с другой стороны, проявление определенного качества требует определенных социальных условий, вызывающих, поддерживающих или делающих необходимым это качество.

По нашему мнению, в личностном потенциале, влияющем на выгорание, могут быть интегрированы характеристики личности, отличающиеся по уровню,

но одной направленности. Более того, таких личностных потенциалов, влияющих только на выгорание, может быть несколько, поскольку в личностном потенциале могут сочетаться разные характеристики и свойства личности. Поэтому перспективным представляется предложение В. А. Ананьева [3] рассматривать *развитие личности человека как «цветок потенциалов»*, связанных между собой общим смыслом, целями и технологиями, как гармоничное раскрытие потенциалов, формирующих в определенном смысле структуру личности. Каждый потенциал важен сам по себе и по-своему влияет на личность, деятельность, состояние человека, поэтому цель любой практической работы — максимальное раскрытие каждого из этих потенциалов (компетенций) личности.

В психологических и акмеологических исследованиях личностного потенциала можно выделить два направления подбора и обоснования качеств личности, включаемых в состав ЛП.

Согласно первому из них, основанному на неструктурированном обобщении различных характеристик потенциального в личности человека, в личностный потенциал включают составляющие разного уровня: природные особенности индивида (тип нервной системы, физические данные, активность), высшие способности, мотивационно-волевые характеристики в различных проявлениях, работоспособность, направленность личности и др. (С. А. Рубинштейн, Е. Н. Богданов, Е. В. Дьячкова и др.).

В развитие этого направления А. Г. Маклаков [26] предложил понятие личностного адаптационного потенциала, определяющего устойчивость человека к экстремальным факторам. По мнению ученого, чем выше показатели входящих в него психологических характеристик, чем более они взаимосвязаны между собой и составляют интегральную характеристику личностного адаптационного потенциала, тем выше вероятность успешной адаптации, тем значительнее диапазон факторов внешней среды, к которым индивид может приспособиться. Отличием его подхода является включение в состав адаптационного ЛП кроме уровня нервно-психической устойчивости и самооценки таких социально ориентированных качеств личности, как уровень социальной поддержки (ощущение значимости для окружающих), уровень конфликтности, наличие опыта общения, степень ориентации на общепринятые нормы поведения и требования коллектива. Данная исследовательская позиция дала основание утверждать о наличии «иерархической системы потенциалов человека» [27].

В русле второго направления преобладает представление о том, что личностный потенциал имеет свойства системного качества, и это позволяет осуществлять его изучение с опорой на системные модели, в том числе в пространстве профессии человека. Так, В. Н. Марков [27] в соответствии с законом личностно-профессионального развития и умножения личностного потенциала, сформулированного А. А. Деркачем, анализируя интегральную взаимосвязь личностного потенциала с профессиональным потенциалом, описал феномен

личностно-профессионального потенциала, включающий иерархию мотивов и способностей. Согласно этому подходу, именно психологическая специфика сложной профессиональной деятельности является своеобразным системообразующим фактором, направляющим не только развитие личностных качеств до уровня профессионально важных, но и интегрирующим различные потенциалы личности в единое целое. В этом случае речь идет не столько о базовых личностных чертах или установках, сколько об особенностях системной организации этих черт и установок личности, основанной на сложной взаимосвязи внешних и внутренних видов опосредования.

На наш взгляд, это не единственные комплексы характеристик, которые определяют адаптацию или профессиональную эффективность. Возможны другие сочетания характеристик, в разной степени влияющие на динамику адаптации и развитие неблагоприятных состояний.

Д. А. Леонтьев наиболее эффективной формой или функцией проявления ЛП считает феномен самодетерминации личности [24]. С этой позиции Д. А. Леонтьевым, его учениками и последователями рассматриваются разные составляющие ЛП: оптимизм, рефлексивность, толерантность, жизнестойкость, субъективная витальность, самооффективность, контроль за действием. Но к внутреннему виду опосредования относят в настоящее время и экзистенциальные ценности, когда человек задается вопросом о смысле, строит образ будущего и у него возникает мощная опора для перестройки структуры регуляции его деятельности.

В свете изложенных представлений о личностном потенциале в исследовании темы «Личность и профессиональное выгорание» встают проблемы конкретных теоретических и экспериментальных исследований.

Во-первых, это проблема психологической структуры и диагностики личностного потенциала, проблема операционализации этой идеи.

Во-вторых, это проблема соответствия характеристик, интеграция которых образует личностные потенциалы, теоретическим представлениям автора исследования.

В-третьих, проблема определения конкретной системной организации ЛП, которая помогает педагогу успешно преодолевать профессиональное выгорание.

В основном решение этих проблем определяется, с нашей точки зрения, тем, каких представлений на выгорание придерживается исследователь.

Если исследователь отталкивается от определения выгорания как феномена личностной деформации, обусловленной негативными психологическими переживаниями, связанными с продолжительными и интенсивными межличностными взаимодействиями, отличающимися высокой эмоциональной насыщенностью (А. Р. Каримова, Н. И. Постникова, И. Ш. Шавалиева, Б. А. Ясько), то вполне правомерно предположение о наличии в личностном потенциале

эмоциональной составляющей. И это было успешно показано в диссертационном исследовании О. Н. Доценко [15]. В ее работе установлено, что интеграция типа эмоциональной направленности личности (Б. И. Додонов), «гуманистического» и «гармонизирующего» компонентов эмоций, гностических и эстетических эмоциональных мотивов и эмоциональных переживаний с показателями удовлетворенности препятствует развитию эмоционального выгорания и способствует повышению удовлетворенности профессиональной деятельностью. Интеграция этих качеств личности служит, на наш взгляд, основанием для определения этой интеграции как эмоционального личностного потенциала, хотя автор такого определения не дает [14].

Если исследователь рассматривает выгорание с позиции Т. И. Ронгинской [33], описавшей последнюю стадию выгорания как потерю смысла жизни, возникновение экзистенциальной пустоты, или согласен с определением выгорания Л. А. Китаева-Смыка [18] как выгорания души, то в своем исследовании он уделит внимание выделению у педагогов духовно-нравственного потенциала личности. Современный человек, как подчеркивают Б. Б. Нусхаева, С. Л. Шалаева [32], понимает духовность как нравственность личности.

Согласно В. П. Зинченко, если акцентировать внимание на слове «нравственность» в контексте духовно-нравственных качеств человека, то следует иметь в виду, что нравственность есть внешняя (экспрессивная) форма проявления высших духовных (внутренних форм) качеств человека и, прорываясь вовне, может быть предъявлена, дарована другому человеку [17]. И. М. Ильичева также рассматривает духовность как субъективную реальность, которая проявляется в нравственности через отношения специалиста к самому себе, к другим людям и миру в целом [17]. На вершину пирамиды духовных ценностей педагога XXI в. Н. А. Асташова помещает наряду с экзистенциальными ценностями, нравственные ценности, добро, благородство, справедливость, альтруизм [5]. Именно общечеловеческие ценности, утверждал А. В. Брушлинский, образуют тот наиболее общий и потому особенно прочный фундамент духовности, на основе которого каждый прокладывает свой жизненный путь, формируя более конкретные и частные нравственные ценности и идеалы [8]. О роли гуманистических и духовных ценностей в жизни человека писали К. Селигман, В. Д. Щадриков, В. А. Пономаренко и др.

Конечно, вся педагогика — это сфера духовного, а педагогическая деятельность профессионально духовна по своей сути. Духовность и нравственность составляют неотъемлемую часть педагогической деятельности. Об этом пишут Б. З. Вульф, А. М. Митина, М. Н. Миронова, В. И. Андреев. Духовное предназначение педагогов — это развитие богатства духовного мира растущего человека. В работе Ю. Василенко [9] уже частично это было показано, а именно: утверждение позитивной экзистенциальной позиции, приоритет бытийных ценностей, актуализация осмысленности жизни, самотрансцендентность,

индивидуализация и социальная интеграция личности в профессиональной деятельности способствуют совладанию с выгоранием. Поэтому у педагогов как личностей высокого уровня развития структура личностного потенциала, определяющего возможности саморегуляции выгорания, должна включать ценности более высокого уровня — экзистенциальные, нравственные, мировоззренческие. Полагаем, что эти качества также внесут весомый вклад в саморегуляцию выгорания у педагогов.

В диссертационной работе И. А. Кураповой [20] было обосновано регулирующее влияние духовно-нравственного личностного потенциала на эмоциональное выгорание педагогов. В ее работе влияние духовно-нравственных ценностей педагогов на выгорание рассматривалось одновременно с отношением к работе и ученикам. И. А. Кураповой выявлено, что у большинства педагогов школы и вуза регистрируется высокий и средний уровень выгорания — 52,1%. Причем средний уровень выгорания чаще встречается у педагогов вуза ($\phi_{\text{эмп}} = 1,57 > 1,56$, $p \leq 0,06$), а высокий уровень выгорания — у педагогов школы ($\phi_{\text{эмп}} = 1,66 > 1,64$, $p \leq 0,05$). Низкий уровень выгорания чаще наблюдается у педагогов со стажем до 5 (21,9%) и свыше 15 лет (42,4%), а высокий — у педагогов со стажем от 6 до 10 лет (23,4%) и от 16 до 20 лет (37,1%). Различаются педагоги школы и вуза по проявлениям выгорания: педагогам школы свойственны проявления чувства безысходности, отчаяния, частые вспышки негодования и деформация процесса общения. Выгорание преподавателей вуза проявляется в неадекватном эмоциональном реагировании, в упрощении профессиональных обязанностей, формальном их выполнении, а также в ощущении эмоциональной опустошенности. Выявлены статистически значимые различия и в нравственно-ценностных особенностях педагогов школы и вуза. Для педагогов школы среди нормативных идеалов более значимы ценности «Безопасность», «Власть» и «Конформизм» (на уровне значимости $p \leq 0,05$). Для педагогов вуза характерен недостаток духовной активности (самообладание, долготерпение, бесстрашие), а для педагогов школы — духовной силы (вера, надежда, знание, мудрость). Однако в целом педагогам свойственно проявление духовной красоты (59,1%): честность, скромность, послушание, верность, доброта и благодарность.

Было определено, что в основе нравственно-ценностной регуляции эмоционального выгорания педагогов лежат гуманистические ценности, отсутствие духовного кризиса и экзистенциального вакуума, духовная активность и красота. В их ценностной структуре доминировали «Безопасность», «Самостоятельность», «Доброта». Одновременно было установлено, что наибольшая связь наблюдается между духовно-нравственными ценностями педагогов и их отношением к работе, к учащимся.

Интеграция в личностном потенциале этих духовных и нравственных качеств, влияющих на отношение к работе и учащимся, на развитие выгорания, позволяет отнести его к духовно-нравственному личностному потенциалу

как еще одному «лепестку из соцветия личностных потенциалов», препятствующему развитию выгорания.

Но если исследователь придерживается взглядов В.В. Бойко на выгорание как профессиональное выгорание [7], то вполне логично рассматривать в качестве ЛП интеграцию личностных характеристик, способствующих профессиональному развитию, самоактуализации и самореализации.

Именно самоактуализацию и самореализацию включает Д.А. Леонтьев в феномен самодетерминации личности [24-25]. Вопросы, связанные с изучением ценностей самоактуализационной сферы личности, благодаря которым может сформироваться психологическая система, представляющая собой согласованную деятельность регуляторных систем личности разного уровня, становятся все более актуальными в аспекте высокой динамики социального окружения, изменения ценностей, норм, стереотипов, свойственных современному обществу (А.А. Грачев, И.Б. Дерманова, Л.А. Коростылева, Д.А. Леонтьев, И.Д. Егорычева, М.В. Скворцова и др.).

Отечественные и западные психологи самоактуализацию рассматривают в разных аспектах: А. Маслоу — как качество личности или особую потребность, Е.Е. Вахромов — как деятельность, М.В. Скворцова — как процесс личностных изменений, С.Л. Рубинштейн, К.А. Абульханова-Славская, А.В. Брушлинский, Д.А. Леонтьев, И.Б. Дерманова, Л.А. Коростылева, К. Гольдштейн, К. Роджерс — как процесс самодетерминации субъектной активности по преодолению негативных факторов в деятельности профессионала.

Важность ценностного аспекта саморегуляции, который обуславливает разработку психологических режимов деятельности, стратегий и тактик субъекта, подчеркивали К.А. Абульханова [1], Л.И. Анцыферова [4]. Можно сказать, что самоактуализация как системный процесс и как свойство личности может создать концептуальное единство ценностно-смысловых качеств, способствующих не только приспособлению к изменяющимся внешним условиям, сохранению нормальной работоспособности и высокой эффективности деятельности при воздействии психогенных факторов внешней среды, но и развитию личности и ее самореализации.

В ряде исследований показано, что присущие личности способы самоактуализации и самореализации выступают в качестве универсального механизма согласования активности субъекта с требованиями деятельности и преобразования этой активности

Приведенные данные позволяют предположить, что важными личностными качествами, повышающими возможность успешной саморегуляции деятельности и состояния педагога, выступают ценности самоактуализации как свойство личности и способы ее самореализации. По-видимому, именно самоактуализация создает концептуальное единство, без которого трудно из-

учать различные стадии, периоды и фазы самореализации. Можно сказать, что способность к самоактуализации и самореализации вне зависимости от ситуации, в том числе в неблагоприятных условиях, является неоспоримой ценностью в профессиональной и особенно в педагогической деятельности. Именно это качество характеризует полноценного субъекта, способного управлять ходом своей деятельности (А. В. Брушлинский, В. В. Знаков).

В ряде исследований предложены подходы к процессу самоактуализации личности как фактору совладания с выгоранием (К. С. Холл, Г. Линдсей), как системообразующему личностному ресурсу преодоления выгорания (О. И. Бабич, А. Ю. Василенко, С. В. Умняшкина, М. В. Агапова А. Н. Густелева), как фактору резистентности педагогов к выгоранию (И. А. Курапова, С. В. Умняшкина, Д. Малановски, П. Вуд).

Полагаем, что одни сочетания личностных качеств со способностью к самоактуализации могут образовывать личностный потенциал, который в определенных условиях детерминирует интерес и отношение педагогов к работе как к призванию, способствует успешному профессиональному становлению без формирования дезадаптационных проявлений, выступает фактором совладания с развитием выгорания в их деятельности. Другие сочетания личностных качеств со способностью к самоактуализации, описанные в исследованиях Н. Е. Водопьяновой и Е. С. Старченковой [10], могут становиться предикторами потери интереса к работе, снижения работоспособности, развития синдрома профессионального выгорания в педагогической деятельности. Можно сказать, что самоактуализационный потенциал как процесс реализации внутреннего потенциала личности объединяет те ценности, смыслы, смысложизненные ориентации, мотивационные тенденции, которые способствуют активному процессу совладания с выгоранием и самореализации в профессиональной деятельности. Выявлению ценностей и качеств личности, которые объединяясь в системы, обеспечивают возможность реализации личностного потенциала, способствуют полноценному и продуктивному процессу самоактуализации педагогов и препятствуют развитию выгорания педагога, посвящено диссертационное исследование С. А. Наличаевой [31]. Как показали результаты этого исследования, профессиональное выгорание является системным, комплексным и динамическим состоянием, затрагивающим различные уровни функционирования профессионала, но проявляется у учителей и преподавателей по-разному. У учителей все показатели выгорания выше в течение всего учебного года и возрастают наиболее интенсивно к концу года, у преподавателей выгорание начинает развиваться к середине учебного года. У учителей выгорание проявляется более интенсивно, системно и комплексно, затрагивая эмоциональный уровень, сферу отношений к себе, к окружающим и к профессии, а у преподавателей наблюдаются меньшие проявления выгорания, но более выражены в сфере изменения отношения к себе, своим достижениям, окружающим людям и работе.

Ценностно-смысловые особенности личности, взаимосвязанные между собой и определяющие резистентность профессионала к выгоранию рассматривались нами как интегральная характеристика личности — личностный самоактуализационный потенциал, основу которой составляют ценности самоактуализации и развития личности педагога. Самоактуализационный личностный потенциал, способствующий совладанию с выгоранием, включает характеристики и качества личности одной направленности, но разного уровня. Это соответствует представлениям Д.А. Леонтьева о феномене самодетерминации личности, проявляющиеся в форме личностного потенциала. Именно уровень сформированности самоактуализационного потенциала обуславливает различия в динамике проявления показателей выгорания учителей и преподавателей.

Проведенное нами исследование позволяет дать следующее определение самоактуализационного личностного потенциала педагога: интеграция ценностно-смысловых особенностей личности, способствующих самоактуализации личности и повышающих резистентность профессионала к выгоранию, составляет личностный самоактуализационный потенциал, ядро которого включает ценности развития личности профессионала. При проведении пролонгированного исследования выгорания у учителей средней школы и педагогов в течение первого года работы была не только обоснована роль самоактуализации в регуляции выгорания, но и определены характеристики личности, усиливающие данное влияние. Это позволило определить качественную и количественную специфику двух структур личностных потенциалов, способствующих или препятствующих выгоранию педагога.

ЛП педагогов с высоким уровнем ценностей, способствующий успешной самоактуализации и низкому уровню выгорания, был определен как высокий самоактуализационный личностный потенциал педагога. Его структура включала в качестве ядра высокие показатели интегрального уровня и ценностей самоактуализации — самоуважения, спонтанности, представления о природе человека, креативности. Регулирующее воздействие на выгорание в данной структуре усиливалось высокими значениями терминальных ценностей собственного престижа, достижений, сохранения собственной индивидуальности и высокими показателями самоотношения — самопринятия, самопривязанности, отражённого самоотношения, самооценности, самоуверенности, самоуправления. Крайне низкие показатели ценностей высокого материального положения, неудовлетворённости профессией, самообвинения, внутренней конфликтности, закрытости также способствовали резистентности педагогов к выгоранию.

Личностный потенциал педагогов с высоким уровнем выгорания и низкими показателями ценностей был определен как низкий самоактуализационный личностный потенциал педагога. Для этих педагогов были характерны низкие значения интегрального уровня самоактуализации, ценностей спон-

танности, сензитивности к себе, контактности в сочетании с низкими показателями отражённого самоотношения — самопривязанности, самопринятия, саморуководства, самоуверенности, самоценности. Эти качества дополнялись высокими показателями внутренней дезадаптации — внутренней конфликтности, самообвинения и неудовлетворённости профессией. Данное сочетание характеристик ценностно-смысловой сферы приводило к развитию высокого уровня профессионального выгорания.

Таким образом, интеграция разных по выраженности и направленности личностных характеристик, составляющих самоактуализационный личностный потенциал, содержит информацию о направленности ценностно-смысловой регуляции профессионального выгорания состояний педагога [29-30]. То есть совладанию с выгоранием могут способствовать более или менее успешно разные интеграции личностных характеристик.

Эти данные подтверждают представление о личности как «соцветии личностных потенциалов», которые в той или иной степени определяют ресурсы и возможности человека по предотвращению или совладанию с профессиональным выгоранием, и не только с ним. Личностные потенциалы, включающие характеристики личности профессионала, которые наиболее активно и опосредованно влияют на выгорание через оптимизацию отношения к деятельности, повышение субъектной активности профессионала, изменение целей и мотивов, изменение профессиональной и внепрофессиональной среды, являются более эффективными.

Такая высокая связь личностных потенциалов с выгоранием обусловлена тем, что выгорание — метасистемное образование, включающее в себя стрессовые проявления, защитную реакцию в форме экономии эмоций, изменения отношения к себе, окружающим и профессии, экзистенциальные проявления — потерю смысла, ценности профессии (Х. Бредли, Х. Фрейденберг, К. Маслач, И. О. Куваева, Л. А. Китаев-Смык). Переход в дальнейшем на метасистемный уровень анализа позволит рассматривать выгорание как систему, включенную в более широкую систему жизнедеятельности человека, а личностный потенциал — как интеграцию качеств личности, в той или иной степени регулирующих разные формы этой жизнедеятельности.

Библиографический список

1. *Абульханова К. А.* Принцип субъекта в психологии // Психология. 2005. Т. 2, № 4.
2. *Абульханова-Славская К. А., Брушлинский А. В.* Философско-психологическая концепция С. Л. Рубинштейна: К 100-летию со дня рождения. М.: Наука, 1989.
3. *Ананьев В. А.* Практикум по психологии здоровья: методическое пособие по первичной специфической и неспецифической профилактике. СПб.: Речь, 2007.

4. *Анциферова Л. И.* Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15, № 1.
5. *Асташова Н. А.* Учитель: проблема выбора и формирование ценностей. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: МОДЭК, 2000.
6. *Бабич О. И.* К вопросу о личностных ресурсах и профилактике профессионального выгорания // Профессиональная компетенция как социальный феномен. М.: МГОУ, 2005.
7. *Бойко В. В.* Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. М.: Информационно-издательский дом «Филинъ», 1996.
8. *Брушлинский А. В.* Проблемы психологии субъекта. СПб.: Алтейя, 2003.
9. *Василенко А. Ю.* Личностные факторы профилактики эмоционального выгорания в процессе профессиональной самоактуализации: автореф. дис.... канд. психол. наук. Хабаровск, 2008.
10. *Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С.* Синдром выгорания: диагностика и профилактика. 2-е изд. СПб.: Питер, 2008.
11. *Дикая Л. Г.* Феномен эмоционального выгорания профессионала в контексте метасистемного подхода // Социальная психология труда: теория и практика. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2010. Т. 1.
12. *Дикая Л. Г., Курапова И. А.* Роль духовно-нравственных ценностей в регуляции эмоционального выгорания педагогов // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Спец. выпуск «Социальная психология труда». 2009. № 4 (24).
13. *Дикая Л. Г., Наличаева С. А.* Самоактуализация как ведущая детерминанта субъектной саморегуляции эмоционального выгорания педагога // Стресс, выгорание, совладание в современном контексте: сб. ст. М.: Институт психологии РАН, 2011.
14. *Доценко О. Н.* Эмоциональная направленность как фактор выгорания у представителей социэкономических профессий // Психологический журнал. 2008. Т. 29, № 5.
15. *Доценко О. Н.* Эмоциональная направленность представителей социэкономических профессий с различным уровнем выгорания: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2008.
16. *Зинченко В. П.* Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили. М.: Новая школа, 1997.
17. *Ильичева И. М.* Введение в психологию духовности: учеб. пособие. М.: Московский психолого-социальный ин-т, 2006.
18. *Китаев-Смык Л. А.* Выгорание персонала. Выгорание личности. Выгорание души // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2008. № 2 (33).
19. *Курапова И. А.* Духовно-нравственные детерминанты эмоционального выгорания у педагогов // Вестник Адыгейского государственного университета. 2009. Вып. 2 (44).
20. *Курапова И. А.* Нравственно-ценностная регуляция эмоционального выгорания в профессиональной деятельности (на примере педагогов средней и высшей школы): дис.... канд. психол. наук. М., 2009.
21. *Курапова И. А.* Система отношений в профессиональной деятельности и эмоциональное выгорание педагогов // Психологический журнал. 2009. Т. 30, № 3.

22. Леонтьев Д.А. Личностное в личности: личностный потенциал как основа самодетерминации // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: Смысл, 2002. Вып. 1.
23. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2003.
24. Леонтьев Д.А. Самоактуализация как движущая сила личностного развития: историко-критический анализ // Современная психология мотивации. М.: Смысл, 2002.
25. Личностный потенциал. Структура и диагностика/под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011.
26. Маклаков А.Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях // Психологический журнал. 2001. Т. 22, № 1.
27. Марков В.Н. Личностно-профессиональный потенциал управленца и его оценка. М.: РАГС, 2001.
28. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999.
29. Наличаева С.А. Особенности ценностно-смысловой сферы педагогов с различными уровнями профессионального выгорания // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Психологические науки. 2010. № 3.
30. Наличаева С.А. Проявления выгорания у педагогов с разным уровнем самоактуализации // Вестник ГУУ. 2011. № 4.
31. Наличаева С.А. Самоактуализационный потенциал личности как детерминанта профессионального выгорания педагогов: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2011.
32. Нусхаева Б.Б., Шалаева С.А. Об актуальности развития духовности в культуре современного общества // Формирование духовности личности: история, теория, практика: материалы II Всерос. науч.-практ. Конф.: Равкинские чтения. Йошкар-Ола: Луч, 2001.
33. Ронгинская Т.И. Синдром выгорания в социальных профессиях // Психологический журнал. 2002. Т. 23, № 3.
34. Умняшкина С.В. Синдром эмоционального выгорания как проблема самоактуализации личности (в сфере помогающих профессий): дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2001.
35. Maslach C., Leiter M.P. The truth about burnout: How organization cause personal stress and what to do about it. San Francisco, CA: Jossey-Bass, 1997.

**РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПСИХОЛОГИИ
КОЛЛЕКТИВА И ГРУППОВОГО СУБЪЕКТА
(ПЕРЕЧИТЫВАЯ НАСЛЕДИЕ А. С. МАКАРЕНКО)**

.....

К. М. Гайдар¹

В статье обосновывается актуальность исследования психологии группового субъекта. В контексте обсуждаемой проблемы проводится сопоставление трактовки коллектива в учении А. С. Макаренко и современного подхода к пониманию сути группового субъекта, выделяются общие и специфические для обоих понятий признаки, раскрывается потенциал идей А. С. Макаренко для разработки субъектного подхода к группе.

Ключевые слова: субъектный подход, группа, малая группа, коллектив, групповой субъект, совместная активность группового субъекта.

The relevance of the study of psychology of group subject is grounded in the article. The comparison of the interpretation of the collective in A.S. Makarenko teaching and in the modern approach to the comprehension of the essence of group subject is drawn, the common and specific signs of both concepts are marked out, the potential of A. S. Makarenko ideas for the development of the subject approach to group is discovered.

Key words: subject approach, group, small group, collective, group subject, joint activity of group subject.

В последние десятилетия в российской психологии заметно снизился интерес к изучению групп и коллективов. Доказательство тому — мизерное число монографий, научных статей, защищенных диссертаций по этой тематике на общем фоне огромного количества психологических публикаций. Ряд авторов связывают этот тревожный симптом с трудностями методологического характера и отсутствием новых концепций группы [13; 24].

Но группы и коллективы никуда не исчезли. Более того, развитие в стране рыночных отношений сопровождается ростом числа разных социальных объединений, в первую очередь малых. Появляются частные фирмы, малые предприятия и т.п., отвечающие формальным параметрам малой группы.

¹ Гайдар Карина Марленовна — кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой общей и социальной психологии Воронежского государственного университета. Эл. почта: marlen_lora@mail.ru

И вопреки ставшему распространенным мнению, что у людей теперь доминирует индивидуалистическая направленность, исследования трудовых, учебных и других коллективов последних лет свидетельствуют о том, что бóльшую часть их членов привлекает возможность работать коллективно, «в команде». Они высоко оценивают значимость для себя таких проявлений коллективизма, как взаимопомощь, сотрудничество, взаимная требовательность. Усилившуюся сегодня потребность в самозащите люди связывают с ориентацией на партнера, на взаимодействие и кооперацию с членами групп, в которые они включаются в ходе жизни [10; 14; 23 и др.]. Значит, и в условиях рыночной экономики для многих сохраняется ценность коллективизма и соответствующий принцип организации жизнедеятельности социальных групп имеет важное значение для создания благоприятной психологической обстановки и развития у их членов позитивного социального самочувствия. Одновременно усложнение социально-экономических условий влечет за собой рост значения коллективного труда, совместного принятия решений, самоорганизации и самоуправления различных групп в производственной, социальной, политической и других сферах жизни общества.

Нельзя игнорировать и тот факт, что жизни людей в XXI в. продолжают угрожать разные катаклизмы (природные, техногенные, военно-политические, экономические). Противостоять им и выжить можно только вместе. Не зря Э. Фромм был убежден: выход современного человека из кризиса, гуманизация свертехнологизированного общества возможны лишь на путях групповых форм «совместной жизни и действия» [28]. Именно в объединении с другими человек может проявить себя как субъект, реализовать свою индивидуальность, утвердить собственную уникальность и самооценку. Но как необходимое условие для этого требуется, чтобы сама социально-психологическая общность стала подлинным субъектом. Все это указывает на то, что различные группы по-прежнему оказывают огромное влияние на людей, их составляющих, что выдвигает на первый план необходимость комплексного исследования совместной деятельности, а также разработки новых теоретико-методологических подходов к изучению группы.

Однако необходимость расширять теоретические и прикладные исследования психологии малых групп сталкивается с трудностями, переживаемыми самой социальной психологией.

Во-первых, несмотря на солидную историю и значительные достижения в этой области, в большинстве психологических теорий групп, как подчеркивают И. Р. Сушков, И. Штайнер и др., все еще не преодолена индивидуалистическая парадигма, многие групповые феномены продолжают изучать сквозь призму индивидуального субъекта [26; 31 и др.]. Тем самым не представляется возможным раскрыть специфические характеристики и механизмы, присущие именно группе как единице общественной системы.

Во-вторых, интерес психологов к группам и у нас в стране, и за рубежом подвержен периодическим колебаниям, что отражается на количестве и эффективности соответствующих исследований. Эту проблему уже более тридцати лет обсуждают отечественные и западные специалисты, предлагают некоторые ее объяснения, но никто не берется дать ясный прогноз относительно того, восстановит ли феномен группы свою былую популярность среди исследователей, хотя все признают значимость его изучения [3; 13; 30; 31 и др.]. До сих пор не нашла четких доказательств высказанная в 1974 г. И. Штайнером гипотеза о том, что в ситуациях общественной нестабильности, обострения социальных конфликтов и напряженности интерес ученых к изучению групповых процессов возрастает, а в периоды относительно спокойного развития общества падает и предпочтение отдается индивидуальному подходу.

Даже если допустить верность гипотезы И. Штайнера, следует признать, что она входит в противоречие с принятыми в обществе воззрениями на то, что в моменты исторических кризисов взоры людей чаще всего обращаются к роли отдельной личности. Ведь ее социальное творчество, ориентированное на поиск путей разрешения кризиса, становится особо значимым. Однако выход из кризисной ситуации возможен лишь при условии объединения с другими. Совместное переживание трудностей и их преодоление на деле убеждает в преимуществах коллективной жизнедеятельности. Поэтому в кризисном обществе гипотетически можно было бы ожидать повышения роли группового начала в жизни людей. Включенность в группу, разнообразная активность, проявляемая в ней, позволяют приобретать ценнейший социальный опыт, развивать собственные способности, учиться конструктивно разрешать конфликты и противоречия. Понятно, что выигрывают от этого все — и личность, и группа, членом которой она является.

Если в контексте сказанного попытаться оценить состояние отечественной социальной психологии, то можно констатировать: в российском обществе продолжают иметь место кризисные явления и вместе с тем внимание исследователей к проблемам малой группы сегодня минимально. Это заставляет усомниться в справедливости гипотезы И. Штайнера.

Не случайно, по-видимому, в противовес ей рядом авторов было сформулировано новое предположение: усиление интереса к проблемам группы и рост исследований в этой области зависят не от наличия или отсутствия в обществе кризиса, а от того, располагает ли психология новыми теоретическими разработками и концепциями. Если принять эту позицию, то ситуация проясняется: низкая популярность в настоящее время групповой проблематики может быть объяснена тем, что какие-либо новые теоретические подходы, способные служить основой для исследований в этой сфере пока не появились. Однако психологическая наука должна работать с опережением, чтобы быть готовой удовлетворить потребности общества, пережившего кризис и уделя-

ющего в связи с этим большее внимание групповому началу. Речь идет о потребностях в получении надежной информации, позволяющей оптимально управлять различными группами и использовать их потенциал для движения вперед и повышения качества жизни людей.

Поэтому один из путей преодоления указанных затруднений психологии видится в возобновлении широких исследований малых групп, но на новой для этой области теоретико-методологической основе субъектного подхода, тем более что в последние годы интерес отечественных психологов к разработке проблемы субъекта в целом заметно вырос. И это закономерно. Так наука реагирует на изменение социальных условий. В конце XX в. А. В. Брушлинский прозорливо писал: «Сейчас наша страна находится на... переломе своей истории, поэтому крайне желательно, чтобы отечественные специалисты в области исторической, социальной, этнической, политической и т. д. психологии объединили общей программой свои усилия по изучению существенных изменений психики россиян. Значит, во всех случаях предметом психологии становится субъект в непрерывном процессе функционирования и развития его психики» [4, с. 15]. Под общей программой А. В. Брушлинский подразумевал разработку психологии субъекта (индивидуального и группового). Именно в этом он видел путь к установлению единства психологической науки.

Под субъектным подходом мы понимаем теоретико-методологическое направление, основная задача которого — разработка и применение принципов, методов и средств изучения психологии людей как субъектов (индивидуальных и групповых). Он представляется перспективным для социальной психологии, поскольку помогает вскрывать еще не исследованные интегративные свойства группы, изучать процесс превращения объективно возникшей малой группы в подлинно психологическую общность, механизмы, критерии становления группового субъекта, его структурную организацию и феноменологию группового процесса [6]. Но пока темпы распространения в социальной психологии малых групп субъектного подхода, несмотря на всю его эвристичность, гораздо скромнее, чем в социальной психологии личности. Исследования групп, в которых они изучаются именно как целостные субъекты, малочисленны (А. В. Брушлинский, К. М. Гайдар, А. Л. Журавлев, А. Н. Кимберг и др. [6; 9; 11; 21 и др.]).

На наш взгляд, разработка субъектного подхода к малой группе в качестве отправной точки должна иметь обращение к тем социально-психологическим концепциям в отечественной психологии, в которых можно найти истоки представлений о субъектной природе групп. Ранее нами уже предпринимался подобный анализ в отношении взглядов на группу как целостность таких российских ученых первой трети XX в., как Г. А. Роков, Г. Г. Шпет, В. М. Бехтерев, Д. Б. Эльконин, А. С. Выготский [6].

В связи с этим нельзя не вспомнить А. С. Макаренко. Мы считаем, что именно он заложил основы субъектного подхода к группе в советской педагогике и практической психологии, поэтому его идеи должны быть внимательно изучены психологами, занимающимися сегодня проблемами группы.

Обращение к работам А. С. Макаренко невозможно без использования понятия коллектива. Сегодня отношение к нему среди современных исследователей неоднозначное. Некоторые даже призывают совсем отказаться от него, поскольку оно, дескать, несет на себе печать чрезмерно идеологизированной советской психолого-педагогической науки. Нам, однако, ближе более взвешенный подход. Сошлемся на мнение Ю. М. Кондратьева и В. А. Ильина, которые пишут об этом понятии: «...в советское время этот термин нес на себе избыточно идеологизированную смысловую нагрузку... подобное смешение и значения, и смысла данного понятия в обыденном сознании и в научном лексиконе ни в коей мере не умаляет его значимости и как «предметного» поля психологического изучения, и как интерпретационного «ключа», позволяющего глубже понять психологическую реальность, традиционно описываемую в рамках проблематики психологии групп и социальной психологии личности» [12, с. 169].

Сегодня актуальна задача не отказа от этого понятия (равно как и коллективных форм деятельности, общения людей), а раскрытия его подлинно психологического содержания, освобождения от идеологических нагрузок. Не отождествляя понятия «групповой субъект» и «коллектив», полагаем важным проанализировать взгляды на коллектив А. С. Макаренко, что поможет, по нашему мнению, лучше понять сущность группового субъекта.

Судьба учения А. С. Макаренко уникальна и трагична. Замечательный педагог ставил поистине благородные цели перед собой и коллективом воспитателей, совместно с которыми, отдавая все душевные силы, организаторский талант, лучшие годы своей жизни, стремился решить немудреную и вместе с тем великую задачу: сделать счастливой жизнь детей, которых судьба, казалось бы, лишила всего. В одной из лучших своих статей «Педагогижимают плечами» он писал: «Мы желаем воспитать культурного советского рабочего. <...> Мы должны воспитать у него чувство долга и понятие чести... Он должен уметь подчиниться товарищу и должен уметь приказывать товарищу. Он должен быть активным организатором. Он должен быть настойчив и закален, он должен владеть собой и влиять на других... Он должен быть веселым, бодрым, подтянутым, способным бороться и строить, способным жить и любить жизнь, он должен быть счастлив. И таким он должен быть не только в будущем, но и в каждый свой нынешний день» [18, с. 138].

Несмотря на благородство целей и поразительные воспитательные результаты, достигавшиеся ежедневным беззаветным трудом А. С. Макаренко и его единомышленников, советская официальная педагогика 1920-1930-х гг.

не признавала достоинств построенной им, подкрепленной практикой, буквально выстраданной педагогической системы, считала его идеи чуждыми идеалам «нового строя». Учение А. С. Макаренко оказалось невостребованным в годы экономического подъема, строительства «новой» жизни, трудовых подвигов и энтузиазма, поскольку по многим своим положениям шло вразрез с официальной идеологией.

Таковым оно оставалось и в период так называемого застоя 1970-х — первой половины 1980-х гг. Выдернутые из общего контекста отдельные высказывания великого педагога превратились в своеобразные догмы, а основные его положения были незаслуженно забыты, так как их воплощение в реальную педагогическую практику потребовало бы радикальных ее изменений, а это не предполагали ни власть, ни сама педагогическая наука того времени.

На смену эпохи застоя пришли перестроечные годы, а затем постсоветский период. Но работы А. С. Макаренко по-прежнему пребывали в забвении. Более того, его учению теперь приписывали идеологизированность, прежде всего на том основании, что он придерживался позиции: коллектив — это группа, характерная лишь для социалистического общества [17, с. 449]. Это привело к одностороннему и в некотором смысле искаженному толкованию его теории. Возможно, в определенной мере способствовал этому и сам автор, поскольку в условиях жесткого идеологического контроля вынужден был излагать многие мысли «эзоповым языком», прикрываясь словесными штампами, делая усиленный акцент на социалистической природе коллектива.

Сегодня, кажется, наступило то время, когда ничто не мешает вдумчиво размышлять над макаренковским наследием, пробовать интегрировать его идеи в современные теоретические подходы. Можно смело говорить о том, что детские коллективы его воспитательных организаций — школы-колонии им. А. М. Горького, коммуны им. Ф. Э. Дзержинского — были не столько социалистическими в тогдашнем уравнительном смысле, сколько своеобразным прообразом теперешних акционерных обществ. Ведь они занимались предпринимательской деятельностью (производством, в частности, фотоаппаратуры и электрооборудования), практиковали сдельную заработную плату, совместно распределяли заработанные деньги на те или иные нужды всей организации и каждого первичного ее коллектива, а сами воспитанники ощущали себя и его членами, и совладельцами, причем не только в экономическом, но и в социально-психологическом смысле: прекрасно осознавали, что лишь при гармонизации интересов личных и коллективных возможно благополучное существование и дальнейшее развитие всех и каждого, понимали, что «общественный интерес это есть и интерес личный» [18, с. 139]. Не зря А. С. Макаренко ставил и на практике реализовывал цель не подготовки ребят к какой-то будущей взрослой жизни, а организацию такой жизнедеятельности коммуны, чтобы ее воспитанники, ещё будучи детьми, ощущали себя «полноправным явлением

общественной жизни», чтобы у них возникало и укреплялось чувство «хозяина и организатора» [18, с. 139]. И хотя сам педагог относил это в первую очередь к производственной жизни коллектива (настоящего, т. е. коммуны, и того будущего, в котором предстояло трудиться ребятам после выпуска из нее), полагаем, что на самом деле цель ставилась более глобальная — чтобы воспитанники стали «хозяевами и организаторами» своей жизни, иными словами, полноценными субъектами, способными быть режиссерами и авторами собственной судьбы, несущими самостоятельную ответственность за свои выборы, действия, их результаты.

А для этого А. С. Макаренко стремился, чтобы и среда, в которой зарождалась субъектность маленьких граждан страны, т. е. сами воспитательные организации обладали субъектными свойствами. Он прекрасно понимал, что нельзя проявить себя субъектом лишь перед самим собой. Для этого жизненно необходимо взаимодействие с другими в рамках единой социально-психологической общности. «Именно в... форме коллективного реагирования, — писал А. С. Макаренко, — коллектив является не только объектом, но и субъектом воспитания» [16, с. 307]. Иными словами, он рассматривал коллектив как субъект деятельности, управления, воспитания, подчеркивал, что благодаря внутренней активности коллектив способен к самоорганизации, самоуправлению.

Согласно А. С. Макаренко, фундамент психологии детского коллектива составляют связи и отношения, порождаемые совместной деятельностью и общением в процессе достижения общих целей. Здесь он выходит на формулирование нового психологического качества коллективного субъекта, которое до него оставалось вне поля зрения ученых, — целеустремленность. Он определял коллектив как «целеустремленный комплекс личностей» [19, с. 194]. В отличие от целенаправленности, в целеустремленности воедино слиты чувство, мысль и воля, что позволяет детям, руководствуясь общегрупповыми мотивами, реализовывать совместную активность и усилия в решении поставленных задач.

Представляется, что в работах А. С. Макаренко речь идет о тех коллективах, в которых коллективизм как базовая характеристика человеческих взаимодействий и взаимоотношений проявляется в его подлинном содержании, т. е. в стремлении людей все делать вместе, сообща. Он подчеркивал: «Это не просто собрание, не просто группа взаимодействующих индивидуумов... Коллектив — это социальный живой организм...» [17, с. 229].

Коллективизм в его неидеологизированном понимании, по мнению А. К. Дусавицкого, Ю. М. Кондратьева, А. С. Чернышева, В. Э. Чудновского и других, есть принцип оптимального взаимодействия человека с социумом (конкретной группой членства, в частности), реализация которого, с одной стороны, обеспечивает эффективность совместной деятельности, с другой

стороны, «подлинный коллектив, кроме того, что он «использует» личность в качестве элемента системы, дает еще «кое-что» самой целостной личности» [8, с. 76-77], является способом удовлетворения социогенной потребности человека в причастности к группе, обеспечивая чувство социальной и психологической защищенности [1; 15; 22; 25; 28; 29].

Именно подлинный коллективизм, обеспечивающий баланс интересов общества и личности, служит средством оптимального становления последней, раскрытия ее индивидуального своеобразия, которое возможно только во взаимодействии с другими, осмысления самооценности. Изучение степени выраженности в современных малых группах тенденций индивидуализма и коллективизма, их соотношения, специфики проявлений позволит найти наилучшие формы организации их жизнедеятельности, способствующие развитию как группового, так и индивидуального субъекта.

Итак, поставим вопрос: как соотносятся понятия «коллектив» и «групповой субъект»? Для ответа на него следует уточнить их определения.

Понятие «коллектив» мы предлагаем относить к малым группам, достигшим высокого уровня развития социально-психологических качеств, причем к таким группам, которые не только осуществляют социально ценную совместную деятельность, отвечающую потребностям общества, но и способны самостоятельно синтезировать новую общественно значимую деятельность, организуют свою жизнедеятельность, руководствуясь принципом коллективизма, подчиняют ее внутреннему и внешнему социальному контролю, вследствие чего по своей инициативе вступают в межгрупповые связи и отношения.

Под групповым субъектом мы понимаем системное и динамическое качество социальной группы взаимосвязанных и взаимодействующих людей, проявляющееся тогда, когда она действует как единое целое в значимых социальных ситуациях, осуществляя разные виды совместной активности, в том числе преобразовывает эти ситуации и саму себя, осознавая, что именно она есть источник этих действий и преобразований [6]. Понятие группового субъекта позволяет подчеркнуть социальную природу и активную сущность множества малых групп, при этом акцентирует тот факт, что их активность имеет преобразовательный характер и может направляться не только на окружающий мир, но и на самих себя, а это предполагает наличие у группового субъекта сознания и самосознания. Группа проявляет выраженную субъектность, когда самостоятельно и творчески осуществляет совместную деятельность, выбирает наиболее благоприятную для себя социальную ситуацию, демонстрирует способность изменять ее в лучшую сторону, оптимизировать, иными словами, проектировать социальную среду, благоприятствующую как личностному росту отдельных ее участников, так и повышению уровня социально-психологической зрелости группового субъекта в целом.

Обозначим общие и специфические признаки коллектива и группового субъекта.

В качестве психологических признаков коллектива мы выделяем контактность, способность к синтезу новой деятельности, сочетание внутригрупповых и внешних форм социального контроля, высокий уровень развития системы социально-психологических качеств, интегративность, системность [5]. Из них с групповым субъектом его объединяют следующие признаки: контактность, способность к синтезу новой деятельности, интегративность, системность.

В условиях включения и в коллектив, и в группу как единый субъект индивид обогащается за счет взаимодействия с другими его членами, сотрудничества, поддержки и получает возможность раскрыть свои способности, индивидуальную субъектность, самореализоваться в этом взаимодействии, значит, эффект его действий, поступков может быть более значительным по сравнению с тем, который был бы ему доступен, действуя он в одиночку. Иными словами, еще одним общим признаком для коллектива и группового субъекта является развивающий эффект, оказываемый на индивида, входящего в состав этих общностей, вследствие чего, в частности, его результативность может быть выше, чем в условиях индивидуальной деятельности.

Хотя понятие «коллектив» чаще относят к малым группам, в принципе оно применимо и к большим общностям людей (как раз А. С. Макаренко на этом основании различал первичный и основной коллективы). Понятие группового субъекта также сегодня используется при изучении не только малых групп (в том числе диад), но и средних, а также больших групп.

Вместе с тем коллектив и групповой субъект, на наш взгляд, имеют определенные различия. Так, относительно третьего из выделенных признаков коллектива следует признать его специфичность именно для коллектива, поскольку групповому субъекту присуща ориентация преимущественно на самоорганизацию, а следовательно, и на внутренний контроль. Четвертый признак коллектива также не является обязательным для группового субъекта, так как группа может проявлять субъектность и в ситуации, когда ее социально-психологические качества не достигли высокого уровня развития. Как замечает К. А. Абульханова, «понятие субъекта... континуально — оно не обозначает максимальной точки, порога, предела развития» [2, с. 26]. Следовательно, у каждого своя мера быть субъектом, определяемая как возможностями и потенциями, так и внешними обстоятельствами. И это в полной мере относится к групповому субъекту.

Основополагающей для коллектива является его просоциальная направленность. Групповой субъект может не иметь таковую, но одновременно обладать другими свойственными коллективу признаками: организованностью, высокой результативностью (например, корпоративная группа в терминологии А. В. Петровского, А. И. Уманского и др. [20; 27]).

В общепринятом определении коллектива акцент ставится на деятельности как его системообразующем признаке (Г. М. Андреева, А. И. Донцов, А. В. Петровский, Л. И. Уманский и др.). Групповой субъект же выполняет самые разные виды совместной активности: совместную деятельность (трудовую, учебную, художественную, спортивную, общественную, добровольческую (волонтерскую) и пр.), общение, взаимоотношения, взаимодействия, социальное познание, в том числе самопознание, рефлексия и саморефлексию, управление и самоуправление, поведение, творчество и др. Здесь уместно вспомнить, что у А. С. Макаренко детские коллективы были не только коллективами, но и фактически субъектами разных видов активности: деятельности, воспитания, общения, взаимоотношений, поведения, управления и самоуправления, социального творчества в широком смысле этого слова.

Один из отличительных признаков группового субъекта — его преобразовательная активность, которая может быть направлена и на него самого, причем при осознании этой своей способности. Для коллектива же это не является неперенным свойством.

Понятия «коллектив» и «групповой субъект» могут совпадать в своем содержании, в частности, если последний достигнет высокого уровня развития, а ведущим видом его активности выступит совместная деятельность.

Мы согласны с А. И. Донцовым, Е. М. Дубовской и Ю. М. Жуковым, что понятие «коллектив» имеет оценочный характер [7]. Поэтому его популярность в конкретный период развития отечественной социальной психологии групп отнюдь не была случайной, а отражала вполне определенный социальный заказ, отвечая на который наука выделяла в его содержании именно те характеристики, которые имели общественную ценность. Понятие же группового субъекта обладает объяснительным потенциалом, поэтому должно шире использоваться современной психологией. Тем не менее идеи А. С. Макаренко о коллективе сегодня актуальны, поскольку проведенный анализ показывает, что, употребляя это понятие, он во многих случаях подразумевал такое качество и психологическое состояние малой группы, которое обозначается термином «групповой субъект».

Именно поэтому в условиях рыночной экономики, когда производственные организации и коллективы работают на новых принципах, а главным их капиталом все чаще признается капитал человеческий, педагогическая система А. С. Макаренко как комплекс теоретических воззрений и принципов, успешно апробированных педагогических технологий и накопленного практического опыта должна полнее использоваться при исследовании психологии группового субъекта и организации жизнедеятельности самых разнообразных реальных групп и объединений людей.

Библиографический список

1. Абульханова К. А. Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности). М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: МОДЭК, 1999.
2. Абульханова К. А. С. Л. Рубинштейн — ретроспектива и перспектива // Проблема субъекта в психологической науке. М.: Академический проект, 2000.
3. Андреева Г. М., Шевелева А. Ю. К дискуссии о проблеме группы в социальной психологии // Вестник МГУ. Сер. 14: Психология. 1998. № 1.
4. Брушлинский А. В. Субъект: мышление, учение, воображение. М.: Институт практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1996.
5. Гайдар К. М. Динамика субъектного развития студенческой группы в период обучения в вузе: дис. ... канд. психол. наук. Курск, 1994.
6. Гайдар К. М. Субъектный подход к психологии малых групп: история и современное состояние. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 2006.
7. Донцов А. И., Дубовская Е. М., Жуков Ю. М. Группа — коллектив — команда. Модели группового развития // Социальная психология в современном мире. М.: Аспект Пресс, 2002.
8. Дусавицкий А. К. Активность личности и коллектив как развивающаяся система // Психологический журнал. 1983. Т. 4, № 6.
9. Журавлев А. Л. Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы // Психологический журнал. 2009. Т. 30, № 5.
10. Журавлев А. Л. Социальная психология личности и малых групп: некоторые итоги исследования // Психологический журнал. 1993. Т. 14, № 4.
11. Кимберг А. Н., Налетова А. С. Концепты индивидуального и коллективного субъектов // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 3.
12. Кондратьев Ю. М., Ильин В. А. Азбука социального психолога-практика. М.: ПЕР СЭ, 2007.
13. Кричевский Р. Л., Дубовская Е. М. Социальная психология малой группы. М.: Аспект Пресс, 2001.
14. Лебедев А. Н. Социально-психологические проблемы формирования коллектива производственно-коммерческой фирмы // Психологический журнал. 1994. Т. 15, № 5.
15. Левин К. Разрешение социальных конфликтов. СПб.: Речь, 2000.
16. Макаренко А. С. Методика организации воспитательного процесса // Педагогические сочинения: в 8 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 1.
17. Макаренко А. С. Некоторые выводы из педагогического опыта // Сочинения: в 7 т. М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1958. Т. 5.
18. Макаренко А. С. Педагоги пожимают плечами // Педагогические сочинения: в 8 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 1.
19. Макаренко А. С. Проблемы школьного советского воспитания (лекции) // Педагогические сочинения: в 8 т. М.: Педагогика, 1984. Т. 4.
20. Петровский А. В. Личность. Деятельность. Коллектив. М.: Политиздат, 1982.
21. Психология индивидуального и группового субъекта. М.: ПЕР СЭ, 2002.

22. Рубинштейн С. А. Человек и мир. М.: Наука, 1997.
23. Русалинова А. А. Совершенствование системы деловых отношений в трудовом коллективе // Проблемы промышленной социальной психологии: избранные психологические труды. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2009.
24. Сидоренков А. В. Динамика неформальных подгрупп в группе. Социально-психологический анализ. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 2004.
25. Стефаненко Т. Г. Изучение идентификационных процессов в психологии и смежных науках // Трансформация идентификационных структур в современной России. М.: МОНФ, 2001.
26. Сушков И. Р. Самокатегоризационная теория и групповые феномены // Психологический журнал. 1994. Т. 15, № 1.
27. Уманский А. И. Психология организаторской деятельности школьников. М.: Просвещение, 1980.
28. Фромм Э. Психоанализ и этика. М.: Республика, 1993.
29. McDougall W. An introduction to social psychology. Boston: Luce, 1912.
30. Moreland R. L., Hogg M. A., Hains S. C. Back to the future: social psychological research on groups // Journal of Exper. Social Psychology. 1994. Vol. 30 (6).
31. Steiner I. Whatever happenend to the group in social psychology? // Journal of Exper. Social Psychology. 1974. Vol. 10 (1).

ОТНОШЕНИЕ К КАРЬЕРНОЙ МОБИЛЬНОСТИ И СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ МОЛОДЕЖИ

А. Н. Дёмин¹

Представлены особенности отношения молодёжи к карьерной мобильности на протяжении постсоветского периода (1990-2000-е гг.). Показано, что для значительной части молодёжи отношение к отдельным вариантам карьерной мобильности синхронизировано с динамикой адаптированности, показателями образовательных притязаний, объективными показателями высшей школы и рынка труда. С учётом полученных данных выделены две основные стратегии социальной интеграции молодёжи.

Ключевые слова: карьерная мобильность, социальная интеграция, макропсихология, молодёжь.

The specificity of the relationship of youth and career mobility for post-Soviet period (1990s –2000s) is presented. It is shown that for a large proportion of young people their relations towards individual career mobility options are synchronized with the dynamics of adaptation, indicators of educational aspirations, objective indicators of higher education and the labor market. Considering obtained data two main strategies of social integration of young people are identified.

Key words: career mobility, social integration, macropsychology, youth.

Карьерная мобильность — динамическая сторона карьеры, изменение статуса занятости человека на протяжении жизненного пути. Она включает в себя две составляющие: субъективную (принятие карьерных решений, отношение личности к изменению статуса занятости и вариантам мобильности, освоение новых знаний и умений, психологическая цена изменений и т.п.) и поведенческую (перемещение в сферу профессиональной подготовки или переподготовки, первичный вход или возвращение на рынок труда, перемещение между профессиями, должностями, ролями, рабочими местами, организациями, видами труда и занятости, включая выход из них). Нередко в качестве синонима

¹ Дёмин Андрей Николаевич — доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: demin@manag.kubsu.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 11-06-00734а.

данного понятия используются понятия трудовой мобильности или профессиональной мобильности, но стремление анализировать труд в контексте всего жизненного пути личности, в разнообразии его оплачиваемых и неоплачиваемых, профессиональных и непрофессиональных видов, в связи с профессиональным обучением, переобучением и т.д. побуждает исследователей обращаться именно к карьерному контексту. В зарубежной психологии существует обширная литература по данному направлению, выделены типы, факторы карьерной мобильности, предложены новые модели карьеры («изменчивая карьера», «карьера без границ», «карьера-калейдоскоп», «гибридная карьера» и др.), в которых мобильность выступает одним из центральных конструктов (см. [14]).

Интерес к карьерной мобильности закономерно повышается в условиях социальной нестабильности. В отечественной науке стимулом к её изучению стали перестройка и шоковые реформы начала 1990-х гг. Экономисты, социологи, психологи (В.Е. Гимпельсон, А.А. Гордон, Г.Г. Горелова, А.Н. Дёмин, Э.В. Клопов, Р.И. Капелюшников, В.С. Магун, И.П. Попова, Н.Е. Тихонова, Т.Я. Четвернина и др.) обращаются к этому явлению в связи с проблемами адаптации населения к новым условиям жизни, миграцией, безработицей, предпринимательством и др.

Макропсихологический аспект карьерной мобильности изучен недостаточно, хотя исследования показывают значение факторов макроуровня в становлении карьер, в том числе их разное влияние в странах западного и незападного типов, а также в связи с национальной спецификой стран в рамках одного типа [16 и др.]. Разумеется, макропсихология карьер этим не ограничивается. Также она включает в себя психологическую интерпретацию социальной статистики, изучение социальных представлений и намерений больших групп, совмещённый анализ психологических характеристик больших групп и релевантных социально-экономических характеристик институтов образования и рынка труда и др.

В статье представлены результаты исследования отношения молодёжи к карьерной мобильности на протяжении постсоветского периода (1990-2000-е гг.). В нашем распоряжении находятся результаты периодически (раз в пять лет) проводимых опросов учащихся выпускных классов средних общеобразовательных школ, выпускных курсов ПТУ и колледжей г. Краснодара. Исследование направлено на выявление карьерных ориентаций молодёжи и проводится на представительных выборках по идентичной программе. Среди прочих респондентам задаётся вопрос: «Что бы Вы посоветовали делать человеку, который оказался без работы?». Предлагается выбрать один наиболее подходящий, с точки зрения респондента, вариант ответа: «искать работу по своей специальности», «браться за любую работу, лишь бы не сидеть без дела», «освоить новую профессию», «открыть свое дело», «искать вре-

менную, но хорошо оплачиваемую работу», «искать только такую работу, которая гарантирует стабильную занятость», «вести себя спокойно и надеяться на случай». Прототипом данной номинальной шкалы служит шкала трудовой мобильности В. С. Магуна и В. Е. Гимпельсона [12], которая была модифицирована в соответствии с особенностями изучаемых выборок. Вопрос изначально формулировался как полупроективный, поскольку многие молодые люди ещё полноценно не работают.

Цели статьи: 1) выявить динамику отношения молодёжи к различным вариантам карьерной мобильности (1990-2000-е гг.); 2) изучить соотношение этой динамики с показателями адаптированности молодёжи, её карьерных притязаний, а также с показателями региональной сферы образования и рынка труда. Тем самым статья развивает заявленный ранее макропсихологический подход к занятости молодёжи [7; 8; 9].

В рамках достижения первой цели мы исходим из предположения о том, что сегмент профессиональной мобильности в установках молодых людей будет незначительным на протяжении постсоветского периода; по крайней мере, он будет уступать тем сегментам мобильности, которые прямо не связаны с профессией. Гипотеза (далее — гипотеза 1) основана на отмечаемой исследователями тенденции к депрофессионализации занятости и размыванию профессиональной идентичности людей [10; 16], что наверняка должно найти отражение в сознании молодёжи — одной из наиболее чувствительных к новым явлениям частей общества.

В рамках достижения второй цели была сформулирована гипотеза 2: отношение к карьерной мобильности — составная часть механизма социальной интеграции молодёжи, который включает в себя синхронно меняющиеся психологические характеристики молодёжи и показатели социальных институтов. На эмпирическом уровне это означает, что допущение в структуре карьеры изменчивости (или стабильности) должно быть синхронизировано с: а) динамикой адаптированности молодёжи; б) особенностями взаимодействия её карьерных притязаний с институтом высшего образования; в) такой характеристикой рынка труда, как оборот (движение) работников в организациях.

У этой гипотезы несколько оснований. Во-первых, мы опираемся на допущения и выводы, сделанные ещё в самом начале шоковых реформ. В тот период В. С. Магун и В. Е. Гимпельсон [12] связывали трудности адаптации с воспитанной в людях ориентацией на стабильность, а не на динамизм. По существу подразумевалось, что внесение в образ будущего элементов изменчивости будет способствовать улучшению адаптации к социальным изменениям. В этом же контексте можно рассматривать идею о субъективном предвосхищении и принятии изменений как факторе успешной адаптации в современных условиях, высказанную тогда же Л. А. Гордоном [5]. Эти соображения получили эмпирическое подтверждение на молодёжных выборках: действительно, для адапти-

Таблица 1

Распределение ответов учащихся выпускного класса средних общеобразовательных школ на вопрос «Что бы Вы посоветовали делать человеку, который оказался без работы?», %

Варианты мобильности	1996 г. N = 384	2001 г. N = 371	2006 г. N = 283	2011 г. N = 389
Искать работу по своей специальности	13,3	14,6	15,5	17,1
Браться за любую работу, лишь бы не сидеть без дела	14,8	18,3	28,3	29,1
Освоить новую профессию	18,0	15,1	12,4	10,2
Открыть свое дело	18,2	16,4	10,6	13,0
Искать временную, но хорошо оплачиваемую работу	16,7	18,1	21,6	17,6
Искать только такую работу, которая гарантирует стабильную занятость	18,0	11,0	9,5	11,0
Вести себя спокойно и надеяться на случай	1,0	0,5	2,1	2,0

рованности важно наличие элементов изменчивости в жизненных (социально-трудовых) перспективах [6]. Насколько высказанные допущения и сделанные выводы устойчивы во времени, можно ли их экстраполировать в нынешнюю ситуацию?

Другим основанием служат представления Г. Готтфредсона о факторах профессиональной мобильности, среди которых ключевым является неконгруэнтность личности и профессии (профессиональной среды), т.е. несовпадение профессиональных интересов человека и выполняемых задач, действий и т.д. [18]. В условиях, когда для значительной части молодёжи получение профессионального образования облегчено и связано не столько с получением специальности, сколько с приобретением социального и символического капитала [7], вероятность неконгруэнтности и, следовательно, мобильности растёт. Если это — некая сложившаяся социальная норма, мы можем ожидать, что отношение молодёжи к мобильности будет меняться синхронно с показателями её образовательных притязаний и показателями высшей школы, на которую эти притязания как раз и направлены [7; 8; 9].

Ещё одно основание гипотезы 2 связано с упомянутыми явлениями депрофессионализации занятости и размывания профессиональной идентичности. Если эти явления присутствуют на уровне установок и представлений молодых людей, то они могут вести к реальной карьерной мобильности после выхода на рынок труда и фиксироваться в релевантных статистических показателях.

Таблица 2

Распределение ответов студентов выпускного курса колледжей на вопрос «Что бы Вы посоветовали делать человеку, который оказался без работы?», %

Варианты мобильности	1996 г. N = 395	2001 г. N = 292	2006 г. N = 255	2011 г. N = 333
Искать работу по своей специальности	7,6	11	14,9	15,9
Браться за любую работу, лишь бы не сидеть без дела	22,3	23,6	20,8	24,4
Освоить новую профессию	14,2	8,9	7,5	9,6
Открыть свое дело	13,9	18,2	7,8	9,3
Искать временную, но хорошо оплачиваемую работу	26,8	26,0	37,2	25,8
Искать только такую работу, которая гарантирует стабильную занятость	12,2	10,6	10,6	14,4
Вести себя спокойно и надеяться на случай	2,5	1,7	1,2	0,6

Таблица 3

Распределение ответов учащихся выпускного курса ПТУ на вопрос «Что бы Вы посоветовали делать человеку, который оказался без работы?», %

Варианты мобильности	1996 г. N = 106	2001 г. N = 98	2006 г. N = 153	2011 г. N = 134
Искать работу по своей специальности	6,6	19,8	14,4	14,9
Браться за любую работу, лишь бы не сидеть без дела	17,9	24,0	28,1	26,9
Освоить новую профессию	23,6	4,2	10,5	3,0
Открыть свое дело	17,0	18,7	11,8	10,4
Искать временную, но хорошо оплачиваемую работу	16,0	21,9	20,2	24,6
Искать только такую работу, которая гарантирует стабильную занятость	14,2	10,4	13,7	17,8
Вести себя спокойно и надеяться на случай	4,7	1,0	1,3	2,2

Результаты исследования

Анализ имеющихся данных проводился в соответствии с порядком выдвижения гипотез и их внутренней структурой. Сначала проверялась гипотеза 1. В табл. 1-3 представлены распределения ответов молодёжи на вопрос «Что бы Вы посоветовали делать человеку, который оказался без работы?».

В 1996 г. ответы выпускников средней общеобразовательной школы распределились довольно равномерно между предложенными вариантами (за исключением последнего, что вполне объяснимо). В частности, 13,3% выбрали ответ «искать работу по своей специальности», 18% — ответ «освоить новую профессию». На протяжении 2001, 2006, 2011 гг., с одной стороны, наблюдался небольшой рост доли ответов «искать работу по своей специальности» (17,1% в 2011 г.) и довольно существенное снижение доли ответов «освоить новую профессию» (10,2% в 2011 г.). С другой стороны, к 2011 г. существенно выросла доля ответов «браться за любую работу, лишь бы не сидеть без дела» (с 14,8% в 1996 г. до 29,1% в 2011 г.), превысившая в итоге оба сегмента профессиональной мобильности, вместе взятые. Примечательно, что «браться за любую работу, лишь бы не сидеть без дела» был самым часто выбираемым ответом и в 2001, и в 2006, и особенно в 2011 гг. (вторым по частоте выбора шёл ответ «искать временную, но хорошо оплачиваемую работу»). Таким образом, в отношении выпускников средних школ наше предположение подтверждается, хотя мы должны отметить наличие небольшой, но устойчивой на протяжении постсоветского периода прослойки приверженцев выбранной профессии.

В группе выпускников колледжей отношение к разным вариантам мобильности изначально было неравноценным. В 1996 г. ответы «искать работу по своей специальности» и «освоить новую профессию» выбирали 7,6 и 14,2% соответственно, что значительно уступало частоте выбора таких вариантов, как «браться за любую работу, лишь бы не сидеть без дела» (22,3%) и «искать временную, но хорошо оплачиваемую работу» (26,8%). В дальнейшем — в 2001, 2006, 2011 гг. — соотношение сегментов профессиональной мобильности и двух других упоминавшихся вариантов мобильности сохранилось. Таким образом, и в отношении группы выпускников колледжей наше предположение подтвердилось.

Среди выпускников профтехучилищ в 1996 г. наименьшая доля ответов приходилась на вариант «искать работу по своей специальности» (6,6%), а наибольшая — на вариант «освоить новую профессию» (23,6%). Но даже при таком распределении сегмент профессиональной мобильности уступал двум уже упоминавшимся вариантам мобильности, взятым вместе, — «браться за любую работу, лишь бы не сидеть без дела» и «искать временную, но хорошо оплачиваемую работу» (17,9 и 16% соответственно). Показательно, что в дальнейшем динамика всех этих показателей повторяет динамику аналогичных показателей в группах выпускников средних школ и колледжей, причём наиболее сильное изменение относится к ответу «освоить новую профессию» — в 2011 г. его выбрали только 3%. Таким образом, и для группы выпускников ПТУ наше предположение подтвердилось.

При интерпретации полученных данных мы исходим из того, что предпочтение вариантов карьерной мобильности складывается под воздействием

Таблица 4

Динамика показателей удовлетворённости жизнью в разных группах молодёжи, средние значения

Группы молодёжи	1996 г.	2001 г.	2006 г.	2011 г.
Учащиеся выпускного класса средних общеобразовательных школ	25,8	26,4	26,7	28,1
Учащиеся выпускного курса колледжей	24,2	26,1	27,1	27,7
Учащиеся выпускного курса ПТУ	25,0	26,9	28,6	28,1

масштабных внепрофессиональных факторов (социально-экономические изменения, структура рынков труда и пр.). В настоящее время для многих людей более значима работа как таковая (т. е. занятость вообще), а не профессия, поэтому социальные влияния становятся более непосредственными, они в меньшей степени опосредуются системами профессиональных норм, приверженностью профессии и т. п. По-видимому, это часть того обширного явления, которое У. Бек назвал индивидуализацией социальных кризисов [2]. Люди, оказываясь один на один с социальными процессами, вовлекаясь в их динамику, прислушиваются к их ритму и содержанию, стараются выработать приемлемые и доступные способы адаптации к ним. Увы, профессия, похоже, не входит в состав этих способов для значительной части молодёжи. Правомочность такого допущения подтверждается макропсихологическим анализом образовательных притязаний молодёжи: институт высшего образования в настоящее время стимулирует не столько выбор жизненного пути и профессии, сколько добор статусных благ, наполнение той части потребительской корзины, которая отведена для приобретения символического капитала [7]. Мы не обсуждаем, плохо это или хорошо для социальной адаптации молодёжи, — здесь просто другой по сравнению с советским периодом способ адаптации. Он соответствует третьей волне в социально-историческом развитии образовательных систем в индустриальных обществах. В рамках этой волны образование детей зависит от благосостояния и желания родителей, а школа становится независимой образовательной фирмой [3]. Кроме того, данный способ адаптации хорошо вписывается в модель индивидуализированной занятости (отсутствие гарантий занятости, распространение нестандартных — частичная, временная и т. д. — форм занятости, высокая мобильность), которая пришла на смену модели стандартизированной занятости, господствовавшей до 1980-х гг. в западном мире и СССР.

При проверке гипотезы 2 мы сначала соотнесли динамику установок на карьерную мобильность с динамикой адаптированности молодёжи (рассматривался субъективный аспект адаптированности, для оценки которого использовалась батарея из 7 шкал удовлетворенности различными сторонами своей жизни [4]; вычислялся суммарный показатель удовлетворённости жизнью).

Оказалось, что на протяжении последних 15 лет уровень удовлетворённости жизнью возрастал во всех трёх группах молодёжи, только у выпускников ПТУ он немного понизился в 2011 г. по сравнению с 2006 г. (табл. 4).

В группе 11-классников аналогичная динамика (рост показателей) присуща отношению к вариантам карьерной мобильности «браться за любую работу, лишь бы не сидеть без дела» и «искать работу по своей специальности» (см. табл. 1). Легко заметить, что эти варианты отражают противоположные стратегии поведения на рынке труда, которые в равной степени сопутствуют адаптированности выпускников школ, но первая стратегия, означающая высокую мобильность, гораздо более распространена, чем вторая — отсутствие мобильности.

Нельзя не обратить внимание и на такое соотношение: росту удовлетворённости жизнью сопутствует неуклонное снижение доли ответов «освоить новую профессию». По-видимому, 11-классники не считают целесообразным тратить дополнительные временные, личные и прочие ресурсы на решение проблемы занятости.

В группе выпускников колледжей рост показателей во всех четырёх опросах наблюдался только у варианта карьерной мобильности «искать работу по своей специальности», хотя доля выбиравших его незначительна — от 7,6% в 1996 г. до 15,9% в 2011 г. (см. табл. 2). У значительно более распространённого варианта «браться за любую работу, лишь бы не сидеть без дела» динамика показателя в целом синхронна динамике адаптированности (синхронность нарушают данные за 2006 г., но в 2011 г. тенденция восстанавливается), что в основных чертах повторяет ситуацию с ответами 11-классников.

В группе выпускников ПТУ только у одного варианта карьерной мобильности («браться за любую работу, лишь бы не сидеть без дела») наблюдается полная синхронность с показателем адаптированности: на протяжении трёх опросов соответствующие показатели растут, а в четвёртом опросе происходит их незначительное падение (см. табл. 3). Оно, кстати, приходится на период финансово-экономического кризиса 2008-2010 гг. и, возможно, отражает высокую чувствительность данной группы молодёжи к ситуации на рынке труда.

Таким образом, с динамикой адаптированности молодёжи в наибольшей степени синхронизировано отношение к двум вариантам карьерной мобильности. Один из них (широко распространённый) допускает высокую изменчивость в структуре карьеры, другой (менее распространённый) предполагает приверженность профессии. Полученный результат подтверждает соответствующую часть гипотезы 2, но одновременно указывает на существование разных стратегий социальной интеграции молодёжи. В этой связи дадим ещё один комментарий. Браться за любую работу, равно как и искать временную работу (другой приемлемый для молодёжи вариант карьерной мобильности) отражают, по-видимому, отсутствие глубокой временной перспективы

при решении проблем, склонность к действиям по принципу здесь и сейчас; допускается членение жизни на фрагменты. В литературе подобные явления считаются признаками психологических затруднений для личности [1; 13], но для значительной части современной учащейся молодёжи это скорее всего не так.

При проверке следующей части гипотезы 2 мы соотнесли динамику двух обсуждавшихся установок на карьерную мобильность с динамикой взаимодействия образовательных притязаний молодёжи и такого объективного параметра, как институциональная доступность высшего образования².

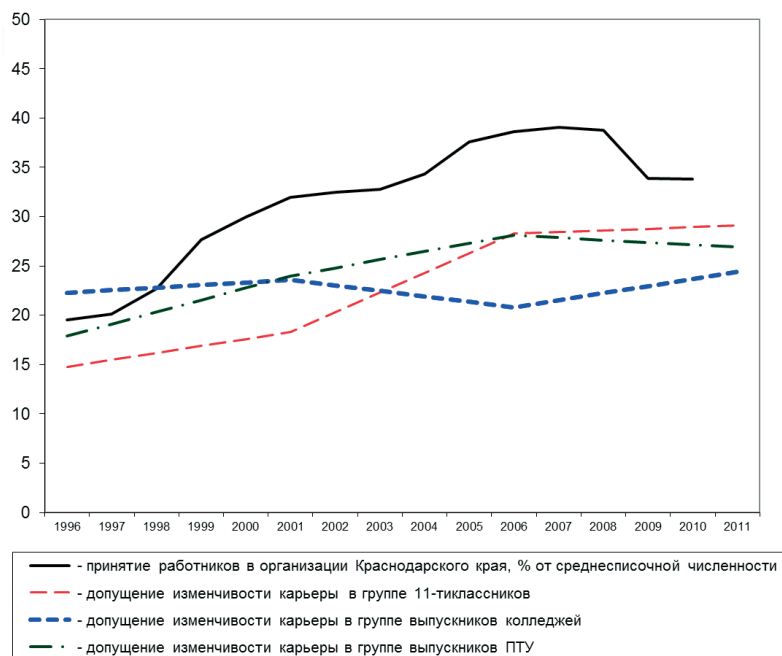
В группе 11-тиклассников все показатели имеют сходную — возрастающую — динамику изменения и образуют некий единый комплекс. Согласно нашим текущим рассуждениям и полученным ранее результатам [7] в этом комплексе, возможно, представлены две стратегии социальной интеграции: с одной стороны, допущение высокой изменчивости в карьере, принятие депрофессионализации занятости, отношение к высшему образованию как потребительской норме; с другой стороны, приверженность профессии — отношение к высшему образованию как источнику профессиональных знаний. Обе стратегии оказывали и оказывают сильное влияние на институт высшего образования, но, судя по количественным распределениям, первая стратегия более влиятельная.

В группе выпускников колледжей отношения между показателями начинают рассогласовываться в период финансово-экономического кризиса 2008-2010 гг. Тем не менее обе стратегии социальной интеграции в данной группе молодёжи просматриваются.

У выпускников ПТУ в расчёт бралась динамика только одной установки на карьерную мобильность (см. проверку первой части гипотезы 2), показатели которой длительное время изменялись синхронно с показателями взаимодействия образовательных притязаний и института высшего образования, а в период финансово-экономического кризиса эта синхронность стала исчезать (наметилась дивергенция показателей). Соответствующая стратегия социальной интеграции (допущение высокой изменчивости в карьере, принятие депрофессионализации занятости, отношение к высшему образованию как потребительской норме) просматривается, но здесь нужно иметь в виду, что отношение к высшему образованию у выпускников ПТУ, скорее всего, декларативное, поскольку большинство из них в эту сферу не перемещается.

В качестве промежуточного вывода отметим, что вторая часть гипотезы 2 отчётливо подтверждается только в группе 11-классников, в двух других группах она подтверждается в период до финансово-экономического кризиса —

² Обоснование данного параметра, представление и обсуждение его связей с карьерными притязаниями молодёжи дано в публикациях [7; 8; 9].

по-видимому, они более чувствительны к воздействию этого сильного внешнего фактора.

Для проверки последней части гипотезы 2 о том, что допущение изменчивости карьеры может быть связано с релевантными характеристиками рынка труда, был проведён совмещённый анализ отношения молодёжи к варианту карьерной мобильности «браться за любую работу, лишь бы не сидеть без дела» и показателей приёма на работу и выбытия работников в экономике Краснодарского края. В официальных статистических данных отражается информация, получаемая от крупных и средних предприятий, что, безусловно, неполно, но и эта информация позволяет судить о тенденциях реальной карьерной мобильности населения.

На рисунке представлены показатели приёма работников в организации (в целом они сопоставимы с показателями выбытия) только за период 1996-2010 гг. Ранее интересующая нас статистика не собиралась, а данные за 2011 г. на момент написания статьи ещё не были опубликованы.

Допущение изменчивости карьеры (отношение к варианту карьерной мобильности «браться за любую работу, лишь бы не сидеть без дела») в разных группах молодёжи и принятие работников в организации Краснодарского края

Синхронизация субъективных и объективных показателей карьерной мобильности на всём исследуемом интервале времени наблюдается только в группе выпускников ПТУ. В группе 11-классников показатели синхронизируются

ваны до 2008 г., в ходе финансово-экономического кризиса начинается их конвергенция. В группе выпускников колледжей субъективные и объективные показатели в целом рассогласованы. Таким образом, соответствующая часть гипотезы 2 в той или иной мере подтверждается для двух групп молодёжи.

Данный рисунок даёт основания для размышлений о том, что на что в большей степени влияет. С одной стороны, допущение изменчивости карьеры, готовность браться за любую работу может быть отражением реальной ситуации на рынке труда, когда в течение года от 20 до 38% работников предприятий обновляется по тем или иным причинам. Молодые люди сталкиваются с этим через круг своего общения в семье, со сверстниками, преподавателями, старшими знакомыми, усваивают через средства массовой информации. С другой стороны, мы видим, что усреднённый для трёх групп уровень установки на мобильность в середине 1990-х гг. почти не уступал уровню реальной мобильности на рынке труда (а в группе выпускников колледжей — превосходил) и поэтому изначально мог выступать в качестве формирующего фактора этой мобильности.

Два подхода можно объединить, если воспользоваться, например, идеями М. Кона и К. Шулер о реципрокных связях между психологическими характеристиками людей и структурно-содержательными характеристиками трудовой деятельности и рабочих мест [19]. Развивая эти идеи, резонно предположить, что высокие установки на мобильность влияют на выстраивание отношений между работником и организацией (например, не способствуют организационной приверженности работника, долгосрочному психологическому контракту как со стороны работника, так и со стороны работодателя и т.п.), которые, в свою очередь, могут инициировать реальную мобильность (выход из организации, поиск новой организации) и тем самым поддерживать установки на мобильность и становиться образцами для восприятия и воспроизведения другим людьми³. На макропсихологическом уровне подобные отношения описываются идеей о том, что население и социальные институты находятся в отношениях подвижного взаимного контроля [17]. Это означает, в частности, что установки, притязания, удовлетворённость представителей больших групп населения и показатели социальных институтов — сфер реализации установок и притязаний взаимосвязаны и влияют друг на друга.

Анализ рисунка позволяет задаться ещё одним вопросом: откуда у молодёжи появились довольно высокие установки на карьерную мобильность? Чисто экономическими причинами это полностью объяснить нельзя; кстати, высокие образовательные и должностные притязания молодых людей, зафиксированные ещё в период перестройки, также нельзя объяснить только экономическими причинами [9; 11]. По-видимому, нужно искать более масштабные социаль-

³ Установки на мобильность поддерживаются и структурой должностных притязаний современной учащейся молодёжи (см. [9]).

ные и культурные факторы. Один из них может быть связан с культом новизны в современном обществе [15], другой — с изменением роли труда и профессии в организации жизни, третий — с формированием потребительского этоса и т.д. Данное направление требует дальнейших размышлений.

Заключение

В целом выдвинутые гипотезы нашли подтверждение.

Во всех трёх группах молодёжи преобладающие установки на карьерную мобильность прямо не связаны с профессией, что отражает тенденцию к депрофессионализации занятости в современной экономике.

Отношение к таким вариантам карьерной мобильности, как «браться за любую работу, лишь бы не сидеть без дела» и «искать работу по своей специальности» входит составной частью в механизм социальной интеграции молодёжи, поскольку для значительной её части на длительном интервале времени синхронизировано с показателями адаптированности, динамикой взаимодействия образовательных притязаний и институциональной доступности высшего образования, показателями движения работников на региональном рынке труда.

В соответствии с двумя вариантами карьерной мобильности можно выделить две стратегии социальной интеграции. Одна включает в себя допущение высокой изменчивости в карьере, принятие депрофессионализации занятости, отношение к высшему образованию как потребительской норме и присуща значительной части молодёжи. При перемещении на рынок труда данная стратегия, по-видимому, воплощается в частую смену организаций. Выделяется и другая стратегия социальной интеграции: приверженность профессии — отношение к высшему образованию как источнику профессиональных знаний, которая значительно менее распространена в молодёжной среде.

Обе стратегии можно отнести к биографическим стандартам занятости — некоторым типичным для людей переживаниям, предпочтениям, оценкам, формах поведения в сфере занятости, которые одновременно складываются и закрепляются у современников, являются результатом их сходной активности и явного/неявного сравнения и согласования. Приоритетность тех или иных стандартов свидетельствует о психологических особенностях изучаемых больших групп, регионов, эпох. Для современной учащейся молодёжи приоритетны мобильность и содержательная (профессиональная) всеядность.

Структура механизма социальной интеграции для части молодёжи изменяется в период финансово-экономического кризиса. Показательно, что предыдущий кризис 1998 г. практически не отразился на механизме социальной интеграции. Возможно, мы наблюдаем начало серьёзных изменений в регуляции поведения молодёжи в сферах учебной и трудовой занятости.

Библиографический список

1. *Абульханова К. А.* Личность как субъект жизненного пути // *Время как фактор изменений личности.* Минск: ЕГУ, 2003.
2. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
3. *Браун Ф.* Социальные изменения и образование в России // *Молодёжь в России на рубеже 90-х годов.* М.: ИС РАН, 1992. Кн. 2.
4. *Головаха Е. И.* Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи. Киев: Наукова думка, 1988.
5. *Гордон Л. А.* Социальная адаптация в современных условиях // *Социологические исследования.* 1994. № 8-9.
6. *Дёмин А. Н.* Адаптация молодежи к социальным изменениям // *Социальные изменения в России и молодежь.* М.: Московский общественный научный фонд, 1997.
7. *Дёмин А. Н.* Карьерные притязания молодежи, высшее образование и рынок труда в условиях финансово-экономического кризиса // *Человек. Сообщество. Управление.* 2011. № 3.
8. *Дёмин А. Н.* Макропсихологический анализ образовательных притязаний трёх групп кубанской молодежи // *Человек. Сообщество. Управление.* 2010. № 2.
9. *Дёмин А. Н.* Соотношение притязаний школьников с социально-экономическими показателями региона // *Вопросы психологии.* 2011. № 1.
10. *Живём с трудом?* // *Поиск.* 2008. № 15.
11. *Магун В. С.* Революция притязаний и изменение жизненных стратегий молодежи: 1985-1995 годы // *Революция притязаний и изменение жизненных стратегий молодежи: 1985-1995 годы.* М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998.
12. *Магун В. С., Гимпельсон В. Е.* Стратегия адаптации рабочих на рынке труда // *Социологические исследования.* 1993. № 9.
13. *Муздыбаев К.* Переживание времени в период кризисов // *Психологический журнал.* 2000. Т. 21, № 4.
14. *Седых А. Б.* Карьерная мобильность личности в контексте современных воззрений на карьеру // *Человек. Сообщество. Управление.* 2012. № 2.
15. *Фролова С. В.* Макропсихологический анализ эмиграционных намерений человека // *Известия Саратовского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика.* 2010. Т. 10, Вып. 3.
16. *Chudzikowski K., Demel B., Mayrhofer W., Unite J., Bogicevic B., Briscoe J., Hall D. T., Las Heras M., Shen Y., Zikic J.* Career transitions and their causes: A country-comparative perspective // *Journal of Occupational and Organizational Psychology.* 2009. Vol. 82.
17. *Dooley D., Catalano R.* Introduction to underemployment and its social cost // *American Journal of Community Psychology.* 2003. № 32 (1).
18. *Gottfredson G. D. John L.* Holland's contributions to vocational psychology: a review and evaluation // *Journal of Vocational Behavior.* 1999. Vol. 55, № 1.
19. *Work and personality: an inquiry into the impact of social stratification/ed. by M. L. Kohn and C. Schooler.* Norwood, New Jersey: Ablex Publishing Corporation, 1983.

«МЕЖДУНАРОДНОСТЬ» В КОНТЕКСТЕ ЖИЗНЕННОГО МИРА ДВОРЯНСКИХ ДЕТЕЙ РОССИИ XVIII — НАЧАЛА XX В.

.....

И. Ю. Мартианова, С. С. Минц¹

В статье рассматривается опыт общения с людьми других национальностей и культур как одной из подсистем жизненного мира детей российских дворян второй половины XVIII — начала XX в., связанной с формированием их идентичности.

Ключевые слова: историческая психология, психология повседневной жизни, жизненный мир, идентичность, мемуары, российское дворянство, история повседневности, космополитизм, патриотизм, толерантность, русская культура.

This article is about contacts with people of other nationalities and other cultures as one of the subsystem of the life world of children of Russian Nobles, which formed their identity in the XVIII — early XX centuries.

Key words: historical psychology, psychology of the everyday life, Life World, Identity, memoirs, Russian Nobles, history of the everyday life, cosmopolitanism, patriotism, tolerance, Russian Culture.

Современные психологи [24] и философы [14; 28] уделяют много внимания понятию «жизненный мир». Для историков оно пока представляет чисто эмпирический интерес. Тем из них, кто интересуется исторической психологией, ещё предстоит очертить границы понятия «жизненный мир», определить его структуру, наполнить конкретным содержанием, осмыслить в исторической ретроспективе, определить его теоретический вес и эвристические возможности. Первые шаги в этом направлении уже сделаны (подробнее об этом см., например: [17; 18 и др.]). Данная статья — еще одно продвижение по направлению к означенной теме. В ней речь пойдёт об одной из подсистем жизненного мира детей российских дворян второй половины XVIII — начала XX в., связанной

¹ Мартианова Ирина Юрьевна — кандидат исторических наук, преподаватель Кубанского государственного университета физической культуры, туризма и спорта. Эл. почта: bim_75@mail.ru;

Минц Светлана Самуиловна — доктор исторических наук, профессор Кубанского государственного университета. Эл. почта: smintz@kubsu.ru.

с формированием их идентичности, — о роли опыта общения с людьми других национальностей, соприкосновения с другими культурами.

Затронутый сюжет рассматривается на основе мемуаристики. В ней обобщается материал 20 произведений мемуарного характера, созданных 17 мужчинами и 3 женщинами. Женские мемуары принадлежат замечательно образованным дамам, две из которых внесли весомый вклад в развитие отечественной культуры. Княгиня Е. Р. Дашкова, урождённая Воронцова, была сподвижницей Екатерины II и первой женщиной в мире, которая возглавила академию наук. В 1783 г. она была назначена директором Петербургской Академии наук, стала создателем и руководителем Императорской Российской академии в Москве. Не менее известной в конце XIX — начале XX в. была другая мемуаристка — Е. Н. Водовозова, урождённая Цевловская. Она родилась в семье бедного смоленского дворянина, закончила Смольный институт и завоевала признание современников как талантливый педагог и писательница. Её перу принадлежит множество научных, научно-популярных и художественных произведений. Е. Н. Водовозова дважды была замужем, оба раза за известными историками — В. И. Водовозовым и В. И. Семевским. Н. Н. Мордвинова, в замужестве Львова (1794-1882 гг.), оставила воспоминания об отце — адмирале Н. С. Мордвинове. Мемуаристка послужила прототипом Волгиной в произведении Ф. Н. Глинки «Записки о магнетизме» [8, см. прим. В. М. Боковой].

Среди мемуаристов, чьи произведения вошли в источниковую базу данной статьи, известные писатели И. М. Долгоруков, Ф. В. Булгарин, С. Н. Глинка, А. И. Герцен, В. В. Набоков, учёный-правовед, историк и публицист Б. Н. Чичерин. В работе использованы воспоминания государственных деятелей — сенаторов К. И. Фишера и Ф. Ф. Вигеля. В исследование включены и мемуары, созданные менее известными людьми: служащего департамента герольдии майора М. В. Данилова и казачьего офицера, белоэмигранта М. И. Недбаевского. Особенно ценны для исследования были воспоминания людей, боровшихся за изменение политического облика России, — ссыльного поляка-чиновника, служившего по тюремному ведомству, Октавиана Бронислава Еленского, выпускника Пажеского корпуса, известного лидера анархизма, знаменитого революционера князя П. А. Кропоткина и общественного деятеля, помещика, отставного офицера Н. А. Крылова, отца будущего конструктора отечественных подводных лодок. Большое количество самой разнообразной информации, позволившей раскрыть различные стороны затронутой проблемы, дали воспоминания представителей родовой аристократии (барона Н. Е. Врангеля, князей В. П. Мещерского и Ф. Ф. Юсупова, Н. А. Барклая-де-Толли Веймарна). Все мемуары объединяет не только то, что в них описывается детство, но и принадлежность их авторов к наиболее социально активной части российского дворянства — к так называемому образованному дворянству.

В сознании взрослых людей группа проблем, связанная с осмыслением опыта международных контактов и общения, концентрируется вокруг двух полярных понятий — патриотизма и космополитизма. В повседневной жизни, за исключением затяжных кризисных ситуаций, они нечасто присутствуют в своих крайних выражениях. Жизненный мир детей лишён определённости взглядов взрослых людей и их нагруженности ценностно-ориентационными смыслами. Всё, что связано с опытом международного общения, в глазах ребёнка довольно долго выглядело упрощённо. Аксиологическая составляющая была размытой и изменяемой. Чёткие представления об общении с детьми и взрослыми других национальностей некоторые мемуаристы приписывали себе чуть ли не с пяти лет. Материалы воспоминаний, имеющиеся в нашем распоряжении, показывают, однако, что в сознании детей они начинают приобретать достаточную определённость в 10-12 лет, но это скорее исключение, чем правило. Следует отметить, что историку сложно проводить чёткие возрастные границы изменений в психологии, поскольку авторы мемуаров нередко нагружают свои ранние (особенно детские) впечатления последующим жизненным опытом и массой интерпретаций, зависевших от пережитых и даже переживаемых ситуаций. Но в мемуарных текстах есть качество, которое историки определяют словом «аутентичность» — в них более, чем в других источниках, присутствуют подлинное многообразие и многомерность повседневной жизни, столь интересные учёным. Но только в том случае, если исследователи берут материалы мемуаров как вида источников, т. е. комплекса произведений, в котором содержатся взгляды нескольких поколений. Репрезентативный материал можно получить, работая с источниками, которые писали авторы, принадлежавшие к трём поколениям. В нашем случае данное условие соблюдается с запасом, поскольку сопоставляются данные за почти 200 лет.

В памяти Владимира Набокова (1899-1977 гг.) собственное начало жизни ассоциировалось с образом морского приюта. Содержание образа раскрывалось им в эпитете «международное» [22, с. 329]. «Международное», т. е. протекающее между различными народами, в контакте с достижениями их духовной и материальной культуры. Очень точный образ по отношению к жизненному миру дворянского детства. Даже попав в интернациональную среду, российские дворяне, воспитанные в европейском духе, сохраняли своё национальное своеобразие. Они не противопоставляли своё чужому, заимствовали, но не теряли своеобразие. Осваивалось это искусство общения с «международной» средой с детства.

«Международным» был не только мир дворянского детства, но и сам жизненный мир привилегированного сословия.

«Международность» была свойственна началу жизни дворян на протяжении всего имперского периода, начиная с XVIII в. Очередное поколение российской элиты выходило во взрослую жизнь только после того, как вполне ус-

ваивало уроки общения в разноплеменной среде. Отличительной чертой стиля взаимоотношений между людьми, практиковавшегося образованным дворянством, было понимание и душевное расположение к чужой культуре, к чужому мировосприятию, к чужой религии. Утверждая так, мы делаем определённое допущение. В дворянском сословии в целом было много людей, которые страдали ксенофобией или распространяли дружелюбие исключительно на людей, равных им по положению. Тем не менее такое допущение вполне возможно для образованной части сословия, поскольку мемуаристы XVIII — начала XX в. сравнительно редко описывали недружественные настроения по отношению к носителям другой культуры в повседневной жизни. Для нас доказательством стала единичность подобных воспоминаний на страницах записок, посвящённых детству мемуаристов или их современников.

Мемуары позволяют говорить не о «настроениях» отдельных аристократических родов [9, с. 83], а о характерной черте жизненного мира привилегированного сословия. Как отмечают исследователи, к межнациональным отношениям в дворянской среде не применим термин «толерантность» [9] (от лат. *tolerantia* — терпение), что означает «способность организма переносить неблагоприятное воздействие...», а также «терпимость, снисходительность к кому-либо, к чему-либо» [25, с. 610]. Дворяне не испытывали необходимости быть толерантными к проявлениям инонационального мира. В них с детства с помощью воспитания и образования культивировалось сознание родства и соседства с представителями сословной элиты иного народа.

В современной литературе есть тенденция изменить содержание понятие «толерантность» и связать его с необходимостью социального мира в нашей многонациональной стране. Однако такие отношения выстраиваются по вертикали — тот, кто терпит, возвышается над тем, кого или что он терпит. Иными словами, здесь просматривается противопоставление «лучший» — «худший». Данные представления об отношениях между равными неприменимы к дворянским семьям. Многие из них состояли из представителей разных национальностей. Для выходцев из таких семей термин «толерантность» просто не имел смысла. Светские культура и воспитание, условия жизни дворян того времени были практически вненациональны. В XVIII — начале XX в. их даже не разделял языковой барьер. Объединяющим понятием была и категория «честь». Именно она способствовала формированию понятия «мы», в которое включались все дворяне, «вне зависимости от их национальной принадлежности» [13, с. 22]. Трудно найти мемуариста в России второй половины XVIII — начала XX в., который бы не имел родственников-иностранцев или не общался бы ни с одним иностранцем в детстве.

«Прибойный шум» межнациональности в жизненном мире дворянского детства складывался из множества разноплеменных голосов, раздававшихся то из европейской дали, то совсем рядом. Так, например, некоторые авторы

воспоминаний сами происходили из семей, где родители относились к разным национальностям или вероисповеданиям. Адмирал Н. С. Мордвинов (1754–1845 гг.) был женат на англичанке Г. А. Коблей. Генриетта Александровна рано осиротела и воспитывалась родственниками в Италии [20, с. 397]. В подобных семейных парах, детство мальчиков и девочек имело определённое своеобразие. Так, Н. Н. Мордвинова (1789–1882), дочь адмирала, вспоминала о том духовном влиянии, которое в семье имела её мать. Оно распространялось, например, на круг чтения всей семьи, причём не только на детей, но и на главу семьи. В основном Генриетта Александровна предпочитала английскую или русскую литературу, произведения же французских авторов отвергала как безнравственные [20, с. 441]. К Мордвиновым приезжали родственники Генриетты Александровны из-за границы. Среди них были не только англичане. Во время путешествий по Италии и Англии Мордвиновы останавливались у родственников. Такие контакты делали Европу в глазах детей в каком-то смысле родной стороной, где жили не чужие им люди [20, с. 421–422]. Европейские страны для маленьких детей хотя и были периферийной частью их жизненного мира, но, тем не менее, это одна из важнейших его составляющих.

Если супруги были разной национальности, то их семья своей «многоликостью» неизменно привлекала к себе внимание современников (а позже историков) [27, с. 194]. Члены этих семей поражали разнообразием характеров, своей культурной гибкостью. Крепость семейных уз в межнациональных супружеских союзах превосходила этнические связи. Дворянские семьи представляли наиболее характерный тип не только семейной, но и родовой сплочённости, несмотря на свой пёстрый национальный состав. Опыт существования в подобной среде приобретался с колыбели, которую то нянюшка качала, то строго опекала английская или немецкая бонна.

Николай Григорьевич Цевловский (ок. 1791–1848 гг.) воспитывался дома матерью. Отца своего он совершенно не помнил. Мать же его была «католичка и истая полька», поэтому весь уклад их повседневной жизни в поместье был польским. Мать внушала сыну с младенчества любовь ко всему польскому в быту, в литературе, учила иностранным языкам и «вполне достигла своей цели» [4, с. 44]. В своей семье Николай Григорьевич также культивировал польскую культуру и язык. Раз в год он обязательно посещал Варшаву, откуда привозил гостинцы, книги и журналы на родном для себя языке. Очень показательно замечание дочери: «Как только умер отец, все в доме стали говорить исключительно по-русски» [4, с. 88]. Умер человек — оборвалась живая связь с иной культурой. Других польскоговорящих родственников или знакомых у Цевловских не было. Позже в их семье охотно вели беседы на французском и немецком языках.

Если даже дворянская семья была русской, то дети с ранних лет изучали свою родословную, зачастую начинавшуюся с полумифического предка, неред-

ко иностранного происхождения. Дети таким образом узнавали о начале своего рода и его места в мире. Этот мир простирался далеко от тех мест, где они жили. Мемуаристы, прежде чем приступить к рассказу о своём детстве, часто начинали воспоминания с описания родословной. Для них генеалогические данные действительно были неотъемлемой частью их памяти о себе. Помимо мировоззренческих функций эти «родовые воспоминания», будучи частью личной памяти с детства, выполняли функцию связи между сознанием ребёнка и всемирной историей, они становились основой его восприятия истории, частью его исторического сознания, его исторической памяти.

М.В. Данилов (1722-1790 гг.) вёл свою родословную с 1093 г. от немца «из Цесарского государства» Индрика, крещённого в православии Леонтием, и его старшего сына Литвинуса, принявшего имя Константина [10, с. 284]. Предки Сергея Николаевича Глинки (1776-1847 гг.) были поляками [7, с. 2], а Борис Николаевич Чичерин (1828-1904 гг.) своим родоначальником называл итальянца Чичери, который прибыл в Москву в свите Софьи Палеолог [30, с. 92]. Такие сведения о начале своего рода дети получали не из специальной литературы или документов, а из обыденных семейных разговоров, преданий, рассказов. Лишь некоторые из дворян, став взрослыми людьми, серьёзно обращались к генеалогическим изысканиям.

В некоторых семьях, приближенных ко двору и входивших в высший свет, дети близко знакомились с иностранцами. Е.Р. Дашкова (1743-1810 гг.), вспоминала, что все иностранцы, которые посещали дом её дяди-канцлера, «должны были платить дань моей безжалостной любознательности» [11, с. 72]. Для девочки они были незаменимыми источниками информации. В середине XIX в. В.П. Мещерский (1839-1914 гг.), бывший в то время подростком, знакомился с новостями большой политики в гостиной своих родителей, которую часто посещал английский посланник лорд Непир. «Живые связи дружбы влекли его в нашу гостиную», — отмечал мемуарист [19, с. 15]. Знакомство детей с иностранцами и возникавшие «живые связи дружбы» оказывали влияние на их восприятие новостей. Сведения о мире, которые они слышали от иностранцев, отличались и количественно, и качественно, что позволяло критически относиться к узнаваемому из других источников.

С иностранцами, менее значительными по своему статусу, дети могли познакомиться и в провинции. Ф.Ф. Вигель (1786-1856 гг.) вспоминал, что он жил в детстве в качестве воспитанника у княгини В.В. Голицыной. В её украинском поместье «из разных стран собрались... образчики разных наций и состояний» [3, с. 48]. По вечерам они сходились вместе и «все были богаты воспоминаниями, и потому-то большая часть разговоров проходила в рассказах» [3, с. 48]. На маленького Филиппа Вигеля и, видимо, на других детей эти беседы оказывали серьёзное развивающее воздействие: «...я всё выслушивал, позволял себе вмешиваться в разговоры, делать вопросы и получал снисходитель-

ные и удовлетворительные ответы». Вспоминая об этих вечерах, Ф. Ф. Вигель писал: «...чрезвычайно расширился круг моих идей» [3, с. 48], т. е. мемуарист сам констатировал изменения в своём жизненном мире.

Многие дворянские семьи в качестве прислуги содержали людей самых разных национальностей. Порой число таких слуг было весьма велико. Князь Ф. Ф. Юсупов (1887-1967 гг.) вспоминал, что во времена его детства в их доме был заметный процент слуг-азиатов. В детстве он любил наблюдать их реакцию на украшение ёлки перед Рождеством: «Сиянье стеклянных шаров и серебряного дождя зачаровывало наших слуг-азиатов» [32, с. 61]. Восточное происхождение рода Юсуповых, о котором знал маленький Феликс, «азиатская» прислуга и «мавританская зала» в родовом особняке в Петербурге определили и характер некоторых развлечений ребёнка. В отсутствие родителей Феликс в этом зале «созывал всех слуг-мусульман и сам наряжался султаном» [32, с. 59]. Мальчик разыгрывал живые картины с восточной тематикой, участвовал в них как актёр и режиссёр. Ни отец, ни мать не подозревали об этой его забаве [32, с. 60]. Общение со слугами из различных восточных народов — неперенная составляющая детства Ф. Ф. Юсупова. Впрочем, неотъемлемой частью его жизненного мира с детства было общение со всевозможными инородцами и иностранцами самого разного уровня, как и у многих детей российских дворян, росших в придворном окружении.

Воспитанием и образованием подавляющего большинства детей дворян, по воспоминаниям мемуаристов, занимались иностранцы. Иногда это были люди добросовестные и честные, а иногда — проходимцы с сомнительной нравственностью и скудным запасом знаний. И. М. Долгорукий (1764-1823 гг.) писал, что до восьми лет его с двенадцатью сёстрами вместе с няней-крепостной опекала *madame Constantin*: «Она была женщина не молодая, очень хороших свойств, усердно привязана к нашему дому, а паче ко мне, и вместе с сестрою приучила меня лепетать по-своему с самого ребячества» [12, с. 189]. Повезло ему и с гувернёром. И. М. Долгоруков всю жизнь был признателен своему наставнику-французу: «Я никогда не постыжусь сказать, что из всех моих сторонних наставников никому я не должен такой благодарностью, как ему» [12, с. 314]. В общении со своими иностранными учителями и воспитателями дети имели возможность усвоить нормы и элементы чужой культуры. Таким образом элементы европейской культуры проникали в жизнь дворянских детей и формировали ткань таких подсистем жизненного мира, как повседневность, идентичность, мировоззрение.

Если иностранные учителя имели высокий уровень образования, то они знакомили своих воспитанников и с достижениями европейской науки, литературы и искусства. Примером может быть голландец профессор Тенкат, учивший детей Чичериных. В семье Набоковых очень часто менялись гувернёры и репетиторы, «причём, нанимая их, отец как будто следовал остроумному

плану выбирать каждый раз представителя другого сословия или племени» [22, с. 219]. Через семью англоманов Набоковых прошли, помимо русских, английских и французских воспитателей, украинец, латыш, поляк, еврей.

Смена наставников иногда была вызвана жизненными обстоятельствами, а иногда результатом «усилий» самих воспитанников. Феликс Юсупов в детстве абсолютно не желал учиться. Живость характера и неуёмная фантазия заставляли его изобретать способы избавления от наставников. Родители принимали новых, надеясь, что их сын сумеет ужиться с очередным педагогом и начнёт учиться. Впоследствии князь вспоминал: «После немца-пьяницы, засыпавшего каждый вечер с бутылкой шампанского, я успешно устроил невероятное количество воспитателей: русских, французов, англичан, швейцарцев, немцев, вплоть до аббата, бывшего впоследствии воспитателем детей румынской королевы. Много лет спустя королева сказала мне, что воспоминания обо мне были кошмаром для несчастного прелата, и ей хотелось узнать, действительно ли всё, что он рассказывал обо мне, было правдой. Я вынужден был заверить её, что он ничего не выдумал!» [33, с. 36]. В своём дурном отношении к разноплеменным гувернёрам маленький Феликс был в прямом смысле слова интернационалистом.

Каждый раз, выстраивая отношения с представителем того или иного народа, дети учились межнациональным контактам и умению находить общий язык с кем бы то ни было, даже в тех случаях, когда общение носило конфликтный характер. Маленькие дворяне учились вести себя в стандартных ситуациях привлечения внимания, обращения, знакомства, приветствия, прощания, извинения, комплимента, письменного сообщения, поздравления, благодарности, пожелания, утешения, сочувствия, соболезнования и т. п. Как известно, у разных народов во всех этих стандартных ситуациях действуют совершенно различные нормы поведения и правила общения [26, с. 13]. Для детей дворян это был бесценный опыт.

Усвоить тонкости международного общения на частном уровне помогали детские путешествия мемуаристов. Посещая европейские города и сельскую местность, они могли увидеть в реальности то, о чём читали в книгах. Расширение кругозора и общение с европейцами с ранних лет давало возможность сравнивать порядки и нравы своей страны с чужеземными. Соответственно, развивалось критическое отношение к действительности. Вспоминая дорожные впечатления от первой детской поездки в Швейцарию в 1863 г., Н. Е. Врангель (1847-1923 гг.) писал: «Я видел то, чего не видел на родине: благоустроенные города, чистые деревни, простые, красивые, весёлые домишки, окружённые цветниками, весёлых довольных людей, аккуратно одетых деревенских ребят, холёных лоснящихся коней, исправные повозки, и я понять не мог, почему тут всё так красиво и радостно, а у нас так серо, бедно, угрюмо» [5, с. 73]. Такие сравнения и сопоставления, данные в личном опы-

те, заставляли детей рано задумываться над сложными политическими и социальными вопросами. Не зря в 17 лет барон Николай Врангель чувствовал себя убеждённым социалистом.

Для многих дворянских детей, путешествовавших по Европе, эти поездки сопровождались обучением в местных школах. Так, пребывание за границей совмещалось с обучением для князя П. М. Дашкова (первая половина 1770-х гг.; в 14 лет получил степень магистра искусств после экзамена в Эдинбургском университете), барона Н. Е. Врангеля (1859-1864 гг., с 13 до 17 лет), А. Н. Крылова (1872-1874 гг., с 9 до 11 лет).

Именно в швейцарском пансионе Н. Е. Врангель впервые познакомился с революционными идеями, европейскими стереотипами, мифами о России и алкоголем. С двенадцати лет он жил бок о бок с арабом и англичанином и провёл с ними четыре года. Сразу после приезда в пансион Николая позвали за стол, где состоялся один из первых разговоров с его обитателями: «Вы белое или красное вино пьёте, Nicolas? — спросил пастор... — Мне дома вина не давали. — Да, да, я слышал, — сказал Давид. — У вас в России вина не пьют, а только водку. Но это очень вредно, а у нас пьют вино. Вам нужно будет привыкнуть к нему и водку бросить» [5, с. 75].

Мемуарист описал ещё один разговор со своим английским сверстником. Гарри (так звали соседа Николая) сказал, что его выберут в парламент после возвращения домой в Англию. Продолжение разговора вспоминалось мемуаристом следующим образом:

— А если не выберут?

— Глупости, — сказал Гарри. — Это стоит не более двух тысяч фунтов и, если иметь хорошего выборного агента, дело в шляпе. В жизни главное — знать, чего хочешь, и уметь хотеть, а мы, англичане, это умеем. А ты в парламент не собираешься?

— Я бы с удовольствием туда пошёл, да у нас нет парламента, — сказал я.

— Что ты? — сказал Гарри. — А что тебе пишет Фриц? [брат жены Н. Е. Врангеля, который прежде учился в этом пансионе. — *И. М., С. М.*]. Он офицерский патент себе уже купил?

— У нас патента на офицера не покупают, — сказал я.

Гарри с недоумением посмотрел на меня.

— Какой вы странный народ! Парламента нет, майоратов нет! Патентов не покупают... Почти круглый год зима... [5, с. 76-77].

В этом детском диалоге отразились культурные различия, с которыми барону Врангелю (и многим другим!) приходилось сталкиваться ещё в детстве. Впечатления бывали порой шокирующими. Детям необходимо было осознать и выбрать определённую оценочную позицию по отношению к получен-

ным знаниям. Приобретённая позиция становилась базой для дальнейшего накопления жизненного опыта и расширения границ своего жизненного мира. Возможно, благодаря таким ранним впечатлениям о «чужих» и «своих» Н.Е. Врангель первые годы на службе старался решать дела по закону и не отдавал предпочтений русским перед людьми других национальностей [5, с. 102]. Он служил чиновником по особым поручениям при калишском губернаторе князе Щербатове. Молодой человек не встретил сочувствия руководителя и чиновников своему толкованию законности. Его непредвзятость по отношению к местным полякам воспринималась начальством и сослуживцами как пропольские симпатии. Государственную службу молодому чиновнику вскоре пришлось оставить.

Детям многих обедневших дворян приглашение иностранного гувернёра или поездка за границу не были доступны. В их детство вкрадывался «шум международной», когда они поступали в учебное заведение. Помогали прикоснуться к чужой культуре преподаватели-иноземцы, изучение иностранных языков, общение со сверстниками — представителями других народов. Сенатор К.И. Фишер (1805-1868 гг.) описывал своё обучение в петербургской гимназии в конце второго десятилетия XIX в. Коллектив преподавателей в этом учебном заведении был разноплемённым. С теплотой К.И. Фишер вспоминал инспектора Фёдора Ивановича Миддендорфа, с юмором рассказывал о профессорах Гедике и Бутырском, о чудачествах профессоров Плисова и Грефе. Заканчивая воспоминания о своих забавных преподавателях, русских и немцах, мемуарист неожиданно подытожил: «я люблю их до сих пор и до сих пор им благодарен. Они объяснили мне главное: что я — невежда! Будучи хвалим за географию, когда семи лет от роду я, как попугай, лепетал города и реки, я вообразил себя географом и потому до 30 лет не знал географии; отличаемый в 5 классе за математику и историю, я почёл себя преучёным мужем (в 13 лет), в 7 классе я стал сомневаться в своей мудрости, а в 8-м убедился, что ничего не знаю, и это убеждение есть лучшее ручательство, что мои учителя были дельные и почтенные люди» [29, с. 23]. «Дельные и почтенные люди» — это то главное, что в преподавателях-инородцах ценили дворяне. «Почтенные люди» разных народов умели разъяснить своим ученикам всю глубину их невежества и тем самым увлечь подопечных на путь познания.

Усвоение нескольких иностранных языков помогало детям приобрести известную гибкость в общении. Многим из них была свойственна постоянная открытость и готовность к восприятию чего-то нового. Вместе с тем детям «нечувствительно» прививалось признание права представителей иной культуры воспринимать мир с других позиций [26, с. 14]. Открытость к восприятию Другого была отличительной чертой жизненного мира дворян по сравнению с иными жизненными мирами, которые одновременно формировались в сопредельном социокультурном окружении.

О какой-либо межнациональной розни в учебных заведениях между детьми не упоминал никто из мемуаристов. Случай с Ф. В. Булгариным (1789-1859 гг.) в Сухопутном шляхетском корпусе нельзя расценивать как её проявление. Он поступил в старшие классы первым из числа дворян вновь присоединённых провинций сразу после восстания Тадеуша Костюшко. Когда Фаддея на одиннадцатом году перевели из малолетнего отделения к старшим, кадеты прозвали его «Костюшкой». Как вспоминал писатель, его одноклассники дразнили именем, «не понимая значения этого прозвания» [2, с. 106]. Едва услышав кличку, Фаддей устроил драку. Мальчишки решили его проучить. Оставшись без присмотра, кадеты решили крестить «Костюшку» в «русскую веру», исповедуя принцип, «что русскому хорошо, то немцу смерть». Голого Фаддея поймали в бане, затащили на чердак и сбросили в кучу снега. Когда он выбрался из сугроба и вернулся в баню, мальчишки посоветовали ему выпариться. Фаддей, «опасаясь новых проказ», пригрозил первому, кто к нему приблизится, «проломить голову» шайкой. Зная его бойцовский характер, одноклассники оставили Булгарина в покое. Для Фаддея это приключение закончилось госпиталем и «нервической горячкой» [2, с. 106]. Доносить он не стал, а выйдя из госпиталя, «добровольно соскочил в снег». Такое поведение изменило его взаимоотношения с одноклассниками в лучшую сторону. Они «решили, — вспоминал мемуарист, — что я достоин быть принятым в их общество и перестали дразнить меня» [2, с. 107]. Данный эпизод из жизни Ф. Булгарина внешне обозначался через противостояние поляка и русских. Но не это было главным. В нем, конечно, присутствует пример усвоения норм другого детского сообщества, в которое ребёнок попал из привычного ему жизненного мира польской шляхты. Жизненные миры польского и русского дворянства имели множество идентичных подсистем, среди которых наиболее важными были две: принадлежность к привилегированному сословию и к европейской культуре. Именно это сходство русского и польского жизненных миров позволили ребёнку сориентироваться в конфликтной ситуации и удачно её разрешить. По сути же описанный конфликт между детьми — типичный пример преследования новичков. Оно было распространено в военно-учебных заведениях под названием «цук» (аналогия современной «дедовщины»). «Цук» присутствовал практически везде и поддерживался начальством от основания военных корпусов и училищ до самого их конца в 1917 г. Одни мемуаристы считали его злом и боролись против него, как П. А. Кропоткин (1842-1921 гг.) [15, с. 104-108] или М. И. Недбаевский (1870-1964 гг.) [23, лл. 72-73]. Другие, как, например, Н. Л. Барклай-де-Толли Веймарн (1893-1954 гг.), относились снисходительно [1, с. 127].

Об отсутствии преследований на национальной почве в учебных заведениях говорят даже те, кто был далёк от верноподданнических чувств и мог впоследствии в мемуарах сгустить краски, расписывая негативные стороны российского прошлого. Анонимный автор «Мыслей и воспоминаний поляка»,

родившийся в 1838 г., учился в Брестском кадетском корпусе. Он вспоминал: «Поляков в Брестском корпусе было более половины всего состава. Сначала мы держались в стороне от товарищей русских, но к концу моего пребывания в корпусе мы жили дружно и согласно. Между нами водворились мир и уважение к национальным и религиозным убеждениям» [21, с. 674]. В отличие от той политики недоверия и притеснения, которая проводилась в отношении поляков царским правительством в Западном крае, в казённых образовательных учреждениях поддерживался совершенно иной тон общения между детьми.

Часто дети так называемых инородцев оформлялись для учёбы в этих заведениях по прямому приказу императора. Н. А. Крылов (1830-1911 гг.), обучавшийся в Первом кадетском корпусе с 1841 г., вспоминал, что в их роте было 20 черкесов и среди них один из сыновей захваченного в плен имама Шамиля [16, с. 944]. Н. А. Крылову не хватило места в общей спальне, и его поселили в спальне с черкесами. Позднее туда подселили ещё несколько человек из числа вновь прибывших. Среди русских новичков в этой же спальне оказался и наследник черногорского престола Николай Негош [16, с. 946]. Никакой неприязни ни черкесы к новеньким, ни новенькие к черкесам не испытывали. Сын Шамиля к моменту поступления Крылова «научился говорить по-русски и усваивать кадетскую жизнь: лгать начальству, заступаться за товарищей и своих не выдавать. Словом, был он кадетом обстрелянным». Поэтому он взял Н. А. Крылова «под своё покровительство» и «очень быстро спроваживал тех озорников, которые намерены были приставать... к новичку» [16, с. 945].

В женских институтах среди девочек тоже отсутствовало нездоровое внимание к национальным и религиозным различиям. Вообще в этих вопросах дети зачастую вели себя лучше взрослых. Е. Н. Водовозова (1844-1923 гг.) описывала такой случай на Александровской половине Смольного института, где она училась. В их класс приняли польку Фанни Голембиовскую, девочку болезненную и нервную. Она была в трауре по недавно умершему отцу и ещё не оправилась от потрясения. Фанни свободно говорила по-русски, по-немецки и по-французски, хорошо училась, несмотря на то, что почти всё время проводила в лазарете. Однажды во время отпуска из лазарета Фанни сидела в классе в свободное от уроков время и писала письмо матери по-польски. Классная дама m-lle Тюфяева, женщина грубая, жестокая и малограмотная, заметив, что девочка что-то пишет и явно не задание к уроку, отобрала у ученицы письмо. Наставница стала кричать, как девочка смеет писать матери, которая лишь накануне навещала её, да ещё по-польски. Формально классная дама была права. Из института писать письма разрешалось лишь на трёх языках: русском, французском и немецком. Письма на любых других языках не отправлялись по назначению и возвращались воспитанницам. Девочки в классе подняли шум. Они были возмущены тем, что Фанни не дают писать на своём родном языке. Воспитанницы заставили классную даму сразу вер-

нуть письмо, не донося директрисе. У Фанни тем не менее произошёл нервный срыв, и её унесли в госпиталь. В класс она больше не вернулась. Спустя две недели мать увезла Голембиовскую из института в безнадежном состоянии. Девочки ей очень сочувствовали. Иной была реакция начальства. Директриса Смольного статс-дама М. П. Леонтьева сурово отчитала убитую горем мать девочки, прежде чем разрешила забрать Фанни домой. Через месяц девочки узнали, что их одноклассница умерла от скоротечной чахотки. Мемуаристку возмутил случай грубого обращения с воспитанницей и её матерью, а также его безнаказанность. О том, что начальство так и не сделало Тюфяевой даже выговора, автор воспоминаний помнила всю жизнь [4, с. 370].

В жизненном мире дворян с детства присутствовали не только люди, но и вещи иноземного происхождения, например, книги. В некоторых домах, как у И. А. Яковлева, отца Александра Ивановича Герцена, вообще не было литературы на русском языке [6, с. 47].

Одежда была, пожалуй, самой распространённой иноземной вещью в детском обиходе. Если платье и шили в России, то образцами служили чаще всего иностранные модные картинки или журналы. При изготовлении одежды нередко использовали материалы, купленные за границей. Мемуаристам из всего их гардероба в основном запоминались карнавальные костюмы. Часто детские балы проводились как маскарады. Наиболее популярными были костюмы всевозможных народов. Авторы маскарадных одеяний стремились к максимальному сходству с оригиналами. Годы спустя мемуаристы подробно описывали детали и цвета как своих костюмов, так и нарядов своих товарищей [15, с. 58; 30, с. 137-138]. Дворяне с детства получали представление о традиционной одежде разных народов, которая считалась ярким воплощением национального своеобразия.

Дом многих детей окружали произведения европейской живописи.

Были дворянские семьи, повседневный уклад которых строился на потреблении товаров какой-либо европейской страны, чаще всего Англии или Франции. В. В. Набоков, давая описание быта своей семьи времён его детства, вспоминал: «В обиходе таких семей, как наша, была давняя склонность ко всему английскому... Бесконечная череда удобных, добротных изделий, да всякие ладные вещи для разных игр, да снедь текли к нам из Английского магазина на Невском... Эдемский сад мне представлялся британской колонией» [22, с. 99].

Способность осуществлять и поддерживать международные контакты была показателем воспитанности и образованности дворянского отпрыска. Этот факт служит основой для радикальных выводов некоторых современных учёных. Так, А. В. Шипилов пишет: «Собственно шляхетское образование, сосредоточивавшееся на изучении немецкого или французского, и направлялось на то, чтобы сделать из русского — не-русского: не русского, а дворянина» [31,

с. 92]. Тем самым дворянство противопоставляется народу, что вряд ли можно считать справедливым. Для дворянского сословия, как уже говорилось, национальная чистота семьи была второстепенна. Так же безразлично относились дворяне и к приверженности семьи к той или иной культурной традиции — она выбиралась произвольно, в зависимости от вкусов и взглядов старшего поколения семьи и даже от стечения обстоятельств. Зато в сознание ребёнка обязательно закладывалась мысль о том, что он — представитель рода, прославленного в истории до его рождения и имеющего продолжение в нём. Его задача — умножить славу рода или хотя бы не посрамить её.

Непрерывно шумел «прибой международного детства». Он наполнял юные души то звуками иноплемённой речи, то выносил на российский берег снедь, игрушки, «да всякие ладные вещи» иноземного производства. В этом шуме маленькие дворяне в увлекательной беседе усадебного вечера могли различать роковые споры о «польском вопросе» и Кавказской войне или разноязычные голоса. Действительное значение этих реалий становилось заметным мемуаристам только со временем.

В самом начале XVIII в. «международность» была присуща меньшей части дворянства — той, что проживала в городах. Но ее преимущество продержалось недолго. «Международность» быстро проникала в провинцию, подгоняемая царскими указами. Уже во второй половине XVIII в. «международный шум» стал неотъемлемой и органичной частью быта дворянских детей, независимо от места их рождения и проживания. Тесный, непрерывный контакт с чужой культурой, ставший отличительной чертой жизненного мира дворянских детей на протяжении всего имперского периода, нисколько не мешал развиваться и другой составляющей их мировоззрения — патриотизму.

Понятие «международность» как отличительная черта дворянского жизненного мира Российской империи не может быть заменено понятием «космополитизм». В последнем становится невозможным национальное своеобразие, исчезает Отчизна. А с Петровского времени российское дворянство обязано было служить именно ей, а не сюзерену. Поэтому набоковский образ детства с его определением «международность», практически лишенным этнической или аксиологической маркировки, помогает описать многообразие переходных состояний формирования идентичности мемуаристов в жизненном мире их детства.

Библиографический список

1. Барклай-де-Толли Веймарн Н. А. Мой последний год в стенах родного корпуса // Хазин О. Пажи. Кадеты. Юнкера. М.: Социально-политическая мысль, 2002.
2. Булгарин Ф. В. Воспоминания. М.: Захаров, 2001.
3. Вигель Ф. Ф. Записки. М.: Захаров, 2000.
4. Водовозова Е. Н. На заре жизни: в 2 т. М.: Художественная литература, 1964. Т. 1.

5. *Врангель Н. Е.* Воспоминания: от крепостного права до большевиков // Бароны Врангели. Воспоминания. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006.
6. *Герцен А. И.* Былое и думы. 1852-1868 // Герцен А. И. Собрание сочинений. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. Т. 8. Ч. 1-3.
7. *Глинка С. Н.* Записки. СПб.: Русская старина, 1895.
8. *Записка Ф. Н.* Глинка о магнетизме // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ; Рос. архив, 2001. Т. 11.
9. *Горизонтов Л. Е.* Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. М.: Индрик, 1999.
10. *Данилов М. В.* Записки Михаила Васильевича Данилова, артиллерии майора, написанные им в 1771 году (1722–1762) // Безвременье и временщики. Л.: Художественная литература, 1991.
11. *Дашкова Е. Р.* Записки // Дашкова Е. Р. Записки. Письма сестёр М. и К. Вильмот из России. М.: Изд-во МГУ, 1987.
12. *Долгоруков И. М.* Записки князя Ивана Михайловича Долгорукова // Сочинения: в 2 т. СПб.: б.и., 1849.
13. *Каменев Е. В.* Категории мировоззрения русского офицерства эпохи наполеоновских войн: автореф. ... дис. канд. ист. наук. Петрозаводск, 2007.
14. *Кожевников С. Б.* Жизненный мир: феноменология, экзистенция, семиозис. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2003.
15. *Кропоткин П. А.* Записки революционера. М.: Мысль, 1966.
16. *Крылов Н. А.* Кадеты 40-х годов // Исторический вестник. 1901. Т. 85, № 9.
17. *Мартианова И. Ю.* Жизненный мир девочки в польской дворянской семье XVIII в. // Женская история и современные гендерные роли: переосмысливая прошлое, задумываясь о будущем: материалы III Междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН, 1-3 ноября 2010 г., Череповец. М.: ИЭА РАН, 2010. Т. 2.
18. *Мартианова И. Ю.* Жизненный мир и его структура в воспоминаниях Е. Н. Звержевич // Ежегодник историко-антропологических исследований 2010. М.: ЭКОН-ИНФОРМ, 2010.
19. *Мещерский В. П.* Воспоминания. М.: Захаров, 2001.
20. *Мордвинова Н. Н.* Воспоминания об адмирале Николае Семеновиче Мордвинове и о семействе его. Записки его дочери // Записки и воспоминания русских женщин XVIII — первой половины XIX века. М.: Современник, 1990.
21. Мысли и воспоминания поляка // Русская старина. 1906. Т. 127. (Автором воспоминаний был польский дворянин Октавий Бронислав Еленский герба Врембы.)
22. *Набоков В. В.* Другие берега: мемуары. М.: Захаров, 2004.
23. *Недбаевский М. И.* Воспоминания офицера Ейского полка Кубанского казачьего войска Максима Ивановича Недбая (Недбаевского) // ГАКК. Ф. Р-670. Оп. 1. Д. 67.
24. *Салихова Н. Р.* Понятийные оппозиции описания жизненного мира человека // Учёные записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. 2009. Т. 151, кн. 5, ч. 1.
25. Современный словарь иностранных слов. СПб.: Дуэт, 1999.

26. Солодянкина О. Ю. Иностранцы гувернантки в России (вторая половина XVIII — первая половина XIX века). М.: Academia, 2007.
27. Разумова И. А. Потаённое знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М.: Индрик, 2001.
28. Теория и жизненный мир человека. М.: ИФ РАН, 1995.
29. Фишер К. И. Записки сенатора. М.: Захаров, 2008.
30. Чичерин Б. Н. Воспоминания Б. Н. Чичерина // Российский архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XIX вв.). М.: ТРИТЭ, 1999. Вып. 9.
31. Шипилов А. В. Российская цивилизация. Сословное как антинациональное: общество и культура России первой половины XVIII в. // Общественные науки и современность. 2005. № 2.
32. Юсупов Ф. Ф. Князь Феликс Юсупов: мемуары; в 2 кн. М.: Захаров, 2008.
33. Юсупов Ф. Перед изгнанием. 1887–1919. М.: Московский центр искусств, 1993.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ СТАТЕЙ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ЧЕЛОВЕК. СООБЩЕСТВО. УПРАВЛЕНИЕ»

.....

Журнал публикует работы в области политологии и политического управления, государственного и муниципального управления, местного хозяйства, менеджмента и управленческого консультирования, общей психологии и психологии личности, социальной и экономической психологии, психологии развития, психологии труда, педагогики и др. областях.

Принимаются научные статьи, рецензии и обзоры объемом до 32 тыс. знаков с пробелами (до 0,8 п.л.) в электронном виде формата Word for Windows приложением («прищепкой») по электронным адресам редакции chsu1999@yandex.ru, journal@manag.kubsu.ru (просьба дублировать отсылку материалов).

Авторская справка. Рукопись должна включать сведения об авторе(-ах): ФИО полностью, ученую степень, ученое звание, место работы и занимаемую должность, номера телефона, электронный и почтовый адрес.

Оформление ссылок. Автор обязан оформлять ссылки на источники, из которых он заимствует цитаты, статистические данные и другую информацию. В конце статьи формируется *Библиографический список*, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Каждому источнику присваивается порядковый номер. В библиографическом описании источника обязательно указывается место издания и название издательства (кроме периодических изданий), год издания. Вначале указываются источники, изданные на русском языке, затем – на иностранных.

Внутритекстовая ссылка обозначается квадратными скобками. Она должна содержать номер источника и страница (или страницы), на которую(-ые) делается ссылка. Пример ссылки: [3, с. 67] означает, что цитируется страница 67 источника под номером 3 *Библиографического списка*.

Аннотация. Рукопись должна включать аннотацию статьи объемом не более 800 знаков, содержащую описание сути научного сообщения (основная идея и цель, методы, результаты исследования), и список ключевых терминов (не более десяти). Аннотация и список ключевых терминов предоставляются на русском и английском языках.

Плата за публикацию с авторов журнала, в т.ч. с аспирантов, не взимается.

Редакция журнала располагается по адресу: Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, к. 412Н.

Распространение журнала. Журнал распространяется по подписке. С отдельными номерами нашего журнала можно ознакомиться и приобрести их в библиотеке факультета управления и психологии КубГУ — 4-й этаж Нового корпуса, к. 414Н. Библиотека открыта в рабочие дни с понедельника по пятницу с 10 до 17 часов.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

В течение 5 дней после отсылки статьи автор получает уведомление о получении и включении ее в цикл рецензирования. Для проведения рецензирования и экспертизы работ в качестве рецензентов и экспертов могут привлекаться как члены редакционной коллегии и редакционного совета, так и другие высококвалифицированные ученые и специалисты, обладающие глубокими профессиональными знаниями и опытом работы по конкретному научному направлению, как правило, доктора наук, профессора. Аспиранты, представляющие свои статьи в журнал, должны также переслать в редакцию внешнюю рецензию с заверенной в установленном порядке подписью рецензента. Рецензентом не может быть автор или соавтор рецензируемой работы.

В течение последующих 30 рабочих дней автору высылается ответ с вариантом мотивированного решения: (1) статья рекомендуется к печати, (2) статья рекомендуется к печати после доработки, (3) статья не рекомендуется к печати.

Образец оформления рецензии:

Рецензия

на рукопись статьи

Иванова Ивана Ивановича, к. пол. н., доц. кафедры политологии НГУ

Текст рецензии, в которой в свободной форме излагается мнение рецензента относительно: 1) научной проблемы, решаемой автором, и ее новизны; 2) актуальности проблемы; 3) теоретической и практической значимости статьи; 4) соответствия или несоответствия положений и выводов автора современным научным концепциям, существующим в данной области исследования; 5) личного вклада автора статьи в решение рассматриваемой проблемы; 6) оценки статьи с точки зрения языка, логики и стиля изложения материала, обоснованности и достоверности выводов и заключений.

Рецензентом дается заключение о целесообразности публикации конкретного материала.

Рецензент

ФИО, научное звание, должность

«___» _____ 20__ г.

_____ подпись, заверенная печатью